

ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№1–2 2021 (ЯНВАРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

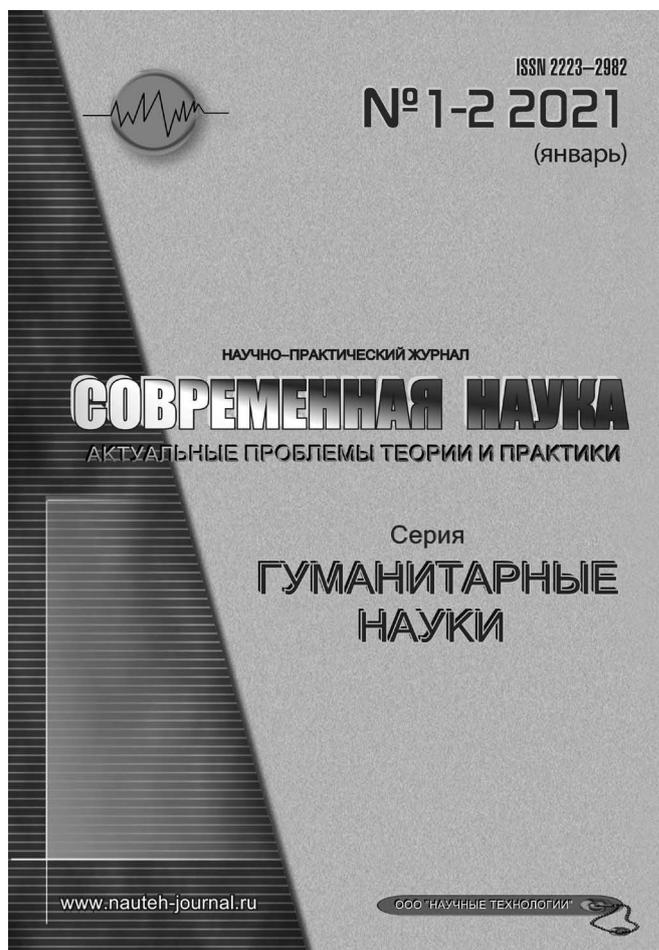
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки № 1-2 (январь) 2021 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK – 07.00.00, 10.00.00, 13.00.00)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 26.01.2021 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н, доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

- Рослова Г.В.** – Трансформация восточногерманских СМИ в ходе объединения Германии на примере газеты «Ляйпцигер Фольксцайтунг»
Roslova G. – Transformation of East German media during the reunification of Germany on the example of the newspaper *Leipziger Volkszeitung* 5

Педагогика

- Астащенко Е.В., Сырова М.М.** – Роль русской детской литературы в преподавании РКИ (до уровня А2+)
Astashchenko E., Syrova M. – The role of Russian children's literature in teaching RFL (up to level А2+)..... 11

- Беляев А.А., Беляева И.В.** – Прагматические аспекты языка в обучении иностранному языку
Belyaev A., Belyaeva I. – Pragmatic aspects of language in foreign language teaching 17

- Кондратьев П.Б.** – Методика преподавания английского языка для студентов юридических специальностей
Kondratev P. – English teaching methodology for law students 23

- Ли Сяотун** – Учебники русского языка для китайских студентов: плюсы и минусы
Li Xiaotong – Evaluation of the Russian textbooks for Chinese students 27

- Ржанов А.А., Шишлянникова О.А., Матросова Е.Н., Пошвенчук Б.Л.** – Оптимизация технического элемента в волейболе - нападающий удар
Rzhanov A., Shishlyannikova O., Matrosova E., Poshvenchuk B. – Optimization of technical element in volleyball – attack 31

- Тихонова Л.А.** – Поиск источников информации, как условие учебно-исследовательской деятельности учащихся младших классов
Tikhonova L. – Search for information sources as a condition of educational and research activities of primary school students 38

- Фомина С.И.** – Технологии смешанного обучения в контексте профессионализации художественно-педагогического образования
Fomina S. – Mixed learning technologies in the context of professionalization and pedagogical education 41

- Фролова О.С., Иванова Л.В.** – Внутришкольное повышение квалификации: развивающие возможности для педагога
Frolova O., Ivanova L. – Intra-school advanced training: developing opportunities for the development 45

- Шибнев А.В.** – Оценка современных подходов к подготовке спортсменов-фигуристов на основе индивидуального подхода
Shibnev A. – Assessment of modern approaches to the training of figure skaters on the basis of an individual approach 49

Филология

- Архипова И.В.** – Таксис в контексте внутрикатегориального синкретизма (на материале разноструктурных языков)
Arkhipova I. – Taxis in the context of the intra-categorical syncretism (based on the material of different structural languages) 53

- Балканов И.В.** – Электронный иллюстрированный многоязычный словарь военных терминов как средство международного военного сотрудничества
Balkanov I. – Electronic illustrated multilingual dictionary of military terms as a tool for international military cooperation 58

Ван Дихань – Применение принципов кооперации и вежливости в речевой коммуникации носителей русского и китайского языков <i>Wang Dihan</i> – Application of the principles of cooperation and politeness in speech communication of native speakers of Russian and Chinese languages 62	Проскурина А.В., Хреновская М.С. – Семантическое пространство образа женщины в языковой картине мира: сопоставительный аспект (на материале фразеологизмов китайского и русского языков) <i>Proskurina A., Khrenovskaya M.</i> – The semantic space of a woman's image in linguistic picture of the world: comparative aspect (based on Russian and Chinese phraseology) 95
Гун Цзинсун – Отымённые предлоги причины в системе русских причинных предлогов: этимология, структура, семантика и прагматика <i>Gong Jingsong</i> – Dissolved suggestions reasons in the system of Russian causal suggestions: ethymology, structure, semantics and pragmatics..... 65	Рындина Ю.В. – Лексико-семантические особенности концепта «семейный уклад» в английском языке <i>Ryndina Ju.</i> – Lexical and semantic features of the concept of "way of family life" in English language 99
Друговеико Н.А. – Изменения в языке: причины и следствия (на материале английского пассива) <i>Drugoveiko N.</i> – Changes in the language: causes and consequences (based on the material of the english passive)..... 70	Топорков П.Е. – Предикативное обособление предложно-падежных форм <i>Toporkov P.</i> – Predicative separation of prepositional-case forms 104
Маевский В.М. – Сопоставление коммуникативных имплицатур в английском и русском языках как имплицитный способ эмоционального воздействия на реципиентов (на примере коммуникации в социальных сетях) <i>Maevskiy V.</i> – Comparison of conventional implicatures in English and Russian as an implicit way of emotional impact on recipients (on the example of communication in social networks) 74	Топоркова Ю.А. – Иноязычные вкрапления в испанских рекламных текстах <i>Toporkova Yu.</i> – Foreign-language elements in Spanish advertising texts 108
Палий Ю.В. – Особенности перевода конструкций с неличными формами глагола с испанского языка на русский <i>Palii Yu.</i> – Specific features of translation of constructions with non-individual verb forms from Spanish to Russian 80	Хуан Шаофэй – Изменение форм обращений в русском и китайском языках в XX-XXI вв. <i>Huang Shaofei</i> – Changes in the forms of salutations in Russian and Chinese in the XX-XXI centuries... 112
Петросян Г.О. – Коммуникативные имплицатуры русского языка (на примере коммуникации в социальных сетях и блогах) <i>Petrosyan G.</i> – Conversationals implicatures of the Russian language (on the example of communication in social networks and blogs)..... 83	Цюй Жуй – Выражение темпорального дейксиса в русском и китайском языках <i>Qu Rui</i> – Expression of temporal deixis in the Russian and Chinese languages 117
	Информация
	Наши авторы. Our Authors..... 121
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 122

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСТОЧНОГЕРМАНСКИХ СМИ В ХОДЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «ЛЯЙПЦИГЕР ФОЛЬКСЦАЙТУНГ»

TRANSFORMATION OF EAST GERMAN MEDIA DURING THE REUNIFICATION OF GERMANY ON THE EXAMPLE OF THE NEWSPAPER LEIPZIGER VOLKSZEITUNG

G. Roslova

Summary: The article deals with the history of the SED newspaper "Leipziger Volkszeitung" in the period from the summer of 1989 to the spring of 1990. This is the first time in Russian historical science when it was shown how this newspaper reacted to political events in the Republic and the district, as well as what was happening at that time in the editorial office itself.

Through the use of a variety of sources and a unique interview with the newspaper's employee Kostas Kipuros, it was possible to trace the dynamics of the editorial office's relationships with the district leadership and its readers and answer the main question: did the newspaper take a leading position in the struggle for democratic transformation, which its readers persistently demanded, or was it driven and unable to change?

Keywords: German reunification, press of the East Germany, mass media, Socialist Unity Party of Germany, Leipzig, Leipziger Volkszeitung.

Рослова Галина Вячеславовна

*старший преподаватель, Московский
автомобильно-дорожный государственный
технический университет (МАДИ)
galina.roslova@gmail.com*

Аннотация: В статье исследуется история газеты СЕПГ «Ляйпцигер Фольксцайтунг» в период с лета 1989 до весны 1990 и впервые в отечественной исторической науке – как эта газета реагировала на политические события в республике и округе, а также о том, что происходило в это время в самой редакции. Благодаря использованию разнообразных источников и уникального интервью с сотрудником газеты Костасом Кипуром удалось проследить динамику взаимоотношений редакции с окружным руководством и ее читателями и ответить на главный вопрос: заняла ли газета лидирующие позиции в борьбе за демократические преобразования, которые настойчиво требовали ее читатели, или же она оказалась ведомой и неспособной к переменам?

Ключевые слова: Объединение Германии, пресса ГДР, СМИ, СЕПГ, Лейпциг, Ляйпцигер Фольксцайтунг.

В год тридцатого юбилея объединения Германии пересмотру подвергаются многие события того периода. Незаслуженно мало внимания российские исследователи уделяют роли прессы Восточной Германии в развитии кризисных тенденций в ГДР, приведших к краху республики.

В период с осени 1989 до весны 1990 года основные восточногерманские СМИ вышли из-под тотального идеологического контроля Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), получив самостоятельность и новый независимый статус. На этот процесс в значительной мере повлияло возросшее давление народных масс, начало которому было положено в Лейпциге – городе, где тридцать лет назад на улицы вышли люди, заявившие о своем протесте против монополярной диктатуры партии СЕПГ и скандировавшие с каждым разом все громче: «Мы – народ!».

В данной статье речь пойдет об истории печатного органа СЕПГ руководства района Лейпцига – «Ляйпцигер Фольксцайтунг» (нем. "Leipziger Volkszeitung") в вышеуказанный период, и впервые в отечественной историче-

ской науке — о том, как газета реагировала на политические события в республике и округе, а также о том, что происходило в это время в самой редакции, что отвечает целям данного исследования. Благодаря использованию разнообразных источников, в том числе уникального интервью с одним из сотрудников газеты удалось реализовать две исследовательские задачи: проследить динамику взаимоотношений редакции «Ляйпцигер Фольксцайтунг» с окружным руководством партии с одной стороны и читателями с другой и ответить на главный вопрос этого исследования: заняла ли газета лидирующие позиции в диалоге с населением, в борьбе за свободу слова и в демократических преобразованиях, которые так настойчиво требовали ее читатели, или же она оказалась ведомой и неспособной к переменам в условиях нарастающего кризиса власти?

История «Ляйпцигер Фольксцайтунг» тесно связана с историей города. Поэтому следует обратить внимание на события, предшествовавшие осени 1989 года. С доиндустриальных времен Лейпциг уже был городом ярмарок, что способствовало формированию космополитического менталитета у его жителей. В конце XIX века, в

эпоху грюндерства, индустриализация спровоцировала значительный рост рабочей силы, что закономерно превратило город в центр пролетарского рабочего движения.

Примерно через сто лет среди трудящихся ГДР появились отдельные прогрессивные личности, которые в 1989 году благодаря своей активности превратили Лейпциг в центр оппозиционного гражданского движения. Из-под защиты церкви святого Николая они вышли на улицы. К ним быстро присоединились единомышленники, и вместе они смогли первыми в республике привлечь внимание властей к голосу недовольного народа.

Новая политика гласности и перестройки Горбачева столкнулась с серьезным противодействием руководства СЕПГ. Значимой вехой в этой политике сопротивления стал в октябре 1988 года запрет популярного советского журнала «Спутник», который до этого момента «ввиду запустения ландшафта местной прессы <...> активно покупали и читали в ГДР. Читатели любили «Спутник» за прекрасную подборку иллюстрированных отчетов о путешествиях и кулинарных рецептах еще до начала перестройки» [24, S. 294]. 19 ноября 1988 года в «Нойес Дойчланд» было опубликовано короткое сообщение под банальным заголовком «Сообщения из пресс-службы Министерства почт и телеграфа» об исключении «Спутника» из списка газет, которые можно получить по почте — поскольку он больше не вносит позитивный вклад в германо-советскую дружбу [15, 19./20.1988]. Многие исследователи сходятся во мнении, что этот невнятно объявленный запрет спровоцировал начало развития гражданского оппозиционного движения в ГДР [24, S. 295-296].

Граждане ГДР отчетливо, но все еще неорганизованно протестовали против запрета советского журнала и получали нелегальные копии по многочисленным приватным каналам в социалистических странах. Этот тихий гражданский протест шел рука об руку с формированием оппозиционного движения в Лейпциге, которое перешло к более решительным действиям в начале 1989 года. Ночью 12 января 1989 года члены церковных групп поместили в почтовые ящики граждан листовки с «Инициативой демократического обновления общества». Они «выступали за свободу прессы и против запрета на журнал “Спутник” и “опасных” советских фильмов» [18, S. 88-89].

В Лейпциге росла оппозиция, выступающая против бездействия и покорности той части общества, которая подчинялась контролю государства. После протестов в

январе и обвинений в фальсификациях на коммунальных выборах в мае 1989 года в июне во Всемирный день защиты окружающей среды состоялся памятный марш. Хотя мероприятие было запрещено, в нем приняли участие 1400 человек [18, S. 95].

Возник вопрос, как освещать действия оппозиции в СМИ. С ответом выступил секретарь агитации и пропаганды окружного комитета СЕПГ Йохен Поммерт¹. На закрытом собрании администрации города 15 июня он заявил: «Ничего не изменилось. Средства массовой информации — это классовые средства массовой информации, и они всегда представляют интересы правящего класса» [18, S. 91].

После июньского мирного марша СЕПГ в Лейпциге заняла оборонительную позицию. Поэтому, через две недели после заявления Поммерта в воскресном выпуске «Ляйпцигер Фольксцайтунг» от 24 июня появилась статья: «Что привело госпожу А.К. в центр города?» [12, 24./25.06.1989]. В ней участница мирной демонстрации в Лейпциге обвинялась в контрреволюционных намерениях. Вплоть до октября 1989 года главный редактор «Ляйпцигер Фольксцайтунг» и местное руководство СЕПГ противодействовали оппозиции с помощью пропагандистских кампаний — наподобие той, что приведена в примере выше [16, S. 5].

По словам главного редактора Рёера, статья была коллективно написана членами редакции по указанию исполняющего обязанности первого секретаря окружного комитета СЕПГ Хельмута Хакенберга и опубликована под псевдонимом «Рудольф Отто». Целью публикации было удержать население от уличных демонстраций [18, S. 95]. Во всех остальных случаях темы демонстраций и беженцев из ГДР находились под строгим запретом. Об этом ни в коем случае нельзя было упоминать в газете.

Анализ писем читателей в газету в то время показал, что десять из 80 писем, полученных в ответ на клеветническое сообщение о г-же А.К., содержали «положительную, а остальные отрицательную» [13, S. 39] реакцию населения. Эта оценка очень четко отразила настроение населения.

К середине лета 1989 года в Лейпциге в отделе агитации и пропаганды окружного комитета СЕПГ началась агония. Негласные правила требовали от прессы хранить молчание по вопросам беженцев и проблемам внутренней политики [18, S. 96]. Другие округа еще не были непосредственно затронуты волнениями в Лейпциге.

1 Йохен (Йоахим) Поммерт, с 1963 по 1969 год был главным редактором «Ляйпцигер Фольксцайтунг», после был переведен на партийную должность секретаря по агитации и пропаганде окружного комитета СЕПГ Лейпцига. На этой должности Поммерт находился до 1990 года.

В то время как сотни людей со всего мира приехали на Лейпцигскую осеннюю ярмарку, в понедельник, 4 сентября, после молитвы в церкви святого Николая жители города вышли на улицы на демонстрацию. Их состав был очень разнообразным. Среди демонстрантов были те, кто хотел покинуть страну, кто подал заявку на выезд из ГДР и теперь подвергался различным репрессиям со стороны государственных органов. Были и люди, которые больше не видели своего будущего в ГДР в ее нынешнем состоянии и призывали к реформам: «Мы останемся здесь!». В этот день в демонстрации в Лейпциге, по сведениям Министерства государственной безопасности ГДР («Штази»), приняли участие около 1000 человек [18, S. 105].

25 сентября уже 5000 человек с лозунгами «Мы останемся здесь!» и «Разрешить "Новый форум"²!» прошли по центру. В следующий понедельник, 2 октября, 20 000 демонстрантов столкнулись на своем пути с «боевыми группами рабочего класса» [18, S. 106]. В этих напряженных условиях и в связи с приближением 40-летия ГДР тон статей в «Ляйпцигер Фольксцайтунг» становился все более агрессивным, что можно подтвердить следующим примером.

Вечером накануне юбилея ГДР в пятничном выпуске от 6 октября было опубликовано «заявление», подписанное как письмо к читателю, которое должно было документально подтвердить готовность ведомственных органов ГДР противостоять «контрреволюции», а в случае необходимости — с помощью оружия. В «Ляйпцигер Фольксцайтунг» 6 октября 1989 года командир боевой группы Гюнтер Лутц публично предупредил об угрозе вооруженной расправы: «Мы готовы и будем оперативно защищать созданное нашими руками дело, чтобы окончательно и эффективно пресечь все контрреволюционные действия. Если надо — с оружием в руках!» [12, 06.10.1989].

Это была очередная попытка окружного комитета СЕПГ взять ситуацию в городе под контроль с помощью «Ляйпцигер Фольксцайтунг» — в результате которой СЕПГ еще более четко обозначила неуверенность в собственных силах и оторванность от реальности. Жители Лейпцига с негодованием отреагировали на грубую угрозу насилия, которую они интерпретировали как «приказ стрелять». Гюнтер Лутц получил более ста воз-

мущенных звонков в тот же день [18, S. 109].

Реальность была несколько иной. Население было крайне возмущено, что отразилось в письмах, направленных в «Ляйпцигер Фольксцайтунг». Также 9 октября в криминальную полицию была подана жалоба от руководителя отдела внешней политики «Ляйпцигер Фольксцайтунг», доктора Хорста Паттке, о том, что в его адрес поступают массовые угрозы [18, S. 109].

Поскольку политическая ситуация ухудшалась с каждым днем, редакция «Ляйпцигер Фольксцайтунг» столкнулась с вопросом кадровых перестановок. На вопросы о том, какие люди тогда работали в газете и какая была атмосфера в редакции в онлайн-интервью помог ответить ее сотрудник Костас Кипурос³.

Взаимоотношения между главным редактором и его подчиненными были в целом коллегиальными, все, даже волонтеры, по отношению к членам редколлегии обращались на «ты», что, в частности, было связано с традицией внутри партии, когда все ее члены были на «ты». Кроме того, между коллегами часто возникали дружеские отношения, выходящие за рамки повседневной редакционной работы, — это сознательно поощрялось. Трудовые коллективы в обязательном порядке должны были участвовать в праздничных мероприятиях. К осени 1989 года такие сплоченные, дружные коллективы должны были стать, по словам Кипуроса, островками «идиллии» в центре «революции» [16, S. 2]. При этом не следует упускать из виду, что, как выяснилось впоследствии, все отделы газеты были укомплектованы неофициальными сотрудниками службы госбезопасности. Их задача состояла в том, чтобы сообщать о настроениях, высказываниях коллег, а также информировать руководство о темах, которые больше всего обсуждались в коллективе. Только в исключительных случаях редакция была в курсе деятельности сотрудников госбезопасности. По большей части оставалось лишь догадываться, кто есть кто в редакции, как признался Кипурос [16, S. 2]. Беспокойство о том, что поблизости всегда находятся представители «Штази», постоянно присутствовало в головах сотрудников газеты, но, по-видимому, мало влияло на их взаимоотношения и настроения — в основном они полагали, что знают друг друга.

Как житель Лейпцига и как сотрудник «Ляйпцигер

2 В начале сентября 1989 года в Восточной Германии на базе мелких групп диссидентов стали образовываться массовые политические организации: Социал-демократическая партия ГДР, «Новый форум», «Демократический порыв», «Демократию сейчас», «Инициатива за мир и права человека», открыто выступавшие против СЕПГ и ее политики. Сильнейшую по численности группу общественных деятелей, оппозиционно настроенных в отношении официального курса государства и правительства, представлял собой «Новый форум». Он был основан 9 сентября 1989 года 30 представителями различных, по большей части церковных организации.

3 В 1979 году Костас Кипурос начал работать в «Ляйпцигер Фольксцайтунг» в отделе внешней политики. В ноябре 1989 года он стал руководителем департамента внешней политики и главным комментатором по вопросам внешней политики, уделяя особое внимание Ближнему Востоку, Советскому Союзу / России и Балканам, а также вопросам глобального разоружения.

Фольксцайтунг» Костас Кипурос — в любом случае гражданин ГДР — вспоминал, как его отношение к СЕПГ начало меняться после того, как Горбачев вступил в должность генерального секретаря ЦК КПСС в 1985 году. Как и большинство коллег, он был в восторге от идеи политики «нового мышления» Горбачева. Его критическая позиция была подкреплена очевидной симпатией к переменам, происходящим в Советском Союзе. В течение многих лет он был заинтересованным и внимательным читателем советской политической еженедельной газеты «Новое время». Запрет, наложенный на ряд советских изданий, вызвал в нем негодование и дал ему повод все больше дистанцироваться от режима СЕПГ [16, S. 4].

Тем более освободительной для него стала осень 1989, которую он активно переживал вместе со многими другими жителями Лейпцига. По чистой случайности в конце лета он стал свидетелем демонстрации перед церковью святого Николая и инстинктивно почувствовал, что мирные группы оппозиционеров и правозащитники вовсе не «революционеры», понял, что на его глазах в его городе формируется движение, цели которого совпадают с его представлениями. С тех пор он регулярно участвовал в демонстрациях по понедельникам, охваченный, по его словам, впрочем, несколько противоречивыми чувствами. Как известно, редакторов регулярно инструктировало руководство СЕПГ, и хотя он и не относился к этому серьезно, но все же нельзя было вовсе не принимать во внимание эти инструкции. Многие из его коллег опасались столкновения с главным редактором или даже с государственными органами. Кроме того, секретарь окружного комитета СЕПГ по агитации и пропаганде объявил на собрании в редакции, что государственная власть в случае необходимости готова применить оружие [16, S. 6].

По сути, настроения в редакции «Ляйпцигер Фольксцайтунг» отражали настроения всего общества в ГДР. Были верные партийцы, были агитаторы, были смирившиеся, были мятежные коллеги. Из-за боязни репрессий и личных неприятностей число тех людей, которые способны были рискнуть и высказаться критически, так же как и в годы до осени 1989, было относительно невелико — и в редакции, и среди граждан ГДР. Тем не менее большинство членов редакции испытывали чувство серьезного беспокойства по поводу стагнации социального развития в ГДР и ограничений в информационной политике. Эта проблема, конечно, поднималась, например, на редакционных и партийных собраниях, но не так глобально, чтобы последовали какие-то перемены. Такой момент, по крайней мере по мнению Костаса Кипуроса, настал только поздней осенью 1989 года, когда на редакционном собрании был избран новый главный редактор «Ляйпцигер Фольксцайтунг» [16, S. 8]. Это произошло 6 ноября 1989 года, когда девять редакторов встретились в редакции в Лейпциге, чтобы выдвинуть кандидатуру на

пост главного редактора. После долгих дискуссий было достигнуто согласие, и выбор пал на известного университетского профессора — доктора Вольфганга Тидке [18, S. 136].

На собрании окружного комитета СЕПГ в Лейпциге, прошедшем 14 ноября, Рудольф Рёер сложил с себя полномочия главного редактора «Ляйпцигер Фольксцайтунг», а профессор Тидке занял новую должность со словами: «Я хотел бы поддержать всех наших партийных товарищей, и это будет, несомненно, наша работа как представителей прессы — поддерживать всех, кто говорит, что мы как партия не должны разрывать себя на части <...>, мы должны <...> противостоять давлению, которому подвергаются наши соратники» [6, S. 86].

Эта речь Вольфганга Тидке выражала позицию нового начальника: противостоять давлению улицы, поддерживать сторонников партии, не дать развалиться самой партии — он говорил совсем не о том, чтобы повернуться к читателю лицом и встать на путь демократизации. Как и раньше, он ставил перед собой цель — сохранить власть СЕПГ в Восточной Германии.

Тидке занял свою новую должность 16 ноября. В принципе, произошла формальная смена главного редактора, потому что секретарь агитпропа одобрил на эту должность кандидатуру бывшего доцента университета им. Карла Маркса в Лейпциге с кафедры «СМИ и политическая работа с массами», который был наилучшим образом обучен транслировать политику партии. Тидке оказался лишь новой марионеткой Поммерта и никак не ассоциировался с надеждами на реформы. 22 ноября 1991 года, когда «Ляйпцигер Фольксцайтунг» уже давно вышла из-под контроля партии, Тидке был уволен.

Как и его предшественник, новый главный редактор присутствовал на заседаниях окружного комитета СЕПГ, но официально не был членом этого органа власти. Тидке, несмотря на перемены, произошедшие в Восточной Германии к середине ноября, все еще должен был отчитываться перед Поммертом. Секретариат вызвал его 15 декабря и поручил к январю 1990 года представить концепцию сотрудничества окружного комитета СЕПГ и «Ляйпцигер Фольксцайтунг» и предложить кандидатуру на должность пресс-секретаря партии [18, S. 147-148]. Для сравнения, можно отметить, что главный редактор аналогичной партийной газеты «Остзее Цайтунг» с 12 ноября не участвовал в заседаниях окружного руководства СЕПГ в Ростке и не выполнял никаких его указаний.

Первые недели последнего месяца года имели решающее значение как для партии, так и для ее газет, поскольку внутривластный кризис в ГДР продолжал нарастать. С начала декабря до середины января все районные газеты освободились от опеки окружных ко-

митетов СЕПГ, и «Ляйпцигер Фольксцайтунг» была первой [7, S. 117].

6 декабря, сразу по примеру «Нойес Дойчланд», «Ляйпцигер Фольксцайтунг» изменила подзаголовок с «Органа окружного комитета СЕПГ Лейпцига» на «Орган интересов всего трудящегося народа». Главный редактор Тидке опубликовал следующее объяснение: «Конечно, мы и впредь будем продолжать быть газетой СЕПГ. Наш издатель — окружной комитет СЕПГ Лейпцига» [12, 05.12.1989]. После этих слов ни у кого не осталось сомнений в том, что о реформах не может быть и речи, произошла лишь формальная смена «этикетки».

В качестве следующего псевдодемократического шага «Ляйпцигер Фольксцайтунг» с 9 декабря и далее предоставила для еженедельных публикаций две страницы своего воскресного выпуска районным организациям «Нового форума», «Демократического прорыва» и недавно созданного восточногерманского отделения СДПГ [4, S. 46]. Такое решение можно было бы считать очень прогрессивным шагом, если бы эта инициатива не была отменена в первые недели января.

В те январские дни 1990 года в Лейпциге по понедельникам десятки тысяч людей по-прежнему выходили на улицы на митинги протеста. Руководство СЕПГ, а также редакторы газеты почувствовали давление и возмущение со стороны гражданского движения. В январе в жизни этих учреждений что-то должно было основательно измениться.

По словам Штеффена Райхерта, главный редактор Тидке к этому времени уже понял, что, следуя ограничительному курсу Поммерта, «Ляйпцигер Фольксцайтунг» как орган СЕПГ-ПДС долго не продержится. «Теперь мы сами должны принять решение», — заявил Тидке 4 января в узком кругу руководителей окружного комитета СЕПГ. — «Если мы хотим быть партийной газетой, тогда, вероятно, тираж упадет до 30 000 [экземпляров]» [18, S. 163]. Тем не менее Тидке, противореча сам себе и следуя традиции лейпцигского рабочего движения, настоятельно рекомендовал остаться под патронажем партии: «Я думаю, мы сможем сделать так, чтобы “Ляйпцигер Фольксцайтунг” сохранила традиционный охват аудитории, оставаясь при этом партийной газетой» [18, S. 163].

Оторванные от реальности мысли Тидке свидетельствуют о глубокой солидарности и строгой подчиненности газеты администрации Лейпцигского округа, в результате чего, как ни удивительно, газета все еще действовала в интересах партии. В то время не было речи об отделении от партии. Как и прежде, обсуждались лишь какие-то формальные шаги, которые были приняты не просто запоздало, но и вызывали у большинства читателей крайнее раздражение. Один из таких шагов был

предпринят 19 января, когда «Ляйпцигер Фольксцайтунг» официально объявила себя независимой, что было связано с реформой государственной собственности, и объявила о новых принципах работы: «Для нас быть независимыми не значит не иметь мнения. “Ляйпцигер Фольксцайтунг” стремится к демократическому обществу, которое способно решать глобальные проблемы человечества, а не усугублять их» [12, 19.01.1990].

Настоящее отделение от партии и окружного комитета СЕПГ тоже не было добровольным. 30 января 1990 года Поммерт был отстранен от должности, а окружное правление СЕПГ Лейпцига распущено. Только после этой даты можно всерьез говорить о том, что «Ляйпцигер Фольксцайтунг» пошла по новому пути своего развития. Многие члены редакции выступили против перемен и вплоть до первых свободных выборов в Народную палату 18 марта 1990 года надеялись сохранить старые методы «классовой борьбы», которые распространялись и укоренялись десятилетиями.

Еще одной вехой в развитии «Ляйпцигер Фольксцайтунг» можно считать начало апреля 1990 года. СЕПГ-ПДС потратила в первом квартале 1990 года на финансирование своих, а также некоторых не принадлежавших газет более 80 137 998,61 марок. На этом дотации со стороны партии закончились, поэтому 2 апреля «Ляйпцигер Фольксцайтунг» объявила, что стоимость подписки на газету повышается — до 9,50 марок за месячный абонемент и до 40 пфеннигов за номер [18, S. 169].

Следующими владельцами «Ляйпцигер Фольксцайтунг» стали «Аксель Шпрингер-Ферлаг» и медиагруппа MADSACK, которые в 1991 году выкупили акции «Ляйпцигер Фольксцайтунг» у Treuhandanstalt в равных долях. Тираж, проданный в январе 2015 года, составил около 180 000 экземпляров, что в сравнении с 306 000 экземплярами за тот же период 1989 года означало серьезное сокращение читательской аудитории [16, S. 8].

Историческое развитие каждой из окружных газет СЕПГ зависело от личных и социальных факторов. Не все было так, как кажется на первый взгляд, — и характеры ответственных людей, и специфика каждого региона, которые оказывали влияние на каждую из местных газет, были индивидуальными и очень разными.

В начале работы над данным исследованием у нас возникло предположение, что «Ляйпцигер Фольксцайтунг» окажется самой прогрессивной из газет, поскольку она находилась в эпицентре гражданского движения и, следовательно, должна была первой услышать требования о создании демократических структур в политике и обществе и почувствовать настроения населения. Однако выступления демонстрантов напугали редакторов и местное руководство СЕПГ, и они перешли к оборони-

тельной тактике и старым методам общения с населением.

Являясь сторонниками жесткой политики, руководящие круги в Лейпциге следовали инстинкту — при возникновении опасности защищаться и нападать в ответ, критикуя действия оппозиции и превознося местное руководство. Упрямо воспринимая историю как историю классово-борьбы, они ошибочно истолковывали протесты населения как революционные. При этом люди требовали проведения реформ, а не ликвидации власти

СЕПГ.

Редакция «Ляйпцигер Фольксцайтунг» и ее новый главный редактор, безосновательно чувствуя себя осенью 1989 года пленниками осажденной крепости, остались верны окружному комитету СЕПГ и открыто не признавали никакой критики. «Ляйпцигер Фольксцайтунг» дольше всего находилась под контролем местного окружного комитета, пока СЕПГ-ПДС сама не прекратила финансирование газеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bahrmann H., Links Ch. Wir sind das Volk. Die DDR zwischen 7. Oktober und 17. Dezember 1989. Eine Chronik. Leipzig, 1990.
2. Bohn R. Mauer-Show: das Ende der DDR, die deutsche Einheit und die Medien. Berlin, 1992.
3. Bohr K., Krause A. (Hrsg.). 20 Jahre Deutsche Einheit: Bilanz und Perspektiven, Baden-Baden, 2011.
4. Claus W., Bentzien H. (Hrsg.). Medien-Wende – Wende-Medien? Dokumentation des Wandels im DDR-Journalismus Oktober 1989 – Oktober 1990. Berlin, 1991.
5. Hertle H.-H. Der Fall der Mauer. Die unbeabsichtigte Selbstauflösung des SED-Staates. Opladen, 1996.
6. Hollitzer T., Bohse R. Heute vor 10 Jahren. Leipzig auf dem Weg zur Friedlichen Revolution. Bonn, 2000.
7. Holtermann A. Das geteilte Leben: Journalistenbiographien und Medienstrukturen zu DDR-Zeiten und danach. Opladen, 1999.
8. Holzweißig G. Massenmedien in der DDR. Berlin, 1989.
9. Holzweißig G. Zensur ohne Zensor: die SED-Informationsdiktatur. Bonn, 1997.
10. Keuper F., Puchta D. (Hrsg.). Deutschland 20 Jahre nach dem Mauerfall. Rückblick und Ausblick. Wiesbaden, 2010.
11. Kroh F. Wendemanöver: die geheimen Wege zur Wiedervereinigung. München, 2005.
12. Leipziger Volkszeitung. September 1989 – 18. März 1990.
13. Lindner B. Zum Herbst'89. Demokratische Bewegung in der DDR. Leipzig, 1994.
14. Müller A. Die Zeitung – eine Quelle der historischen Sozialwissenschaft? // Relation. Beiträge zur vergleichenden Kommunikationsforschung. 1996, Bd. 3. Heft 1.
15. Neues Deutschland. September 1989 – 18. März 1990.
16. Protokoll des Gesprächs mit Kostas Kipuros. Leipzig, am 7. Januar 2015.
17. Reck R. Wasserträger des Regimes: Rolle und Selbstverständnis von DDR-Journalisten vor und nach der Wende 1989/90. Münster, 1996.
18. Reichert St. Transformationsprozesse: der Umbau der LVZ. Münster [u. a.], 2000.
19. Richter S. Die Volkskorrespondenten-Bewegung der SED-Bezirkspresse: Theorie, Geschichte und Entwicklung einer Kommunikationsfigur/ Frankfurt am Main [u. a.], 1993.
20. Rupieper H.-J. Friedliche Revolution 1989/1990 in Sachsen-Anhalt. Halle, 2000.
21. Warbeck H.J. Die deutsche Revolution 1989/1990. Die Herstellung der staatlichen Einheit. Berlin, 1991.
22. Weber H. Geschichte der DDR. 2. Auflage. München, 2000.
23. Wolle St. Der Traum vom Westen. Wahrnehmungen der bundesdeutschen Gesellschaft in der DDR // Weg in den Untergang. Der innere Zerfall der DDR. Göttingen, 1999. S. 195–211.
24. Wolle St. Die heile Welt der Diktatur. Alltag und Herrschaft in der DDR 1971–1989. 2. Auflage. Bonn, 1999.

© Рослова Галина Вячеславовна (galina.roslova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ (ДО УРОВНЯ A2+)

Астащенко Елена Васильевна

*К.филол.н., старший преподаватель, Национальный
исследовательский Московский государственный
строительный университет
gedda@inbox.ru*

Сырова Мария Михайловна

*Преподаватель, Национальный исследовательский
Московский государственный строительный
университет
mariya.m.syrova@mail.ru*

THE ROLE OF RUSSIAN CHILDREN'S LITERATURE IN TEACHING RFL (UP TO LEVEL A2 +)

**E. Astashchenko
M. Syrova**

Summary: This article explores and improves the effective use of materials from children's fiction texts in Russian language studies to the level of A2 + in order to develop reading skills, and form the linguistic and cultural competence of students. The selection criteria for works of fiction are highlighted on the basis of the state standard for Russian as a foreign language (basic level), according to which the reader is obliged not only to "cover" the content of the text as a whole, but also to be able to choose the correct reading strategy depending on the attitude. Thus, when studying reading, the student must be able to determine the topic of the text; to understand its main idea, as well as, which is important, and additional information contained in details, including pictorial and expressive means, characteristic of a given style of text and type of speech. With the type of control strategies, one can correlate such strategies as isolating the main idea and searching for the necessary information, and with the type of execution strategies - determining the meanings of words with the help of text, contextual guessing, fixing attention on details. Guided by such criteria for the selection of texts as the artistic method (preferably realism), grammatical norms and subject-thematic correspondence to the course program, it is possible to supplement the existing and well-proven teaching materials for several decades with texts of Russian literature for children and youth, facilitating the socialization of a foreigner, as well as improving his culture and forming his linguistic and cultural competence.

Keywords: RCT, basic level, reading, strategies, children's literature, young-adult-literature, style.

Аннотация: В данной статье исследуется и совершенствуется эффективное использование материалов текстов детской художественной литературы на уроках РКИ до уровня A2+ с целью развития навыков чтения, формирования лингвострановедческой компетенции студентов. Критерии отбора произведений художественной словесности выделены на базе государственного стандарта по русскому языку как иностранному (базовый уровень), согласно которому читающий обязан не только в целом «охватить» содержание текста, но и уметь выбрать верную стратегию чтения в зависимости от установки. Так, при изучающем чтении студент должен уметь определить тему текста; понять его основную идею, а также, что немаловажно, и дополнительную информацию, содержащуюся в деталях, в том числе изобразительно-выразительных средствах, характерных для данного стиля текста и типа речи. С типом стратегий контроля можно соотнести такие стратегии, как вычленение главной мысли и поиск необходимой информации, а с типом стратегий исполнения — определение значений слов с помощью текста, контекстную догадку, фиксацию внимания на деталях. Руководствуясь такими критериями отбора текстов, как художественный метод (предпочтительно реализм), грамматические нормы и предметно-тематическое соответствие программе курса, можно дополнять существующие и отлично зарекомендовавшие себя на протяжении нескольких десятилетий УМК текстами русской словесности для детей и юношества, облегчая социализацию иностранца, а также совершенствуя его культуру и формируя его лингвострановедческую компетенцию.

Ключевые слова: РКИ, базовый уровень, чтение, стратегии, детская литература, young-adult-literature, стиль.

Фрагменты художественных произведений включают большинство современных пособий по РКИ, особенно формирующих языковые компетенции преимущественно по таким аспектам, как чтение и говорение. В данной статье затронут вопрос эффективного использования материалов текстов детской художественной литературы на уроках РКИ на базовом уровне с целью развития навыков чтения, формирования лингвострановедческой компетенции студентов. Обращаясь к государственному стандарту по русскому языку как иностранному (базовый уровень), мы видим, какими навыками чтения должен обладать иностранец, он должен уметь: « — читать текст с установкой на общий охват его

содержания; — изменять стратегию чтения в зависимости от установки (при встрече с информацией, требующей изучающего чтения); — определить тему текста; понять его основную идею; — понять как основную, так и дополнительную информацию, содержащуюся в тексте, с достаточной полнотой, точностью и глубиной.» [3, с. 9]. Таким образом, иностранные студенты, обучающиеся на базовом уровне, должны достаточно хорошо понимать содержание и основную идею читаемого текста, уметь анализировать текст и выбирать подходящую стратегию чтения, не только правильно воспринимать общую идею и информацию, но и замечать детали. Выбирать стратегии чтения — значит, быть с ними знакомым и уметь

применять нужную стратегию, в том числе к иноязычному произведению. Целесообразное извлечение информации при чтении и использование этой информации — ключевые умения, которыми должен овладеть иностранный обучающийся на начальном этапе обучения. Вот почему для развития данного умения нужно уже на элементарном и базовом этапах обучать стратегиям чтения. Использование стратегий чтения поможет обучающимся глубже понимать содержание текста при чтении, анализировать информацию и строить речь с учётом полученной информации, то есть синтезировать новое самостоятельное высказывание относительно прочитанного.

Материал текстов художественной детской литературы представляет особую ценность, с точки зрения возможности использовать эти тексты для развития умений пользоваться стратегиями чтения на базовом уровне. Это связано с особенностями текстов, созданных для детей. Часто они имеют доступный для понимания сюжет, соответствующий уровень сложности лексики и грамматики. Кроме того, тематика текстов доступна для обучающихся на базовом уровне и созвучна тому, что изучается в основном курсе по программе. А это также является требованием к текстам, представленным в стандарте преподавания РКИ на базовом уровне: «Тематика текста актуальна для сферы повседневного общения, социально-культурной и учебной сфер» [3, с. 9]. Среди множества текстов детской художественной литературы можно подобрать те, которые отвечают данным требованиям. Именно благодаря чтению текстов, специально написанных для детей, иностранные студенты могут получить возможность не только читать аутентичные тексты доступного им уровня, но и прикоснуться к культуре, близкой и понятной носителям языка, а знакомство с лексикой, входящей в обиход ребенка, несомненно будет полезно для иностранца с практической точки зрения, поможет ему увереннее чувствовать себя в сфере повседневного общения. Детская литература также может соответствовать требованию стандарта относительно типа текста «сообщение, повествование, описание, а также тексты смешанного типа.» [3, с. 9]. Вид чтения, который должен использоваться на базовом уровне, согласно государственному стандарту преподавания РКИ для базового уровня, — это изучающее чтение, чтение с общим охватом содержания. [3, с. 9]. Обучение изучающему чтению направлено на развитие умения «максимально полно и точно извлечь из иностранного текста содержащуюся в нем информацию. В этом случае читающий предполагает, что ему придется впоследствии воспроизводить или использовать в той или иной форме полученную информацию, а это связано с осмыслением информации, ее интерпретацией, установкой на длительное запоминание (всей или части информации) уже в процессе чтения».[4, с. 7]. Как мы видим, изучающее чтение связано с извлечением, анализом и использо-

ванием полученной из текста информации при чтении. Изучающее чтение можно соотнести со стратегиями чтения, которые направлены на поиск информации с целью дальнейшего её использования. Существуют различные классификации стратегий чтения. Л.Ю. Собинова описывает следующие типы стратегий чтения: «1) стратегии планирования; 2) стратегии исполнения; 3) стратегии контроля; 4) стратегии порождения» [5, с. 185]. С типом стратегий контроля можно соотнести такие стратегии, как вычленение главной мысли и поиск необходимой информации, а с типом стратегий исполнения — определение значений слов с помощью текста, контекстную догадку, фиксацию внимания на деталях. Именно эти стратегии — необходимость их разнообразия доказана коллегами [6, с. 82; 7, с. 139] — возможно развивать на материале текстов художественной литературы для детей, так они могут сочетать в себе с одной стороны доступность сюжета для понимания, а с другой — сложные для иностранцев лексические единицы, значение которых может быть раскрыто из контекста, знакомую тематику текста и новые детали знакомых понятий повседневной реальности.

При встрече с пересказом переводной литературы, например, «The Luncheon» С. Мозма в одном из лучших учебников по РКИ, иностранные студенты сразу же узнают английский рассказ (ведь английскому во всём мире также учат на его рассказах), что вызывает у них недоумение и даже подозрение в плагиате, поэтому необходимо предварительное объяснение жанра «учебный текст». Адаптированные тексты русских классиков все равно часто остаются не вполне понятными: например, адаптированный для базового уровня текст рассказа «Полотенце с петухом» М.А. Булгакова. Обращение же к детской литературе, у таких авторов, как Н.А. Костюк и Д. Филлипс (серия «Читаем без проблем»), к детской поэзии М.М. Нахабиной, В.Е. Антоновой, И.В. Курловой («Русский сезон») встречает понимание как на лексико-грамматическом, так и на содержательном уровне. Воспитание художественного вкуса взрослого человека на материале детской литературы несколько не упрощает понимание иностранцем иной культуры, напротив, как говорил К.С. Станиславский: «Для детей нужно писать так же, как для взрослых, только еще лучше». Именно русская детская литература как нельзя лучше соответствует «манифесту» С.Я. Маршака: «Мы ищем той простоты, до которой надо подняться, а не той, до которой опускаются». Руководствуясь, не в последнюю очередь, стремлением сформировать у иностранных студентов грамматическую парадигматику и синтагматику, авторы пособий по РКИ предлагают тексты как знаменитых детских писателей (Г.М. Цыферов), так и незаслуженно забытых (О.Д. Шихзаманова), но популярных около полувека назад, что позволяет иностранцу прикоснуться к подлинному детству россиян разных поколений (в случае акцентирования лингвострановедческого компонента общеизвестность

в среде носителей языка — фактор немаловажный). Оставляя за рамками вопрос о роли именно аутентичного материала в процессе изучения иностранного языка, можно вывести несколько причин внимания именно к детской литературе.

Критериями нашего отбора материала для чтения на базовом уровне будут 1) художественный метод; 2) грамматика; 3) предметно-тематическое соответствие программе курса.

Связь именно детской литературы с культурой и массмедиа несомненна. Колыбельные и потешки, мультфильмы и сценарии event-агентств для детей выходят далеко за пределы словесности и глубоко укорены в национальном сознании. Иностранец, начинающий знакомство со страной с детской литературы как бы не нарушит естественный ход социализации. Однако сказки и фантастическая литература, переводы которой становятся мировыми бестселлерами менее всего (за небольшим исключением, например, сказок Н.Н. Носова, который в рассказе «Шурик у бабушки», гордится бабушкой, «хоть и старенькой, а в колдовство не верящей», то есть преимущественно сохраняет трезвый реалистичный взгляд на социум) применимы на уровне владения языком А2+. Например, если скатерть-самобранку заменить на скатерть-«всёдавайку», чтобы снять энантиосемию, провоцирующую превратное толкование образа, то нарушится аутентичность; лучше, конечно, подбирать, например, к обстоятельству направления действия «на все четыре стороны» уже существующий в русских народных сказках эквивалент «иди туда – не знаю куда», но это не всегда возможно. Бьющий все рекорды бестселлер Д. Роулинг «Гарри Поттер» невозможен на невысоком уровне владения английским: если даже слово «soul» придется смотреть в словаре, то, например, слово «horstrix» не будет понятно и со словарём и вместе со всеми остальными объектами фантастической реальности будет абсолютно утрачен сюжет и смысл романов, даже если безграничную палитру роулинговских эпитетов с неуловимыми переходами оттенков заменить словом «волшебный», а все её редкие глаголы движения простыми типа идти, лететь. То же наблюдение верно и для русских сказочных романов и повестей: Т.И. Александрова, бережно сохранившая для многих поколений детей, сказочный мир русской деревни, в повести «Домовёнок Кузька», населяет свой художественный мир такими персонажами, как Берёза Кургузенькая и Осина Трясушка, а также обставляет «потерянными вещицами», которые «где же ты в нынешних домах найдёшь», а иностранцу, помимо архаизмов и историзмов, ещё необходимо ознакомиться с реалиями современного быта другой страны и их названиями. Близкая к фантастике по художествен-

ным приёмам и изобразительно-выразительным речевым средствам ирреалистическая литература ещё менее подходит для уроков РКИ. Если в фантастике может отражаться почти без искажений вполне нормальная внешняя действительность и герои играют не мячом¹, а похожим предметом, который назван по-другому, то ирреалистическая литература и лингвистическими и экстралингвистическими способами уводит от реальности. Если каждое действие сопровождается ирреальным сравнением, то сразу теряются границы сюжета, хронотопа, композиции и идейно-тематического ядра – и начинают спорить между собой (и дезориентировать иностранца) мир, преподнесённый писателем как данность, и внутренний мир героя или автора (после косвенно связанного с будущим временем союза «как будто» или отягчённого имперфектом «будто бы», или сослагательного наклонения, выражающего ирреальную объективную модальность). Сумма всех словарных значений не даст понимания текста, потому что он должен восприниматься метафорически и при этом цельно (почти как идиома), поэтому не готовый к переносному смыслу и постижению внутренней формы произведения читатель не сможет расшифровать, раскодировать стилевую систему высшего порядка. Постмодерн, востребованный пособиями по обучению чтению на начальном РКИ, как раз таки менее всего подходит. Сложная языковая игра и децентрализация художественного мира излишни на том уровне восприятия текста читателем, когда он с трудом понимает и связывает прямую последовательность событий. Симулякр, предполагающий отсутствие референциальных отсылок, – приём неоправданный в глазах того, кто и так не представляет реалии иноземного быта, то есть референты. Зачем иностранцу излюбленные Л.С. Петрушевской анаколумы, если и без них он ошибается в элементарной грамматике? Что касается чистой грамматики лингвистических сказок писательницы, то для иностранца с минимальным лексическим запасом и обычные слова, выходящие за пределы базового минимума, пока он не посмотрит их в словаре и не запомнит, имеют именно такой выхолащенный образ: телёнок и «бокрёнок» равно не соотносятся с окружающей действительностью. Зачем тратить время на запоминание вымышленного, если ещё не знаешь название существующих в природе вещей? Речевой паттерн в процессе изучения иностранного языка – это заученная как бы не членимая модель, а постмодернистская игра речевыми штампами концептуалистов, преподнесённая иностранцам, может нарушить и без того хрупкую коммуникацию. Представленное во многих пособиях по чтению творчеству Д.И. Хармса, несмотря на отсутствие постмодернистского засила анаколумов, как и английская традиция нонсенса, не может быть оценена по достоинству без должного знания языка. Например, в стихотворении «Врун» трид-

1 Однако вряд ли возможно не имея представления о гольфе, бейсболе и других популярных в англоязычном мире играх хоть как-нибудь вообразить себе роулинговский квиддиш.

цать сыновей без лингвострановедческого комментария по поводу российской демографии могут быть восприняты и как реалия, а «ещё туда-сюда» вовсе не как «более-менее правдоподобно», а в буквальном значении. Интересно, что конкретно представит себе иностранный читатель? Поэтика, стремящаяся к абсурдистской, не лучший способ обучения языку, хотя, конечно, читатель продвинутого уровня, начиная с уровня B1+, рекомендуемого для абитуриентов гуманитарных вузов, способен наслаждаться «завиральными, порой алхимичающими изобретателями-выдумщиками» (Е. Евтушенко). Реалистические произведения маленького объёма, событийные и фабульные (причём, чтобы фабула совпадала с сюжетом, а не расходилась, как в «Лёгком дыхании» И.А. Бунина, также многими рекомендованным для РКИ А2). Например, адекватно и с лингвистической и экстралингвистической пользой воспринимается проза Л.Н. Толстого: басни «Стрекоза и муравей», «Работницы и петух», «Собака и её тень», «Осёл в львиной шкуре», «Лев и мышь», а также многоразов входившие в пособия по чтению на базовом уровне «Лгун» и «Отец и сыновья»; рассказы и «были» для детей классика — «Лев и собачка», «Птичка», «Косточка», «Котёнок», «Подкидыш», «Пожарные собаки», «Акула», «Прыжок». Можно рекомендовать Рудольфо и «Уроки французского» В.Г. Распутина (в сокращённом и минимально адаптированном виде), в отличие от других талантливых «деревенщиков» не перенасытивший прозу диалектизмами, просторечиями, идиомами, пословицами и поговорками, но сохранивший важную для иностранца аутентичность русского языка. Из писателей, творивших преимущественно для детей, конечно, подходит для РКИ В.Ю. Драгунский, отрывок рассказа которого «Что любит Мишка» (с очень пригодившимся для РКИ повтором конструкций с винительным падежом и модальных глаголов с инфинитивом) входит в самый авторитетное УМК по РКИ. Проза В.А. Осеевой «Синие листья», «Труд согревает», «Случай», «Сыновья», «Обидчики», «Просто старушка», «На катке», «Вырванный лист», «Просто так» читается почти без словаря и с интересом в западной и восточной иностранной аудитории, легко пересказывается. Юмористические рассказы Прозы Г.И. Горина («Ёжик») и Б.С. Ласкина («Малыш»), уже вошедшую в корпус текстов для обучения чтению на уроках РКИ, можно дополнить рассказами других юмористов, такими как «Хвастуны» Л. Измайлова, сценариста журнала «Ералаш» С. Степанова — «Мелодия для кобры», «Лекарство от застенчивости», «Клуб экстрим», «Страхагент», «Праздник для души», «Сладкая работа», «Дверь». Рассказы звёзд эпохи модерна, Тэффи и А. Аверченко, несут такой отпечаток изысканной вычурности слога и символистской избыточности значений, и вместе с тем импрессионистской туманности стиля, что, конечно, их следует оставить для более высокого уровня владения языком. Например, в рассказе Аверченко «Предводитель Лохмачёв», во-первых, затрагиваются с декадентской резкостью вопросы расовой дискримина-

ции и социальной несправедливости, без намёка на сегодняшнюю толерантность, а во-вторых, новенький в группе сверстников подросток именуется «Посторонний Мальчик», для иностранца это не символическая многозначность и не связь с индейской культурой, а в лучшем случае не имя и фамилия; пристальное в начале XX века внимание к психическим изломам также не прочитывается без определённого культурного опыта. В текстах для языковой практики желателен внешний конфликт с разрешением или логический сюжет (не случайно большое количество детективов выбрано методистами для изучения языков [8, с. 178]), чёткая хронология и стройная композиция, отсутствие аппроксимации, а вот открытый финал вполне возможен (он провоцирует послетекстовые вопросы и экстралингвистический материал для дискуссии, выходящей за рамки художественного мира). Б.С. Житков в статье 1933 года «Что нужно взрослым от детской книги» пишет, что главное — это главное, можно без деталей: «Нарисовал дом, трубу, а из трубы — дым. Если в трубу не проходит дым, это не труба, а тумба <...> В быке главное — рога». Обилие подробностей, конечно, затрудняет чтение текста на уровне А2.

Вторая важная для процесса изучения РКИ особенность — лексика, грамматика и синтаксис: есть проза, в которой форма не упрощается, как в учебном тексте, а изначально простая. Для А2 хотелось бы сформировать корпус текстов со стилистически нейтральной, общепотребительной лексикой, незамысловатым синтаксисом, с небольшим количеством идиом, фразеологизмов, звукоподражаний, междометий, хезитативов, без передачи спонтанной речи и имитации дефектов речи. Как отметил Житков, в детской литературе важен «схематизм, крепкий и смелый». Уроженцы Баку В.В. Голявкин и О.Д. Шихзаманова, возможно, из-за нахождения в поликультурном пространстве, где русский язык не был родным и единственным, излагают мысли чётко, ясными и доступными словами и используют предельно простой синтаксис (почти без инверсий), при этом не упрощают идеи и создают красочные образы (Голявкин по профессии художник и это способствует синтезу искусств). Не удивительно, что именно эти авторы наиболее популярны у составителей пособий по РКИ. Целью этого отбора является увеличение доли беспереводного чтения в процессе обучения языку, способы, задачи и приёмы достижения которого исследует М.Г. Даниелян [9, с. 76-78], продолжение формирования грамматической компетенции и решение первостепенных познавательных-коммуникативных задач. Можно подобрать тексты под каждую грамматическую тему основных учебников и под каждый паттерн, чтобы запоминать грамматику и лексику в контексте, а не в отрыве от жизни, и моделировать жизненную ситуацию, стимулируя как бы реальную коммуникацию даже в пространстве обучения онлайн. Например, в первом «рассказе про Петю и папу» Л.Д. Каминского повторяются конструкции можно+инфинитив

и похож на, в рассказе В.В. Голявкина «Ёж» «что это?» и «где-здесь», в девятой главе автобиографической повести К.И. Чуковского «Серебряный герб» десятки раз повторяется предложный падеж в объектном значении, в сказке Т.Ш. Крюковой «Смелый кораблик» повторяются базовые вопросы и обиходные фразы «как зовут?», «что это?», «ты не боишься?», «что случилось?», «чей?», «желаю удачи», в сказке И.С. Роголёвой «про ворону Матрёну и её друзей» повторяются глаголы купить, отдать, поменять, подарить, в рассказе Е. Елича «Встретила» все основные глаголы движения, во вступлении к повести Э.Н. Успенского «25 профессий Маши Филипенко» сложное предложение с придаточной ирреального условия (дети пишут сочинение на тему «Если бы я был»).

Третий критерий — предметно-тематическая организация материала в соответствии с выбранным основным учебником курса. Здесь можно задействовать механизм контекстной догадки, антиципации, прогнозирования сюжета... Целью данного отбора будет, конечно же, формирование лингвострановедческой компетенции студентов. Именно поэтому не стоит забывать о различии менталитетов. Русская литература для детей и особенно юношества (за исключением первого и последнего десятилетий XX в.) балансировала на грани между глубинной искренностью, а которой говорил князь Мышкин Ф.М. Достоевского («Ребенку можно всё говорить, — всё <...> От детей ничего не надо утаивать под предлогом, что они маленькие и что им рано знать») и откровенностью, которая порой может навредить, травмировать, развратить. Учитывая несовпадение западных и восточных взглядов на воспитание, современная русская и западная переводная литературы не представляют возможности работать с ними на РКИ. Несмотря на уважение к «сказкам» Л.С. Петрушевской, романам П.В. Санаева, в том числе «Похороните меня за плинтусом», с приближенными к живой спонтанной речи диалогами и всегда интригующими иностранцев перестроенными реалиями, и к романистике («Письма до полуночи» М. Сониной), адресованной подросткам, так называемой YA (young adult), не отстающей от «передовой» немецкой подростковой литературы типа «Скажи, Красная шапочка» Беате Терезы Ханика, «Tschick» («Гуд бай, Берлин!») Вольфганга Херрндорфа или французской («Умник» Мари-Од Мюрай), можно сказать, что любой их фрагмент шокирует восточную аудиторию и отвлечёт от изучения языка. Возможно, в определённой аудитории подобная литература спровоцировала бы плодотворную дискуссию, но на родном, а не изучаемом языке. Даже иронии и метафоры следовало бы избегать при выборе текстов для уровня А2, потому что виртуозное сравнение В.В. Маяковского «опляшет Иродиадой солнце землю — голову Крестителя» с творительным падежом в значении уподобления или тем более сравнение с привычным союзом «как» или метонимией с родительным части («лес рук») объяснить проще, чем идиомы («попасть впросак», «хоть

кол на голове теши») и стёртые метафоры типа «кошки скебут», «как по маслу» или «как об стенку горох», то же касается синекдох («белое платье пело в луче» и «ты все та же — лес, да поле, / Да плат узорный до бровей» А.А. Блока). Даже сравнение из «Слова о полку Игореве» XII в. («Серым волком рыская <...> Старый Гзак на Дон бежит великий») можно понять самостоятельно из-за творительного падежа уподобления, а к житейскому рассказу А.П. Чехова «В вагоне» о зайцах, безбилетниках, которых родним с животным скоростью бега, нужны комментарии (их, кстати, можно найти в «Дороге в России» в тексте «Метро»). То же можно заметить об обиходных обращениях «горе луковое», об иронии (как у Ф.М. Достоевского в «Записках из подполья», где герой называют слугу палачом, ср. «ядовитый человек» Захар у А.И. Гончарова), равно как не все русские студенты понимают в романе «Великий Гэтсби» Ф.С. Фицджеральда «Blessed precious!», а иногда и «my honey». Любые тропы, приёмы со **скрытым** сравнением в основе, тем более такой глобальный «перенос» без демонстрации или наличия первичного объекта или указания на **референт** в фантастике или постмодерне, лучше предлагать на более высоком уровне. Вплоть до уровня Advanced (C1) изучающий иностранный язык с большим трудом читает «между строк» и ориентируется на формально выраженные, грамматические показатели, нормы и лексические стандарты [10].

Согласуясь с выбранными критериями отбора и предметно-тематическим блокам курса русского языка как иностранного элементарного и базового уровня можно предлагать следующие произведения для разных типов чтения.

Нравственность и семья: Л. Воронкова «Что сказала бы мама?», О. Корниенко «Шаги за дверь», В. Сухомлинский «Самые ласковые руки», А. Параскевин «Материнская молитва», В.К. Железников «Голубая Катя».

Система образования в России: И.М. Пивоварова, М.В. Дружинина, Г. Остер («Мифы и легенды Велтон-парка», где в рассказе «Полезный портрет» почти полностью представлена система образования), А. Лисаченко («Правдивые истории про Митю Печёнкина»), отрывки из автобиографических, полудокументальных и потому не столь насыщенных «художественностью» (ирреальными сравнениями, вычурными образами, вымышленными ситуациями, языковыми играми и сюжетно-композиционными экспериментами, а также повествованием с подменой, мистификацией или множественностью фокализации) «школьных повестей» К. Чуковского («Серебряный герб») и М. Зощенко («Перед восходом солнца», где в рассказе «Хлорофилл» объясняется принцип поднятия руки для вопроса или ответа, не во всех странах существующий), В.К. Железников «Космонавт».

Великая Отечественная война: Л. Пантелеев «Но-

венькая», «Честное слово», К.Г. Паустовский «Стальное колечко», Ю.И. Коваль «Вишня».

Русские традиции, обычаи, праздники: Тэффи «Земная радуга. Воспоминания» (рассказ «Нигде», Новый год) и «Блины» (Масленица), С.Г. Георгиев «Как я спас Деда Мороза», Е. Елич «Встретила» (Пасха), В.К. Железников «Три ветки мимозы».

Природа России: Г.Я. Снегирёв «Обитаемый остров», «Лампанидус», «Скворец», «Чудесная лодка», «В пустыне», А.А. Федоров-Давыдов «Похождения Мурзилки», Е.Е. Горбунова-Посадова (рассказы о животных, о сезонах), С.Г. Козлов «Правда, мы будем всегда?».

Таким образом, подбирая верные стратегии на скру-

пулёзно отобранном материале можно эффективнее использовать литературу для развития навыков чтения на уроках иностранного языка, что многожды подтверждено коллегами [11, с.171; 12, с. 88] для совершенствования грамматики и обогащения словарного запаса. Руководствуясь такими критериями отбора текстов, как художественный метод (предпочтительно реализм), грамматические нормы и предметно-тематическое соответствие программе курса, можно дополнять существующие и отлично зарекомендовавшие себя на протяжении нескольких десятилетий УМК («Дорога в Россию» В.Е. Антоновой, М.М. Нахабиной, М.В. Сафроновой, А.А. Толстых) произведениями русской литературы, облегчающими социализацию иностранца, а также совершенствующими его культуру и формирующими его лингвострановедческую компетенцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шарафутдинова О.И. Детская литература на уроках РКИ: к проблеме адаптации художественного текста // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся. – 2010. – Т. 1. – С. 115–119.
2. Редькина О.Ю. «Приключения незнайки его друзей» Н. Носова на уроках РКИ // *Lingua mobilis*. 2016. №1 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priklyucheniya-neznaniki-ego-druzey-n-nosova-na-urokah-rki> (дата обращения: 14.12.2020).
3. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Утвержден Президиумом Совета Учебно-методического объединения вузов РФ по педагогическому образованию Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации (заключение № 5 от 18.05.99). Издание второе, исправленное и дополненное. ... Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень / Нахабина М.М. и др. — 2 е изд., испр. и доп. — М. — СПб., 2011.
4. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. – М.: Высшая школа, 1987. С. 7.
5. Собинова Л.А. Значение когнитивных стратегий в обучении профессионально-ориентированному иноязычному чтению студентов технического вуза // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2014. № 6. Ч. 2. С. 183-186. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gramota.net/materials/2/2014/6-2/52.html> (дата обращения: 15.12.2020).
6. Джур Е.В., Куликова Т.Д., Сычева Г.П. Обучение изучающему виду чтения на занятиях по русскому языку как иностранному. // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67-1. С. 81-85.
7. Kondrashova I.V. The importance of teaching different types of reading in foreign language to non-linguistic students. // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020. № 5-3 (44). С. 137-140.
8. Тьрхеева Н.С. Лингводидактический потенциал классического детектива на занятиях по домашнему чтению. // Проблемы современной науки и образования, № 3 (45), 2016, стр. 178-181.
9. Даниелян М.Г. Беспереводное чтение как средство обогащения речи студентов-иностранцев. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2020. № 4-2. С. 76-78.
10. Уровни владения языком [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://langformula.ru/urovni-anglijskogo-yazyka/> (дата обращения: 15.12.2020).
11. Волкова Е.А., Полтавцева Е.А. Организация работы по домашнему чтению студентов-инофонов начального этапа обучения РКИ. // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Материалы VI Международной научно-методической конференции. 2020. С. 171-174.
12. Саидова С.Я., Сафарова М.А. Чтение иноязычной литературы как универсальный инструмент формирования ключевых компетенций студентов неязыковых вузов. // Collection of scientific articles LX International correspondence scientific and practical conference. 2020. С. 88-90.

© Асташенко Елена Васильевна (gedda@inbox.ru), Сырова Мария Михайловна (mariya.m.syrova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

PRAGMATIC ASPECTS OF LANGUAGE IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

**A. Belyaev
I. Belyaeva**

Summary: The anthropocentric paradigm in modern linguistics is characterized by an interest in those parameters of speech communication that depend on the subject. In modern teaching of Russian as a foreign language, it is necessary to use modern achievements in the study of pragmatic data. In the course of this study, the authors considered the possibilities of implementing these methods for teaching Russian to foreign students of TSU named After G.R. Derzhavin. The authors proved that the technology of forming the pragmatic component of the RCT course should take into account the derivative nature of the pragmatic effect, its dependence on the semantic and stylistic properties of language means. The relevance of pragmatic structures has been proved by examples of grammatical structures.

Keywords: RCT, foreign language teaching, pragmatic structures, paradigm.

Беляев Антон Алексеевич

Старший преподаватель, Тамбовский Государственный Университет им Г.Р. Державина
aragon_rw@mail.ru

Беляева Ирина Владимировна

Старший преподаватель, Тамбовский Государственный Университет им Г.Р. Державина

Аннотация: Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике характеризуется интересом к тем параметрам речевого общения, которые зависят от предмета. В современном преподавании русского языка как иностранного необходимо использовать современные достижения в изучении прагматических данных. В ходе данного исследования авторами были рассмотрены возможности реализации данных методов для обучения русскому языку иностранных студентов ТГУ им. Г.Р. Державина. Авторами было доказано, что технология формирования прагматического компонента курса РКИ должна учитывать производную природу прагматического эффекта, его зависимость от семантических и стилистических свойств языковых средств. Актуальность прагматических структур была доказана на примерах грамматических структур.

Ключевые слова: РКИ, обучение иностранному языку, прагматические структуры, парадигма.

Антропоцентрическая парадигма в лингвистике современного времени связана с изучением параметров речевого общения, имеющих зависимость от предмета. Существует и продолжает расти множество трудов касательно прагматики.

Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике характеризуется интересом к тем параметрам речевого общения, которые зависят от предмета. Создано большое количество работ (и их количество растет) по прагматике (прагмалингвистике), являющейся лингвистической дисциплиной, которая изучает особенности использования языка в зависимости от цели предмета речи, характера воздействия на адресата, ситуации общения (И.И. Богданов, О.С. Иссерс, П. Грейс, Г.А. Копнина, А.В. Ленец, Г.Г. Матвеева, А.Ю. Маслова, Дж. Остин, Е.И. Петрова, Дж. Серл, И.П. Сусова, О.А. Филиппова, Н.И. Формановская, Г.Р. Шаменева и др.). Достижения науки о языке начинают проявляться в методах обучения иностранному языку и в том числе русскому языку как иностранному. Современные методологи утверждают необходимость в использовании прагматических данных в курсе РКИ. Также О.К. Грекова подчеркивает, что прагматические рекомендации являются значительно важными для иностранных студентов, так как они помогают им понять собеседника, говорящего по-русски, а также адекватно отреагировать на воспринятую инфор-

мацию.

Рост интереса к прагматике со стороны методистов и преподавателей иностранных языков является очевидным: современный подход к изучению иностранного языка с помощью коммуникативной деятельности показывает, что знания языковой системы не являются достаточными для овладения иностранным языком. Иностранцу необходимо развивать умение в общении на иностранном языке, поэтому нужно использовать систему как инструмент в ходе голосовой деятельности для достижения результата. Таким нужным результатом может являться как получение получателем конкретной информации, так и выполнение желаемого действия по теме разговора, появление эмоционального состояния, которое будет необходимо для тематики и цели разговора, и т.д. Все это показывает, что успех коммуникации не имеет границ. Возможность использовать речь как систему символов, которые кодируют определенную информацию, характеризуется способностью адекватно влиять на получателя. К примеру, собеседник в более существенной степени захочет оказать нам необходимую поддержку, если мы будем взаимными, то есть. окажем эту поддержку сами, не забывая о принципах вежливости. Если мы примем во внимание систему ценностей точки зрения партнера по переговорам при выборе аргументов, то он с большей вероятностью согласится с

нами [8, с. 39] и т.д. Выше было указано, что воздействие на адресата находится в области прагматики. Таким образом, если мы хотим научить ученика с успехом общаться на иностранном языке, то наша задача состоит не только в том, чтобы научить его выражать разные значения на этом языке, но и использовать язык для достижения необходимого прагматического эффекта (выбор наиболее подходящих языковых инструментов). Такая задача логически перетекает в задачу предупреждения студента о возможных коммуникативных ошибках – полном или частичном непонимании высказывания партнера, которое может быть связано не только с недостаточным знанием языковой системы, но и с рядом прагматических ошибочных суждений (непонимание, коммуникационное намерение собеседника, проблемы с языковым поведением, недостаточный учет системы ценностей получателя и т.д.). [6, с. 31]

Продemonстрируем это на примере из нашей практики преподавания русского языка как иностранного. Иностранцев студентов пригласили к участию в диалоге, и они получали соответствующую оценку своих ответов. Обучающимся был задан вопрос: «Вы знаете, где находится аптека?». Один студент ответил: «Я знаю». В этом примере учащийся не понимает сути своего утверждения: для него информация не является необходимой, поэтому он видит в этом вопрос, полностью отвечающий на слова, инициировавших диалог. В результате мы получаем сбой в общении: участник коммуникации, который инициировал диалог, не достиг цели – он не получил нужной информации. В таком случае коммуникативная ошибка появляется из-за того, что имеется неспособность распознавания косвенного действия речи (коммуникативное намерение (наш запрос в нашем случае)) по признакам другого речевого действия. Пример ярко иллюстрирует, что эффективность общения зависит не только от наличия лексических и грамматических средств языка, но и от учета прагматических параметров.

В традиционном курсе русского как иностранного прагматический элемент в большинстве своем представляется в качестве обучения реализации различных намерений: в государственных стандартах русского языка как иностранного содержатся подробные списки намерений, которые иностранный студент должен уметь выражать на различных этапах знания языка. Но мы считаем, что прагматическая информация, которая предоставляется студентам, должна быть более широкой и разнообразной. Ведь важно не только научить иностранцев выражать какие-либо намерения на русском языке (что во время занятий сводится к усвоению устойчивых фраз – клише, этикетных фраз), но и указать им на прагматический потенциал инструментов, научить их использованию этих инструментов для достижения цели общения, иначе говоря, обучить гибкости в речевом поведении. По-нашему мнению, количество прагматической инфор-

мации в курсе РКИ подлежит увеличению, в частности, требуется расширить прагматические комментарии при изучении ряда грамматических вопросов.

Грамматическая тема «Выражение отсутствия» изучается в курсе русского языка как иностранного на третьем уровне и является логическим продолжением грамматической темы «Выражение присутствия» (см., например, учебник «Университет. Шаг 3», написано в соответствии с требованиями третьего уровня компетенции по РКИ). Отнесение грамматического материала к третьему, достаточно высокому, уровню изучения языка закономерно, так как при нейтральных конструкциях учитываются выразительные конструкции, а также прямо-косвенные речевые акты, что уже требует достаточно серьезной подготовки учащихся.

Вниманию учеников предлагается определенное количество конструкций для выражения отсутствия [7, с. 333-336]:

- 1) безличные предложения со словами нет, их не было, не будет (завтра классов не будет);
- 2) безличные предложения с глаголами быть, появляться, существовать и т.д. (чудес не бывает);
- 3) предложения с глаголом отсутствовать (кто сегодня отсутствует?);
- 4) безличные предложения с отрицательными местоимениями и наречиями (негде сесть);
- 5) косвенные речевые акты (выразительные конструкции):
 - а) вопросительные предложения по форме и отрицательные по смыслу (а где здесь сидеть? = сидеть негде);
 - б) есть предложения со словом, утвердительные по форме и отрицательные по значению: есть в чем покаяться! = не о чем сожалеть.

При изучении данного материала внимание студентов традиционно акцентируется, во-первых, на формальных особенностях структур, во-вторых, на семантических различиях подобных структур по форме (Николая на уроке не было. - Николая на уроке не было), в-третьих, на стилистических характеристиках конструкций (нейтральные, выразительные, разговорные).

Мы считаем, что формальным, семантическим и стилистическим характеристикам необходимо интегрироваться с информацией прагматического характера – информацией, которая сможет направлять учащихся к тому, какую структуру лучше всего выбрать для оптимального решения коммуникативной задачи, чтобы добиться желаемого воздействия на собеседника. Такая информация особенно актуальна и вызывает интерес у студентов в тех случаях, когда две конструкции близки как формально, так и семантически (возникает вопрос: «Зачем нам необходимы две практически одинаковые конструкции на одном языке?»). Как, например, случай

конструкций типа «Кого не было где – Кого не было где». Именно на этих конструкциях мы остановимся более подробно в данной статье.

Когда объясняется то, как работают такие структуры, как «Кто не был там, где – Кто не был там, где внимание студентов» то: 1) указываются формальные различия (двухчастное предложение, предмет которого находится в именительном падеже – безличном, состоящем из одной части. Предложение, предмет которого сообщается, об отсутствии которого сообщается форма родительного падежа) и 2) за различия в семантике: в предложении, в котором Николая не было на лекции, ситуация рассматривается с позиции подлежащего (самого Николая), который отсутствовал на занятиях (Николай не присутствовал на лекции), в предложении Николая не было на лекции, ситуация учитывается с точки зрения третьего лица, наблюдателя (Николая на лекции не было). Семантические различия между структурами довольно тонкие и чаще всего эти различия стираются, поэтому в одной и той же ситуации можно использовать обе структуры:

- Вы завтра будете в университете?
- Нет, я завтра не буду в университете.
- Нет, меня завтра не будет в университете.

В такой ситуации тем ценнее прагматический комментарий, который устанавливает различия между рассматриваемыми структурами, являющиеся в ряде контекстов очень показательными. Рассмотрим следующий диалог.

– Иван Петрович, можно я приеду к вам в отделение в понедельник? У меня есть несколько вопросов по моей диссертации.

Как вы можете видеть в данном диалоге, получатель использует конструкцию с родительным падежом (я не буду учиться в университете), а не с именительным падежом (я не буду учиться в университете). От чего зависит выбор дизайна? Очевидно, уместна следующая отправная точка: в данном случае происходит формулировка с позиции реципиента-наблюдателя (меня не будет (для вас) = вы меня не увидите). Таким образом, тот, кто говорит, занимает позицию собеседника, учитывая его интересы.

Формановская называет такую способность «принимать точку зрения другого, чувствовать в мире своих отношений и своих оценок и с этих позиций пытаться понять это». [1, с. 55]. Навыки чувствования собеседника, интерпретирования ситуации с точки зрения его интересов, конечно же, вызывает положительную реакцию адресата, а вследствие этого определяет успешность общения. Если использовать конструкцию с именительным падежом (в университете я не буду), то ситуация выглядит так, словно говорящий специально отказывается от встречи с собеседником. Такое восприятие высказывания с высокой вероятностью вызовет негативную реак-

цию со стороны адресата, то есть появится нежелательный прагматический эффект, а поэтому, коммуникация в таком случае не может быть признана успешной. В данном случае выбор конструкции определяется прагматическим фактором, а не семантическим фактором (обе конструкции одинаково успешны в выражении значения отсутствия): именно прагматический фактор позволяет учащимся познакомиться с использованием ориентирующих структур, которые доказывают важность привлечения прагматических данных, когда происходит обучение иностранному языку. Поскольку источником прагматического воздействия являются различные формальные, семантические, стилистические свойства языковой единицы (при этом языковая единица может производить какой-либо эффект благодаря своим свойствам), то при этом вектор изучения грамматического предмета формы и семантики необходимо направить на прагматику, поэтому, по-нашему мнению, необходимо настроить и подачу материалов, и систему задач.

Представьте, как могла бы выглядеть система задач «выражение отсутствия» применительно к таким конструкциям, как «кто не где – кто не где».

Задача 1. Сравните два контекста. Определите формальные различия между ними. Покажите семантические различия между контекстами: в этом случае ситуация возникает из позиции актера, а в этом случае из позиции другого человека, наблюдателя.

1) Ирина не была на занятиях (заболела, в вуз не ходила, сидела дома). 2) Ирины не было на лекции (внимательно осмотрел всю аудиторию, но не увидел).

Задача 2. Выберите вариант формулировки (А или В), соответствующий данному утверждению.

Я не видел Диму в школе.

А) Дима не был в школе. Б) Димы не было в школе.

(Правильный ответ: Димы не было в школе)

Задание 3. Ответьте на вопросы, используя конструкции Кого не было где, Кто не был где.

1) Вы были когда-нибудь в Санкт-Петербурге? 2) Ты видел Аню в библиотеке?

(Правильные ответы: 1) Я не был в Санкт-Петербурге. 2) Ани не было в библиотеке)

Задание 4. Прочитайте микродиалоги, обратите внимание на выделенные фрагменты. В каком случае формулировка звучит более вежливо (говорящий оценивает ситуацию с позиции собеседника), а в каком случае высказывание является более категоричным (предполагает

мое отсутствие говорящего предстаёт как его активное намерение, может быть расценено как нежелание общаться с собеседником)?

- А. – Мы могли бы встретиться во вторник?
 – Во вторник я не буду в университете.
 Б. – Мы могли бы встретиться во вторник?
 – Во вторник меня не будет в университете.

Задание 5. Реагируйте на реплику диалога: сообщите о своём предполагаемом отсутствии максимально корректно, представляя ситуацию с позиции собеседника.

1) – Я мог бы передать вам книгу завтра на конференции. - ... (Завтра на конференции меня не будет)

Задание 6. Составьте диалоги: выясните у ваших товарищей, были ли они сегодня в столовой; у тех, кто был, узнайте, видели ли они ваших общих знакомых. В диалогах сообщите об отсутствии.

Кратко прокомментируем представленную выше систему задач. Задания 1-3 имеют задачу отработки навыков использования конструкций в зависимости от параметров семантического характера. Задание 1 является языковым заданием (далее мы используем терминологию, предложенную Е.И. Пассовым) – заданием наблюдения, которое может быть задано как после объяснения материала (сообщение о формальных и семантических различиях между конструкциями), так и предшествовать комментариям учителя (к примеру, в сильных группах). Задание 2 – лингвистическое, которое закрепляет полученные знания и формирует навыки правильного использования структур в зависимости от их смысловых оттенков. Задание 3 – условное речевое задание. Оно тренирует навыки использования структур в ситуации в контексте микродиалога. [9, с. 71]

Задачи с 4 по 6 направлены на работу с прагматической составляющей предмета. Задача 4 – языкознание, на наблюдение. Задание 5 – условная речь (выработка навыков использования структур в ситуации), задание 6 – речь (моделируется реальная ситуация общения).

Таким образом, прагматический аспект обучения диктует необходимость дифференцированного (учитывая реальные условия обучения) соотнесения с постановкой приоритетов в выборе видов речевой деятельности. Резко возрастает роль рецептивных видов речевой деятельности в зависимости от конкретного типа учебного заведения.

Как нами уже было отмечено, прагматический аспект цели обучения связывается с формированием у студента знаний, умений и навыков, владение которыми позволит обучающемуся приобщиться к социокультурным ценностям страны языка. Это является целью в контексте

межкультурного общения. Но в связи с этим интересен следующий вопрос: что понимается под комплексом знаний, навыков и умений, если речь идет о формировании у учащегося основных черт вторичной языковой личности?

Если следовать принятой в данной работе логике рассуждений в категориях концепции вторичной языковой личности, то применительно к рецептивным видам деятельности можно говорить об обучении умениям распознавать национальную языковую личность в стереотипных отношениях и элементы нулевого уровня ее структуры (и одновременно формировать в себе его особенности). Что касается продуктивных видов деятельности, то в таком случае учебный процесс необходимо направить на усвоение обучаемой системы лексико-семантико-грамматических связей изучаемого языка, позволяющая ему осуществлять текстовую деятельность в наиболее типичных, стандартных коммуникативных ситуациях, то есть на уровне повседневного использования языка. Последнее предполагает развитие у учащегося нестандартных, уникальных, вербальных ассоциаций, которые позволяют человеку выразить простейшую личностную интенциональность.

Таким образом, объектами ассимиляции являются:

- предметные знания, обусловленные коммуникативной ситуацией и реализуемые с помощью языковых средств, в том числе знания о социальных отношениях и условиях их реализации, необходимые для реализации индивидуальной коммуникативной программы;
- знание альтернативных возможностей вербального поведения, включая репертуар различных параметров, необходимых и достаточных для анализа ситуации общения, а также умение на основе этих знаний оценивать ситуации общения с личной позиции и с позиции партнера по общению;
- способность использовать изменчивое поведение, чтобы сделать адекватный выбор для достижения эффективного общения;
- умение творчески (творчески) осуществлять речевое и неречевое поведение в новых ситуациях;
- умение использовать различные формы и способы речевой деятельности (письменный или устный, паралингвистический, экстралингвистический), а также умение использовать паралингвистические и экстралингвистические элементы речевого общения в собственной речевой деятельности и понимать при декодировании речевых высказываний. другие люди;
- способность обновлять все составляющие ситуации и все факторы, которые ее определяют;
- лингвистическая компетенция, которая включает перечень языковых средств и правил их использования, а также набор паралингвистических и экстралингвистических элементов (стр. 36-38).

Основные знания, навыки и умения, которые вместе составляют прагматический аспект цели изучения иностранного языка - умение использовать иностранный язык гибким и эффективным способом для понимания и передачи информации:

- знание словарных единиц и навыки работы с правилами, с помощью которых эти единицы преобразуются в осмысленные утверждения;
- умение использовать языковые средства в соответствии с целями, местом, временем и сферами общения, а также адекватно социальному статусу партнера по общению;
- способность понимать утверждения в значимых блоках значения, планировать свое речевое поведение и передавать информацию в связных, логичных, аргументированных заявлениях;
- способность анализировать и оценивать ситуации общения, принимать адекватные решения относительно речевого поведения, контролировать свои речевые действия и действия своих партнеров по общению, а также использовать собственный речевой опыт (вербальные и невербальные элементы) для компенсации существующих пробелов в знании иностранного языка;
- знание социокультурной специфики страны изучаемого языка и умение выстраивать свое речевое и неречевое поведение в соответствии с этой спецификой.

Поскольку ИЖ является одной из учебных дисциплин, необходимо также включить в перечень знаний, умений и навыков способность студента к самообразованию и самосовершенствованию с помощью иностранного языка, в том числе знание изучаемого языка, а также умение удовлетворить свои познавательные интересы с помощью языкового кода. Приведенные выше знания, навыки и умения в совокупности должны позволять студенту в соответствии с его реальными интересами и потребностями:

- 1) в условиях прямого общения в различных ситуациях, характер которых уточняется с учетом варианта обучения ИЯ:
 - а) в зависимости от задач коммуникации устанавливать и поддерживать контакт с собеседником (ами), сообщать, запрашивать информацию, соответствующим образом отвечать на высказывания партнера по коммуникации (даже при наличии неизвестных языковых средств), в то же время выражает собственное мнение / суждение, используя аргументацию, эмоционально-выразительные и оценочные средства языка, перефразируя, превышая требование и повторяя и т.д.;
 - б) логично и последовательно выражать себя в связи с коммуникативной ситуацией (увиденное / услышанное / прочитанное), выражая свое отношение к обсуждаемой теме и, при не-

обходимости, используя различные виды поддержки (например, план);

- 2) в процессе чтения / прослушивания аутентичных текстов, в зависимости от их типа и характера и коммуникативных задач, использовать разные стратегии чтения / слушания: чтобы понять основное содержание, полностью воспринять содержание или определить на этой основе наиболее важную (интересную) необходимую информацию, при необходимости, для догадок, словарь, а также поддержка в виде комментария и / или паралингвистической составляющей;
- 3) предоставлять письменную информацию различного размера и характера.

Объем и характер знаний, навыков и умений, которые лежат в основе вербального общения и составляют прагматическое содержание цели изучения ИЯ, определяются применительно к конкретным условиям обучения.

Чтобы общение было успешным, говорящему недостаточно соответствовать языковым стандартам: он должен предугадывать реакцию собеседника на высказывание, то есть обращать внимание на прагматический эффект. Поэтому, когда учащиеся учатся общаться на иностранном языке, в том числе на русском как иностранном, им необходимо овладеть не только языковой системой, но и умением управлять этой системой и выбирать средства для максимального воздействия на собеседника. Как уже упоминалось выше, прагматическая информация частично присутствует в русском языке как иностранном, но недостаточно. Между тем роль прагматической составляющей в курсе ИЯ очень важна: данные прагматиков приближают их к реальным коммуникативным потребностям. Кроме того, эти данные служат руководством по использованию языковых ресурсов в случаях, когда семантический критерий недостаточно выразителен. Технология создания прагматической составляющей курса ИЯ должна учитывать производный характер прагматического эффекта, его зависимость от семантических и стилистических свойств языковых средств. Поэтому в разработанной нами системе заданий, представляющей собой дидактическую технологию (состав и последовательность операций, направленных на усвоение грамматической темы), введению прагматической информации предшествует работа с семантикой. На основе двух грамматических конструкций мы продемонстрировали актуальность прагматической составляющей курса иностранного языка и технологию его создания. Для работы в этом направлении лингвистический материал курса русского языка как иностранного, и прежде всего материал продвинутой ступени обучения - это реальная задача для специалистов, и эта задача ждет своего решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. M.J. Dubrovin Locucoes Russas por imagens/Русские фразеологизмы в картинках / M.J. Dubrovin, M.J. De Mello. - М.: Русский язык, 2014. - 328 с.
2. Беляева, Г.В. Слушаем и пишем. Учебное пособие по РКИ. Рабочая тетрадь для студента (+ CD) / Г.В. Беляева, И.А. Гудкова, Н.Э. Луцкая. - Москва: Машиностроение, 2014. - 138 с.
3. Какорина, Е.В. Русский язык. От ступени к ступени. Учебное пособие. Часть 3. Чтение и развитие речи / Е.В. Какорина, Л.В. Костылева, Т.В. Савченко. - М.: Этносфера, 2014. - 112 с.
4. Лебедев, В.К. Знакомьтесь. Числительное / В.К. Лебедев. - М.: Златоуст, 2015. - 132 с.
5. Майборода, И.В. Наша азбука. Рабочая тетрадь / И.В. Майборода. - М.: Златоуст, 2014. - 409 с.
6. Розанова, С.П. Человек среди людей. Книга для чтения / С.П. Розанова, Т.В. Шустикова. - М.: Флинта, Наука, 2014. - 208 с.
7. Русский язык - мой друг. Базовый уровень. Учебное пособие. - М.: Издательство Российского Университета дружбы народов, 2014. - 896 с.
8. Старовойтова, И.А. Русская лексика в заданиях и кроссвордах. Выпуск 1 / И.А. Старовойтова. - М.: Златоуст, 2015. - 961 с.
9. Трушина, Л.Б. Русский. Экзамен. Туризм. РЭТ-3. Учебный комплекс по русскому языку как иностранному в сфере международного туризма / Л.Б. Трушина, Т.Г. Волкова, А.Л. Кузнецов. - М.: ВК, 2016. - 222 с.

© Беляев Антон Алексеевич (aragon_rw@mail.ru), Беляева Ирина Владимировна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

ENGLISH TEACHING METHODOLOGY FOR LAW STUDENTS

P. Kondratev

Summary: This article reveals topical problems of methodological development and teaching English for students of legal specialties. Also presented are modern and innovative methods of teaching English for law students. The principles of the selection of teaching methods, taking into account the specifics of the initial level of knowledge of the students of the group when entering the university are outlined. The purpose of the study is to identify the main methodological approaches to teaching English for law students in domestic and foreign literature. In conclusion, the author notes that in order to achieve the maximum effect, teaching English to law students should be multidimensional, including classroom, independent and extracurricular work.

Keywords: teaching, English, student, university, lawyer, legal specialty, teacher, learning, grammar, vocabulary, communicative competence.

Кондратьев Павел Борисович

*старший преподаватель, Санкт-Петербургский
юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры РФ
pbkon@list.ru*

Аннотация: В данной статье раскрыты актуальные проблемы методических разработок и преподавания английского языка для студентов юридических специальностей, а также современные и инновационные методики преподавания английского языка для студентов-юристов, принципы подбора методик обучения с учетом специфики изначального уровня знаний студентов группы при поступлении в ВУЗ. Цель работы заключается в выявлении основных методических подходов к преподаванию английского языка для студентов юридических ВУЗов в отечественной и зарубежной литературе. В заключении автором отмечается, что для достижения максимального эффекта преподавание английского языка для студентов юридических специальностей должно носить многоаспектный характер, в т.ч. включать в себя аудиторную, самостоятельную и внеклассную работу.

Ключевые слова: преподавание, английский язык, студент, ВУЗ, юрист, юридическая специальность, педагог, обучение, грамматика, лексика, коммуникативные компетенции.

Нормативно-правовая система Российской Федерации, как правило, формируется на основании международных законодательных актов, для эффективного понимания которых необходимо изучение документов на английском языке, который является международным. Кроме того, российское законодательство имеет множество спорных моментов. В контексте определенного судебного дела, изучение аналогичных ситуаций из международной и зарубежной практики может стать хорошим инструментом аргументирования виновности или невиновности фигурантов дела, а иногда сыграть и решающую роль.

В связи с этим для достижения успеха в профессиональной деятельности, студенты юридических специальностей в обязательном порядке должны знать английский язык на уровне не ниже *intermediate*, обладать запасом профессиональной лексики. При этом на сегодняшний день в современной педагогической теории и практике отсутствует единая комплексная методика обучения студентов юридических специальностей английскому языку, что существенно усложняет весь процесс преподавания. Кроме того, язык, в т.ч. язык юридической терминологии является живым организмом, который постоянно изменяется и дополняется. В связи с этим преподаватели ВУЗов вынуждены постоянно находиться в поиске и адаптации разработанных методик к каждому конкретному случаю – каждому конкретному набору студентов.

На основании вышесказанного следует отметить, что выбранная тема исследования актуальна и целесообразна для исследования в контексте данной работы, что определило формулировку цели и задач: *Цель работы* заключается в выявлении основных методических подходов к преподаванию английского языка для студентов юридических ВУЗов в отечественной и зарубежной литературе. Для достижения поставленной цели в ходе работы необходимо выполнить ряд задач следующего характера:

- выявить ключевые проблемы методологии преподавания английского языка для студентов юридических специальностей;
- рассмотреть методики преподавания, наиболее часто используемые в ВУЗах России;
- рассмотреть инновационные методики преподавания, достаточно редко используемые отечественными педагогами;
- проанализировать традиционные и инновационные методики.

Одной из ключевых проблем обучения современных студентов профессиональному английскому языку, т.е. в контексте получения студентами высшего образования, в т.ч. юридических специальностей, является высоко дифференцированная неоднородность знаний студентов, вступающих в ВУЗы. С одной стороны, если говорить о студентах, поступающих на юридические факультеты

отечественных ВУЗов, проживающих до этого и обучающихся на территории России, большинство из них учатся по одной и той же общеобразовательной программе (за исключением студентов гимназий, лицеев и прочих специализированных общеобразовательных учреждений с повышенными требованиями). С другой стороны, обучение в средней школе по одной общеобразовательной программе не гарантирует одинаковых результатов по факту ее завершения. Для современной системы образования России распространенной ситуацией является то, что качество преподавания в Москве и крупных городах-мегаполисах на порядок выше, чем качество обучения иностранным языкам в регионах, а тем более небольших муниципальных образований (села, деревни, ПГТ и т.д.). Как правило, даже учителя иностранного языка, работающие в средних образовательных учебных заведениях крупных городов, имеют более высокоразвитые профессиональные компетенции, чем учителя в небольших населенных пунктах.

Все это приводит к тому, что определенная доля студентов, поступающих в ВУЗы, в программе изучения английского языка которых заложено изучение профессиональной составляющей языка – профессиональной лексики и специфики стиля соответствующего подязыка, не могут эффективно изучать данный блок знаний, так как не имеют сформированных компетенций общеобразовательного английского языка. Данный аспект, безусловно, должен быть учтен в разработке комплексной методики преподавания английского языка для студентов юридических специальностей, в рамках конкретного ВУЗа.

Еще одной проблемой при выработке комплексной методики преподавания английского языка является специфика юридической терминологии в рамках нормативно-правовых актов различных стран. В особенности это важно для студентов, профильным направлением обучения которых является международное право. Очень четко данный аспект отображается в различиях между терминами одного и того же семантического значения в нормативно-правовых актах США и Великобритании. Например, термины «solicitor» и «barrister» существуют только в британском праве, «counselor» (советник, адвокат) – в США и Ирландии.

Проблемы социализации являются всегда актуальными при изучении иностранного языка. Поэтому, при обучении студентов-юристов иностранному языку надо иметь в виду, что современному специалисту необходимо иметь уровень, который позволил бы ему общаться при необходимости со специалистами из других стран. Для этого он должен знать основы грамматики, но, главное, он должен знать лексику юридической направленности [6]. Среди методик преподавания английского языка для студентов юридических специальностей мож-

но выделить как традиционные, так и инновационные.

К традиционным методикам обучения относятся:

- чтение статей, новостей, теоретического материала освещающих профессиональные темы юридической дисциплины;
- пересказ / рассказ изученной теоретической темы, того или иного научно-исследовательского вопроса, прочитанного в статье;
- изучение юридической профессиональной лексики;
- разбор нормативно-правовых актов на английском языке (чтение, перевод, анализ, ответы на вопросы, позволяющие понять, насколько студент понял прочитанное);
- разбор примеров судебной практики;
- прослушивание аудиозаписей диалогов на темы, подразумевающие обсуждение тех или иных юридических вопросов.

Среди нетрадиционных методик обучения можно выделить:

- просмотр документальных и художественных фильмов в аудитории или самостоятельно, выполнение после просмотра ряда заданий, позволяющих оценить, насколько студент понял события кино картины;
- организация диалоговых занятий различной формы, в ходе которых студенты разбираются на группы и обсуждают те или иные темы юриспруденции, определенные им преподавателем или выбранные самостоятельно;
- разговорные клубы и прочие методы внеаудиторной практики разговорных навыков;
- проектная деятельность студентов [1, с. 255].

При этом следует отметить, что если большая часть группы имеет низкий уровень знаний, при подборе материалов для реализации традиционных и нетрадиционных методов обучения, рекомендуется отдавать предпочтение адаптированным материалам под усредненный уровень группы. К сожалению, в рамках преподавания английского языка в ВУЗе, большинство преподавателей не будут подбирать материалы под уровень знаний каждого отдельного студента. Однако реализовать это без существенного увеличения нагрузки на преподавателя вполне возможно посредством проведения как входных, так и периодических тестирований студентов на определение текущего уровня знаний языка и разбивки студентов на группы. В ходе реализации тех или иных методов обучения для каждой группы студентов можно подобрать учебный материал, максимально соответствующий ее общему уровню развития языка. Такой подход является наиболее эффективным.

Преподавание всего курса иностранного языка для

студентов юридических специальностей должно вестись исключительно на английском языке. Во многих ВУЗах России, в частности ВУЗах с исключительно юридической направленностью это является существенной проблемой, так как процесс общения вне рамок учебных заданий, а так же пояснение грамматических, лексических и прочих вопросов, многие педагоги транслируют на русском.

В современной методике преподавания иностранных языков основной упор делается на формирование коммуникативной компетенции. Коммуникативную компетенцию юриста можно определить как «способность специалиста осуществлять коммуникацию в процессе выполнения различных правовых действий и решения юридических задач на основе специально сформированных знаний и умений» [2, с. 233].

В этой связи подготовка юриста в рамках курса дисциплины «Иностранный язык в сфере юриспруденции» требует обучать студентов языку специальности и формировать у них умения и навыки, необходимые для выполнения профессиональной деятельности на английском языке: умения свободно ориентироваться в текстах юридического содержания, делать сообщения, вести беседу и осуществлять письменный и устный перевод с английского языка на русский и с русского языка на английский в рамках профессиональной тематики и составлять юридические документы.

Наиболее эффективными методиками формирования и развития данных компетенций у студентов юридических факультетов являются: дебаты, круглый стол, ролевые игры.

В качестве примера можно привести игру «Эксперт Права», когда студенты приглашаются принять участие в моделируемой в аудитории телевизионной программе Legal Expert: один студент – эксперт в области российского права, второй – в области права Великобритании. Их задача отвечать на вопросы аудитории. Необходимо выбрать ведущего программы, который будет объявлять тему и представлять гостей программы (экспертов), руководить ходом обсуждения, приглашать гостей задавать интересующие их вопросы. Остальные студенты – гости программы, задача которых задавать экспертам вопросы (2-3), касающиеся права России и Великобритании.

До проведения ролевой игры «Юридическая консультация» студентам предлагаются образцы иска в гражданский суд США и иска в Арбитражный Суд РФ. Студенты должны изучить и сравнить форму и структуру, найти сходство и различие этих исков. А затем проводится ролевая игра: студент А – практикующий адвокат; студент В – ведущий телепрограммы. В студию поступа-

ют звонки от людей (остальные студенты группы), попавших в трудные ситуации. Задача адвоката заключается в том, чтобы помочь позвонившему решить проблему, в частности, дать рекомендации по составлению иска. Используя образцы исков, позвонившие составляют исковые заявления [3, с. 368].

Представленные методики формирования у студентов коммуникативных компетенций изучения английского языка могут осуществляться, как в виде учебной деятельности (в ходе аудиторных занятий), так и в виде внеклассных мероприятий.

Кроме того, к эффективным и инновационным методикам развития коммуникативных компетенций на английском языке, в рамках отечественной системы высшего образования и обучения студентов английскому языку в контексте данной системы, являются внеклассные методики обучения:

1. Speaking club.

В данном случае подразумевается организация внеклассного Speaking club с целью обсуждения новостей по различным нормативно-правовым вопросам отечественного и зарубежного законодательства, обсуждение различных коллизионных вопросов по конкретным делам судебной практики, текущих проблем действующего законодательства в различных областях юридической дисциплины и прочее.

Speaking club может быть организован, как преподавателем, так и самими студентами. Для быстрого развития языковых навыков членов клуба, рекомендуется проводить собрания 1 – 3 раза в неделю.

Для мотивации студентов к посещению клуба, преподаватель может выделить из общей оценки за прохождение курса профессионального английского языка, определенного количества баллов, которые студент сможет получить при регулярном участии в клубной деятельности.

2. Общение с иностранными студентами юридических ВУЗов.

Online общение на форумах, посредством Skype, Telegram, Whatsup и других приложений позволяет коммуницировать со студентами зарубежных юридических факультетов и юридических ВУЗов. Студент может, как просто периодически принимать участие в обсуждениях на интересующую его тематику на правовых форумах, так и найти товарища, среди студентов зарубежных ВУЗов на университетских форумах, для регулярного общения. Используя данный метод развития коммуникативных компетенций, студент может общаться, как в

формате письменных сообщений, тренируя при этом навыки письма и увеличивая знания грамматики, а так же в формате аудио-сообщений или общения в видео-чате, тренируя при этом навыки аудирования и говорения. В любом из данных случаев студент будет развивать не только коммуникативные компетенции, но и увеличивать свой словарный запас.

Данную методику можно применить в форме практического проекта с презентацией его результатов на определенную дату. Это мотивирует студентов воспользоваться представленной методикой и не игнорировать рекомендации преподавателя. В случае применения данной методики в виде проектной деятельности студента, минимальным сроком проекта рекомендуется установить 3 месяца.

Презентация результатов подобного проекта может быть организована в виде одной из следующих форм:

- 1) устный рассказ студента на 5 – 7 минут, который может иметь следующую структуру:
 - кто был субъектом проектной деятельности (студент какого ВУЗА);
 - на каких площадках или с помощью каких инструментов осуществлялся общение;
 - какие темы и вопросы он обсуждал в ходе проекта;
 - каких взглядов придерживаются зарубежные студенты по тому или иному вопросу (последнее объективно только в рамках группового общения студента с иностранными студентами, в противном случае он может только вкратце рассказать точку зрения именно своего собеседника);
 - согласен ли со взглядами своего собеседника или собеседников по обсуждаемым вопросам, если нет, то почему.

Данный рассказ может подкрепляться презентацией со скриншотами из переписки студента или же короткими видео, подтверждающими фактическое общение с иностранным студентом;

- 2) Видео-отзыв на общение со студентом, записанный от лица иностранного студента, характеризующий коммуникативные компетенции студента, а так же краткую справку об обсужденных вопросах касательно юридической дисциплины, справку о совпадении или не совпадении точек зрения студентов по большинству вопросов;
- 3) Видео-созвон студента с иностранным студентом в ходе презентационного занятия, с трансляцией «созвона» через проектор. В ходе «созвона» рекомендуется презентовать краткое подведение итогов общения студентов в ходе разговора при педагоге, а также, как и в предыдущих случаях огласить тезисно обсужденные вопросы и совпадение / несовпадение точек зрения по ним [5, с. 165]. Последний вариант является наиболее интересным, а так же объективным для оценки результатов проектной деятельности студента, но в реалиях отечественного образования и технического обеспечения большинства ВУЗов, тяжело реализуемым.

Таким образом, все представленные внеклассные методы развития коммуникативных компетенций студентов нацелены на разговорную практику профессионального английского языка, а параллельно, на развитие знаний грамматики, увеличение лексического запаса. Для достижения максимального эффекта преподавание английского языка для студентов юридических специальностей должно носить многоаспектный характер. Комплексная методика преподавания должна включать максимально возможное количество методов аудиторной, самостоятельной и внеклассной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азизова С.М. Особенности профессионально-ориентированного обучения английскому языку студентов юридического профиля // Педагогический журнал. – 2016. – № 4. – С. 251 – 260.
2. Дворцова А.В. Профессиональный английский язык для студентов юридических специальностей // Вестник Луганской академии внутренних дел им. Э.А. Дидоренко. – 2018. – № 1 (4). – С. 232 – 240.
3. Камшукова Л.С. К вопросу о формировании иноязычной компетенции студентов-юристов // Наука и образование: новое время. – 2017. – № 6 (23). – С. 365 – 371.
4. Левитан К.М. Метапредметный подход в развитии инновационной профессиональной языковой личности студентов юридического ВУЗа // Язык и культура. – 2019. – № 47. – С. 217 – 230.
5. Токтоназарова К.А., Султанова Г.К. Особенности профессионально-ориентированного обучения английскому языку студентов юридического профиля // Вестник Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева. – 2020. – № 2. – С. 163 – 167.
6. Нурхамитов М.Р., Геркина Н.В. Особенности преподавания английского языка для студентов юристов в университете. – 2017. – № 58-1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://novainfo.ru/article/10275> (дата обращения 22.12.2020).

© Кондратьев Павел Борисович (pbkon@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УЧЕБНИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Ли Сяотун

Аспирант, Пекинский педагогический университет

646668194@qq.com

EVALUATION OF THE RUSSIAN TEXTBOOKS FOR CHINESE STUDENTS

Li Xiaotong

Summary: The article is devoted to evaluation of basic Russian textbooks for philology students in China. In this article textbooks are studied from five perspectives, such as content comprehensiveness and scientificity, existence of moral and cultural elements, correspondence of textbooks to the students' psychological laws of development, availability and efficiency, design and decoration, on the basis of which are summarized detailed evaluation criteria. Then we make a positive evaluation of the textbooks and point out the existing problems in them so that Russians can get acquainted with the textbooks of Russian language in China.

Keywords: Russian textbook, evaluation criteria, textbook evaluation.

Аннотация: Статья посвящена оценке учебников базового курса по русскому языку для студентов-филологов в Китае. В статье рассматриваются эти учебные материалы с таких пяти сторон, как содержательность и научность, существование моральных и культурных элементов, соответствие учебников закономерностям психологического развития студентов, доступность и эффективность, дизайн и оформление, на основе которых обобщаются подробные оценочные критерии. Далее дана позитивная оценка учебникам и одновременно указаны существующие в них недостатки, чтобы русские ознакомились с учебниками РКИ в Китае.

Ключевые слова: учебник русского языка, оценочные критерии, оценка учебников.

Учебно-воспитательный процесс невозможен без учебника, с помощью которого учащиеся работают как на занятиях, так и самостоятельно. Учебник знакомит учащихся с основными понятиями и категориями, содействует формированию у них мировоззрения, убеждений и поведения личности, осуществляя одновременно образовательную, воспитательную и развивающую функции.

В китайских вузах одной из обязательных и важнейших учебных дисциплин по специальности русского языка служит предмет «Практика речи» (по другому названию – интенсивное обучение русскому языку), качество учебников по которому непосредственно сказывается на успешности и эффективности учебного процесса. В нынешние дни во множестве вузов, открывающих специальность русского языка, используются «Учебники русского языка для студентов» под серией «Восток», составленные Институтом русского языка Пекинского университета иностранных языков и выпущенные Издательством преподавания и исследования иностранных языков. Учебный комплекс состоит из 8 учебников: первые 4 учебника принадлежат базовому курсу, остальные 4 – продвинутому, среди них учебники базового курса адресованы студентам, изучающим русский язык с нуля после поступления в университет, касаясь от фонетических, лексических и грамматических знаний до основных страноведений, речевых этикетов и культурной информации, глубоко влияют на результаты обучения в течение четырёх лет.

Но наряду с этим, учебники русского языка базового курса были изданы лет десять назад в 2009 – 2010-ых годах, поэтому недостатки в учебниках становятся более очевидными. Таким образом, появляется необходимость анализировать и оценивать данное учебное пособие, предоставлять пригодные меры усовершенствования и повысить качество обучения русскому языку.

1. Общие стороны и конкретные критерии оценки учебников русского языка

Оценка учебного пособия – дело непростое, требующее совмещения немалых факторов. Профессор Гао Линбяо отметил, что «При оценке учебника мы должны учитывать такие аспекты, как содержание и научность структуры, мораль и культура, познавательные и психологические правила, доступность и эффективность учебника, его уровень дизайна и оформления» [1, с. 23].

Конкретными словами, «содержание и научность структуры» касается типов знаний, отобранных в качестве учебного ресурса, и принципов организации этих знаний; «мораль и культура» учитывает роль учебника в развитии у учащихся идейной сознательности, нравственного сознания и культурной эстетики; «познавательные и психологические правила» оценивают соответствие содержания и организации учебника психологическим спецификам учащихся и их закономерностям развития познания; «доступность и эффективность» измеряет совпадение учебника с уровнем учащихся и педагогов, со средами и ресурсами университета и сте-

пень достижения поставленных учебником целей на практике; «уровень дизайн и оформления» имеет в виду функции картин, таблиц и т.п. в понимании содержания текста, формат учебников и их качество типографии.

Между прочим, по словам китайского педагога Хоу Цяньвэя, «Оценка учебников должна лежать на основе рациональных и надёжных оценочных критериев, которые бесприменно помогут дать учебникам объективную и эффективную оценку» [2, с. 61]. Критерий, это «признак, на основании которого производятся оценка, определение или классификация чего-либо»[3]. Обдумывая практическое состояние изучения и обучения русскому языку в Китае, мы устанавливаем конкретные критерии оценки учебников на основе вышесказанных сторон измерения.

В сторону «содержание и научность» мы включаем критерии «всесторонность информации» «правильность и научность языковых знаний» «современность содержания в учебниках» и «применимость языковых материалов в реальной жизни». Со стороны «мораль и культура» связаны «наличие в учебниках содержания, развивающего у студентов положительные качества, в том числе патриотизм, сознание охраны окружающей среды и т.д.» «способность учебников в демонстрации китайской, русской и международной прекрасной культуры на изучаемом языке» и «существование в учебниках знаний, помогающих студентам в развитии хороших способов размышления и поведения». Сторона «познавательные и психологические правила» включает в себя «системность и постепенность структуры в учебниках» «помощь учебника в самостоятельном изучении студентами русского языка» и «роль учебника в развитии у учащихся русского мышления». В сторону «доступность и эффективность» включаются критерии «соответствие учебника уровню развития преподавателей и студентов» «совпадение учебника с учебной программой» «эффективность учебника в подготовке к тесту четвёртого уровня по русскому языку (ТРЯ-4)¹». В конце концов, с учётом последней стороны «уровень дизайн и оформления» при оценке учебников русского языка мы должны использовать такие критерии, как «оригинальность обложек, доброкачественность издания и удобность формата» «обилие иллюстраций и их полезность в объяснении содержания учебника» и «ограниченные печатные ошибки». Таким образом, мы перечисляем всего 16 критериев оценки учебников базового курса по русскому языку.

2. Позитивная оценка «Учебники русского языка для студентов»

По выдвинутым оценочным критериям мы даём оценку данному учебному комплексу. Как важный учебный ресурс более чем в ста университетах, где есть специальность русского языка, «Учебники русского языка для студентов» базового курса серии «Восток» помогают поколениям студентов в овладении русским языком, в узнавании русской культуры и даже в экскурсии по всей России. Им, безусловно, следует поставить позитивную оценку.

Заметно, что исследованные нами учебники базового курса по русскому языку в основном соответствуют развитию социальной экономики, способствуют совершенствованию преподавания РКИ в Китае и действуют в подготовке качественных квалифицированных кадров. Конкретные положительные черты проявляются в приведённых ниже пяти сторонах:

Во-первых, в целом в учебниках всестороннее и правильное содержание, что создаёт студентам и преподавателям надёжные учебные условия. В учебниках существуют как базовые фонетические (буквы, интонационные конструкции, ударение, редукция гласных, оглушение и озвончение согласных, произношение сочетаний согласных и т.д.), лексические (общий словарь каждого учебника и послетекстовые новые слова, касающиеся разнообразных отраслей), грамматические (склонение имён существительного, прилагательного, числительного и местоимения, назначения различных предлогов, спряжение и повелительное наклонение глаголов, глаголы движения, простые и сложные предложения, причастие и деепричастие и др.) и культурные знания, так и лингвистические и речевые задания.

Во-вторых, в учебниках тексты полны моральности и культурности. Большая часть информации в текстах функционирует в формировании у студентов моральных качеств и положительного мировоззрения, как «Русский характер», «Каменный цветок», «Экзамен», «Чувство Земли» и т.д. Отражают определённые страноведческие знания посредством текстов «Времена года в России», «Ярославская Масленица», «Санкт-Петербург приглашает!», «Русская кухня», «Государственная Третьяковская галерея», «Никита Михалков», «Праздники в России», «Общие сведения о Москве», «Московское метро», «О Ю. Гагарине», «Выход в открытый космос», «Зелёный крест», «Ведущие вузы России», «Высшее образование сегодня в России» и др.

В-третьих, в учебниках базового курса все языковые

¹ Тест базового уровня для филологов, организуемый Центром тестирования по русскому языку при Министерстве образования КНР в конце второго курса.

знания организуются в основном по системной структуре, что отвечает психологической специфике студентов. «Важнейшим элементом учебника как системы, определяющей его особенности, является структура. Под структурой мы понимаем множество элементов и связей между ними» [4, с. 7]. Вместе разберёмся в первом учебнике, состоящем из вводной и основной частей. Вводная часть – это подробная информация о базовых фонетических, орфографических и грамматических сведениях, включая произношение и правописание букв русского алфавита, ударенный слог, редукцию гласных, интонационные конструкции, род существительного и его множественное число, спряжение глагола, простые устойчивые выражения, маленькие тексты и т.д. Основная часть представляет собой начало изучения русской речи, и создаётся по линии «фонетика – грамматика – развитие речи – речевой этикет – о России», т.е. при изучении каждого урока прежде всего нуждается в повторении фонетических правил.

В-четвёртых, учебники эффективны в формировании поведения личности и в подготовке к ТРЯ-4. В целом были составлены по Учебной программе учебники, в учебниках есть темы «книга и библиотека», где написано «Книги должны принадлежать всем», «Люблю книги с занимательным сюжетом. Такую книгу начнёшь читать и уже не оставишь, пока не прочитаешь», «Хорошую книгу интересно читать не спеша, задумываясь», «Без книг в доме – самых разных, не похожих одна на другую – нельзя вырастить по-настоящему культурного человека», что призывает молодёжи к чтению и помогает им узнать, как надо правильно читать. С помощью учебников после двухлетней учёбы студенты могут свободно общаться с носителями русского языка, правильно выражать свои мнения на изучаемом языке и успешно сдать ТРЯ-4, проверяющий базовый уровень русского языка.

В-пятых, оформление учебников качественно, способствующее восприятию студентами содержания учебников. В первую очередь, обложки учебников «Восток» базового курса, занимающие немаловажное место, оформляются отдельно синим, зелёным, оранжевым и красным видами цвета, где на фоне Храма Василия Блаженного показаны русский самовар, традиционные народные костюмы, достопримечательности в России и др., что в определённой мере интересует учащихся и педагогов. Между тем, обилие иллюстраций в учебниках создают реальную ситуацию в учебном процессе. В пример возьмём страницу 180 в первом учебнике: в части «для замены» есть словосочетания «Малый театр» и «Третьяковская галерея», в этом случае рядом приложится их фото, наглядно показывающее облик здания студентам, которые не приезжают в Россию и не смотрят их своими глазами. И стоит упомянуть, что учебники в формате в 1/16 листа: 185mm×210mm×15mm, студентам удобно нести их с собой.

3. Существующие недостатки в «Учебники русского языка для студентов»

Российский педагог А.В. Щепилова отметила, что «Даже самый совершенный материал не исключает его критическую переработку» [5, с. 168], это также подходит оценке учебников по русскому языку. В связи с субъективностью работы составителей, в учебнике неизбежно существуют те или иные недостатки в самом начале его выхода в свет, которые становятся очевиднее после десятилетнего пользования.

Существование неправильных знаний в учебниках.

Мы подтверждаем правильность знаний в учебнике, но в действительности существуют некоторые ошибки в знаниях и информации, что в какой-то степени мешает студентам в процессе обучения.

Наглядным примером служит девятый урок четвёртого учебника, в дополнительном тексте которого под названием «Выход в открытый космос» даётся информация «18-го марта 1965 года российский космический корабль **«Восток-2»** поднялся в космос» и «Алексей Леонов работал в условиях открытого космоса **24 минуты**», но при поиске нужного дополнительного материала мы читаем такую правильную информацию: «18-19 марта 1965 года совместно с Павлом Беляевым Леонов совершил полёт в космос в качестве второго пилота на космическом корабле **«Восход-2»**. В ходе этого полёта Леонов совершил первый в истории космонавтики выход в открытый космос продолжительностью **12 минут 9 секунд**» [6], т.е. здесь ошибки в названии корабля и продолжительности работы в открытом космосе. В принципе, таких ошибок никак не замечают студенты, на чей взгляд, то, что написано в учебнике, обязательно быть правильным. Если бы не было опытных преподавателей, студенты никогда не могли бы знать точную информацию здесь.

Наличие анахроничной информации в учебниках.

Мы живём в 21-ом веке, который полон различной информацией. Студенты в учебном процессе также часто пользуются Интернетом, чтобы найти нужную себе информацию и узнать, что происходит сейчас как в Китае, России, так и во всём мире. Учебники предоставляют современные слова, но в то же время передают и анахроничную информацию.

К примеру, посмотрим упражнение 15 шестнадцатого урока первого учебника «Вопросы и ответы по рисункам – Сколько стоит?», где показаны цены бананов, сумки, брюки и т.д., в том числе банан стоит 48 руб., брюки – 98 руб. (примерно 10 юаней), сумка – 82 руб. (при-

мерно 8 юаней). У студентов постоянно возникает недоумение: «Это правда или нет? Разве всё в России так дешево?» Очевидно, что здесь дана тогдашняя валюта, которая совсем не совпадает с нынешней жизнью.

Отсутствие очень системной структуры в учебниках.

В этом разделе мы пытаемся оценить системность структуры учебников путём анализа отношений между грамматическими правилами и содержаниями диалогов и текстов в одном уроке, связей между уроками в одном учебнике, а также и грамматической системы во всех четырёх учебниках базового курса по русскому языку.

Отношение между грамматикой и содержанием диалогов и текстов в одном уроке

Здесь имеется в виду, степень совпадения грамматических знаний с содержанием диалогов и текстов невысока. Приведём в пример девятый урок третьего учебника. В части грамматики предлагаются как понятие, образование и функции действительного причастия, так и придаточные предложения причины, но в диалогах и текстах вовсе нет предложений, в которых применяются новые грамматические знания.

Связь между уроками в одном учебнике

По причине того, что учебник создаётся по теме, так и возникает недостаток, что между уроками отсутствует

тесной связи: этот урок о русской кухне, следующий об искусстве и театре, а третий о кино. Это вызывает ситуацию, когда студенты изучают следующую тему, они забывают активные слова, словосочетания и конструкции предыдущего урока. Иными словами, такая организация учебников тормозит эффективное повторение студентами уроков.

Грамматическая система в учебниках базового курса по русскому языку

По педагогической психологии, знания в учебнике должны организовать в соответствии с закономерностью психологического развития студентов, так что нужно составить учебники по принципу «от простого к сложному, от внешнего к внутреннему». Среди учебников русского языка «Восток» в первом учебнике всего 57 грамматических знаний, во втором 34, в третьем 24 и в четвёртом 28. Показывается неровность в численности в связи с тем, что морфологические и синтаксические знания распределяются по-разному.

Помимо этого, нет ни какой связи между несколькими грамматическими знаниями в одном уроке. Например, в шестом уроке третьего учебника в части грамматики объясняются назначения видов инфинитива глаголов и придаточные предложения условия, между которыми отсутствует заметных отношений, что мешает студентам логично и системно понять эти знания в учебном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гао Линбяо. Оценка учебников всеобщего образования: теория и орудие. М.: Издательство народного образования. 2001. с. 332.
2. Хуо Цяньвэй, Чжан Цзэнтянь. Построение оценочных критериев учебников: функции, пути и перспективы // Современная педагогическая наука. 2019. № 8. С. 61-68.
3. Педагогический терминологический словарь. URL: https://gufo.me/dict/pedagogy_terms/Критерий (дата обращения: 20.03.2019).
4. Волчкова Т.Л. Структура и дидактические принципы построения современного школьного учебника по мировой художественной культуре // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 7-10.
5. Щепилова А.В. Некоторые проблемы подготовки специалиста по межкультурной коммуникации: отбор учебной литературы и оценивание компетентности. М.: НЕОЛИТ, 2017. С. 168-201.
6. Алексей Леонов. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Леонов,_Алексей_Архипович (дата обращения: 10.01.2020).
7. Ши Тецянь, Чжан Цзиньлань. Русский язык для студентов (1). М.: Издательство преподавания и исследования иностранных языков. 2009. с. 349.
8. Лю Сумэй. Русский язык для студентов (2). М.: Издательство преподавания и исследования иностранных языков. 2010. с. 424.
9. Хуан Мэй. Русский язык для студентов (3). М.: Издательство преподавания и исследования иностранных языков. 2010. с. 445.
10. Чжан Чаои. Русский язык для студентов (4). М.: Издательство преподавания и исследования иностранных языков. 2011. с. 280.

© Ли Сяотун (646668194@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОПТИМИЗАЦИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ЭЛЕМЕНТА В ВОЛЕЙБОЛЕ – НАПАДАЮЩИЙ УДАР

OPTIMIZATION OF TECHNICAL ELEMENT IN VOLLEYBALL – ATTACK

A. Rzhanov
O. Shishlyannikova
E. Matrosova
B. Poshvenchuk

Summary: Forward kick (OU) is a game element that is a decoration of volleyball, which has technical features in its execution and high requirements for the players who perform it. Technical, psychological and special physical training provide criteria that contribute to the implementation of OU. The effectiveness of the attack depends on the player's motor characteristics, his skills, abilities and understanding of the psychophysical components of the whole process, which can be optimized in the training process.

The main idea and purpose of work in the correction of technical and psychomotor components of action (OU) in volleyball is the search for methods of improvement and possible specific individual qualities associated with physical characteristics and congenital inclinations.

Research methods:

Having analyzed the holistic action and disassembled it by stages of execution, into preparation, takeoff and pushing, attack, landing and switching, we will analyze and predict the criteria that are significant in performance. Step by step we will investigate the technical part associated with the biomechanical features of the movement of body segments and the combination of fusion into a common motor impulse, we will calculate energy losses and possible options for saving through the transfer coefficient from hand to ball. Let us consider the psychomotor coordination components of the discriminatory sensitivity of the parameters of their own movements, which affect individual motor functions and the overall result as a whole.

Let us experimentally prove the effectiveness of exercises that develop the selected parameters, marked by their development using tests. Let us substantiate the influence and significance of an in-depth study of complex coordination elements in sports training. Let us compare the results of the experimental and control groups, process the statistics of performance and prove the applicability of the proposed optimization methods in sports training.

Research results.

Recommendations and calculations in the correction of the attacking strike execution technique, exercises and tests that form a more accurate and effective execution, in aggregate, optimizing the full motor action, have reliability and practical significance in application.

Keywords: attacking blow, technical performance, optimization of motional action, correction of movements, volleyball, psychomotor skills.

Ржанов Алексей Александрович

Аспирант, ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»; тренер, МБУ «Спортивная школа олимпийского резерва «АНГАРА»», г. Ангарск
volley-angarsk@ya.ru

Шишлянникова Ольга Александровна

Преподаватель, ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет», Иркутск

Матросова Екатерина Николаевна

старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет», Иркутск

Пошвенчук Борис Леонидович

старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный медицинский университет», Иркутск

Аннотация: Нападающий удар (НУ) – игровой элемент, являющийся украшением волейбола, имеющий технические особенности в выполнении и высокие требования к игрокам, его выполняющим. Техническая, психологическая и специальная физическая подготовка обеспечивают критерии, способствующие выполнению НУ. Результативность атаки, зависит от двигательных характеристик игрока, его навыков, способностей и понимания психофизических составляющих всего процесса, которые возможно оптимизировать в тренировочном процессе.

Основная идея и цель работы в коррекции технических и психомоторных составляющих действия (НУ) в волейболе – поиск методов совершенствования и возможных специфических индивидуальных качеств, связанных с физическими особенностями и врожденными задатками.

Методы исследования: Проанализировав целостное действие и разобрав его по этапам выполнения, на подготовку, разбег и выталкивание, атаку, приземление и переключение, разберем и спрогнозируем значимые в выполнении критерии. Поэтапно исследуем техническую часть, связанную с биомеханическими особенностями движения сегментов тела и совокупность слияния в общий двигательный импульс, рассчитаем энергетические потери и возможные варианты экономии через коэффициент передачи от руки к мячу. Рассмотрим психомоторные координационные составляющие различной чувствительности параметров собственных движений, влияющие на отдельные двигательные функции и общий результат в целом.

Экспериментальным путем докажем эффективность упражнений, развивающих выделенные параметры, маркируемые их развитие с применением тестов. Обоснуем влияние и значимость углубленного исследования сложных координационных элементов в спортивной тренировке. Сопоставим результаты экспериментальной и контрольных групп, обработаем статистику выполнения и докажем применимость в спортивной тренировке предлагаемых способов оптимизации.

Результаты исследования. Рекомендации и расчеты в коррекции техники выполнения нападающего удара, упражнения и тесты, формирующие более точное и результативное выполнение, в совокупности, оптимизирующие полное двигательное действие, имеют надежность и практическую значимость в применении.

Ключевые слова: нападающий удар, техническое выполнение, оптимизация двигательного действия, коррекция движений, волейбол, психомоторика.

Введение.

Нападающий удар (НУ)- сложный и разнообразный по технике исполнения игровой элемент, для выполнения которого волейболист должен обладать кроме умения еще набором специальных физических характеристик: скоростной силы, специальной выносливости, прыгучести, ловкости или координации, а также более тонкими психомоторными способностями. (НУ) в классическом волейболе и пляжном имеет технические особенности, формирующиеся из биомеханики человека и направлены на максимально возможный результат.

Цель исследования.

Решение задачи и поиск путей оптимизации НУ, как элемента, определяющего преимущество в соревновательной деятельности.

Методика и организация исследования.

НП можно разделить на фазы выполнения для более полного и развернутого системного восприятия:

1. Подготовка к атаке.

Может иметь временной интервал от нескольких секунд до доли секунды в зависимости от игровой ситуации. Подготовка характерна своим психологическим и эмоциональным подходом, характеристикой концентрации внимания и сложной реакцией выбора. Психологический настрой может предрешать исход предстоящего игрового действия, связывает эмоциональный порыв и психические реакции с двигательным импульсом. Психомоторные реакции игрока зарождаются с мозговой активностью, подкрепляясь голосовыми функциями и позитивными исходами выработанных ранее с опытом и корректируемых сложной реакцией выбора. Концентрация внимания в данном случае ускоряет мышечное сокращение в ответ на мозговой импульс в латентном периоде передачи сенсорного сигнала.

2. Разбег и выпрыгивание.

Разбег для максимально возможного исхода атакующего действия должен содержать точное техническое исполнение, заложенное на тренировках и отработанное до исполнения на подсознании и мышечной памяти. Для исполнения атаки игроку требуется выполнить разбег, таким образом, чтоб во время замаха ударной рукой, мяч находился на наиболее удобной траектории для завершения действия. Функции, используемые человеком для точного попадания в параметры времени, пространства и усилия имеют психомоторные врожденные критерии. Сенсомоторная координация, в данном случае, интегрирована в различительной чувствительности

движений и вестибулярной устойчивости.

Импульс разбега задерживается на нужный интервал времени, с использованием различительной чувствительности параметра, таким образом, чтоб старт приходился на очень короткое запаздывание, заставляющее выполнять технический элемент разбега, включающий в себя стопорящий шаг с постановкой ступни на пятку с разворотом от себя на угол 45 градусов, взмахом прямых рук и разворотом плеча ударной руки для нарастания динамики завершения атаки. Различительная пространственная чувствительность гарантирует точность дистанции параметров вытянутой руки до летящего по траектории мяча, расстояния до сетки, рук блокирующего, до боковой и лицевой отметки. Силовое различие гарантирует необходимость сокращения усилия для точного попадания или обманного действия в сторону защитников противника. Вестибулярная устойчивость и чувство равновесия используется для корректировок собственного тела в пространстве в момент выпрыгивания, где регулятором служит вторая рука, противоположная к ударной, регулирующая наклон туловища и носки стоп, натягивая на себя которые, можно увеличивать дистанцию от мяча, выдвигая тяжесть тела назад.

3. Атака.

Нанесение удара по мячу имеет так же свои технические особенности, которые игрок осваивает в период начальной подготовки. Движение ударной руки, выполняется со сложной траекторией рывкового движения локтевого сустава вверх, что ступенчато и последовательно запускает кисть, предплечье и плечо в таком порядке и на опережение. В таком случае, общее движение ударной руки по мячу напоминает удар кнутом, где каждое звено, усиливается предыдущим за счет напряжения и расслабления необходимой группы мышц в нужном порядке и в заданные временные интервалы. Действие (НУ) имеет общий импульс начала и завершения, где весь алгоритм технического и психомоторного потенциала направлен на конечную фазу атаки и результат. Движение живота и спины атакующего в заключительной фазе (НУ) продолжают движение плеча и в совокупности ко всему движению добавляют силу.

4. Приземление и переключение.

Волейбол характерен очень быстрым развитием ситуации и сменой игровой обстановки, где важным фактором является способность быстрого переключения игрока, а также скорость принятия нового решения. Приземление после атаки также имеет свои особенности. Контрольные функции игрока, после совершения атаки, определяют дальнейшее психомоторное действие, исключаящее: касание сетки, переход средней линии и возможного травмирования при контакте с

игроком противника, а также возможное продолжение игрового действия.

Техника выполнения (НУ) в классическом волейболе.

(НУ) - может иметь некоторые изменения в техническом плане, в зависимости от физических данных игрока декстрала или сенестрала, а в редких случаях и амбидекстра, так же амплуа нападающего и зоны выполнения атаки.

Классическое обучение нападающему удару начинается с разбега после определения ударной руки. Важной технической особенностью в разбеге для атаки является последний шаг перед выпрыгиванием. Он имеет самую широкую амплитуду движения и скорость по отношению к предыдущим. Разбег для атаки может иметь от одного до четырех шагов, при условии сохранения двигательного импульса с первого шага. Если после движения в сторону передачи была остановочная пауза, корректирующая точность выхода, то разбег можно считать сокращенным до одного шага, что снижает силу и высоту съема атаки. Техника выполнения последнего шага перед выпрыгиванием основана на биомеханическом соотношении инерции выталкивания после стопорящего шага. Стопа правой ноги, в случае правой ударной руки не только ставится на пятку, но и разворачивается на 45 градусов вправо, для характерного выступления левой стопы вперед на пришагивании и развороте корпуса вправо, для выдвигания назад правого плеча. Толчок с противоположной для ударной руки ногой не имеет никаких преимуществ в двигательном акте атаки, выглядит несуразно и характеризует несостоятельность первого тренера, имеющего отношение к подготовке. Каждое движение в техническом плане имеет закономерность с критерием, ведущим к более точному и качественному результату и должно отражать совокупность элементов, сокращающих или увеличивающих амплитуду движения в зависимости от задачи.

Технические особенности сенестрала (левши).

Атакующий левша - всегда огромный плюс в команде, при условии качественной подготовки. Левая атакующая рука в амплуа связующего имеет особое преимущество. К сожалению, амплуа связующего имеет очень высокие критерии в спортивном отборе, и далеко не каждый игрок-левша способен обеспечивать игровые потребности. Показывая передачу в прыжке и заставляя противника отвлекаться на блокирующее действие, связующий самостоятельно принимает решение атаковать или выполнять передачу. Позитивная особенность такой атаки в непредсказуемости, а минусы в слабой амплитуде и невозможности изменить угол перевода.

Удобным для выхода в точку атаки, так же является амплуа диагонального игрока левши, что используется повсеместно. Второй и первый номер для атакующего левши зеркально повторяет работу доигровщика правши в техническом исполнении, но и имеет более не предсказуемый угол атаки для блокирующих.

Технические особенности амбидекстра.

Уникальность таких игроков очевидна и встречаются они, с учетом избранного вида спорта, крайне редко. Знание особенностей психологии амбидекстров поможет в формировании технических особенностей в обучении. Решающим фактором должна быть сложная реакция выбора игрока и одинаково отработанная техника разбега на две стороны. Предпочтение руки для атаки игрок выберет самостоятельно, не только по ему понятным критериям, но и в тактическом плане.

Техническая особенность атаки в пляжном волейболе.

Техническая особенность (НУ) в пляжном волейболе имеется, в связи с мягкостью покрытия, а также с невозможностью использовать динамику разбега и стопорящего шага с сохранением импульса и, тем более, его нарастания. В связи с этой особенностью в пляжном волейболе акцент и вся техническая часть (НУ) приходится на выталкивание уже практически с места, а весь разбег состоит из удобного подхода к коридору для атаки. Психомоторная деятельность в атаке волейболистов-пляжников больше направлена на концентрацию внимания и сложную реакцию выбора, которая помогает принимать решения, относительно тактических маневров противника на блоке и в защите. Такая атака нуждается в еще большей динамике выноса прямых рук, отведённых на взмахе до конца с наклоном корпуса для увеличения амплитуды и еще большего сгибания ног в коленном суставе, что несколько компенсирует отсутствие возможности направления ускорения разбега в выпрыгивании.

Эксперимент.

Техническая сторона (НУ) имеет ранний чувствительный период и отрабатывается на начальной подготовке путем имитационных и подводящих упражнений. Психологическая сторона, имеет накопительную составляющую, которая дополняет и корректирует врожденный потенциал спортсмена, его темперамент. Изучив психомоторную составляющую (НУ), как двигательное действие, состоящее из четырех основных фаз, можно допустить, что оптимизацию и совершенствование всего процесса следует осуществлять по параметрам:

- Концентрации внимания и сложной реакции выбора
- Вестибулярной устойчивости и равновесия

Упражнения для совершенствования исполнения (НП).

№	Упражнение с описанием	Двигательная способность	Дополнительное оборудование
1	Циклические повторения перемещений, статодинамических прыжков, с имитацией разбега, взмаха руками.	Сенсорная координация	Координационная лестница, барьеры, пирамидки, теннисные мячи для имитации
2	Атака с разбега: по статическому тренажеру с мячом, с собственного наброса, с наброса напарника с элементами акробатики (кувырок, разворот на 360 градусов)	РЧД, вестибулярная устойчивость, равновесие, внимание и концентрация.	Тренажер для атаки, маты для кувырков, игровые мячи.
3	удар стоя и в движении вытянутой рукой без прыжка, после высокого выбрасывания ударной рукой мяча вертикально по мячу вверх (на точность, на технику выполнения, на скорость)	РЧД (различие по времени, пространству, усилию)	Игровые мячи
4	Выполнение (НУ) с привязью на резине для скоростно-силового развития с вариантами психомоторных усложняющих элементов: кувырок, выпрыгивание, задержка дыхания на вдохе или выдохе)	РЧД, вестибулярная устойчивость, равновесие, концентрация внимания, волевые качества, специальная выносливость.	Координационная лестница, скакалки, маты для кувырков, игровые мячи.
5	Выполнение атаки на высоту съема через блок с переключением на звуковой сигнал. Первый сигнал к выполнению, второй для выбора дальнейшего исхода (один короткий свисток-выполнить атаку с переводом в лево, два коротких- в право, без сигнала скидка за блок и т.д. вариации.	Сложная реакция выбора, РЧД (различительная силовая чувствительность по трем параметрам)	Игровые мячи, тренажёр для блока или скамья для блокирующих.

— Различительной чувствительности движения по параметрам

Для подтверждения гипотезы, проведем эксперимент, с сентября 2019 по сентябрь 2020 года поделим юношей количеством 30 человек, начальной подготовки спортивных школ города Ангарска возрастом 10-12 лет, на экспериментальную и контрольную группы. Для однородности подготовки, проведем тестирование по указанным параметрам, далее с согласия детей и их родителей, подвергнем экспериментальную группу тренировочным развивающим упражнениям, состоящим на наш взгляд из компонентов, способствующих развитию психомоторные параметры составляющими двигательное действие (НУ). Тренировочная нагрузка состоит из пяти упражнений, имеющих различные варианты и общей рассчитанной годовой нагрузкой 192 часа. Контрольная группа будет тренироваться в обычном режиме, а в завершении эксперимента, обе группы будут протестированы по вводу тесту повторно. Для достоверности эксперимента, проведем статистический анализ атакующего действия игроков контрольной и экспериментальной групп в соревновательном процес-

се между собой.

Тестирование пространственного различия (А) проведем прибором «курвиметр», который повторяет траекторию и точно определяет ее размер. Игроку предлагается нарисовать кривую линию с точно заданным размером – пять сантиметров, а прибор служит для определения попадания в параметр.

Тестирование чувствительности малых временных интервалов (Б), проведем секундомером, по заданию, остановить секундомер через 15 секунд.

Чувствительность по усилию (В) протестируем «кистевым динамометром». После создания максимального усилия (100%), предложим без зрительного контроля шкалы создать усилие 70%, попадание в параметр послужит результатом.

Используя тесты, как маркер в оптимизации психомоторных составляющих (НУ), спортсменов экспериментальной группы в течении года будем подвергать тренировочному воздействию (таблица 1).

Результаты исследования и их обсуждение.

Таблица 2

Результаты эксперимента.

тест	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	Начало (%)	Конец (%)	Начало (%)	Конец (%)
А	68,72	88,17	64,41	67,22
Б	66,82	94,16	66,78	68,32
В	73,42	96,18	69,39	74,67

В результате исследования и его анализа, можно констатировать позитивное изменение по всем параметрам. Изменения в экспериментальной группе по отно-

шению к собственным результатам в тесте (А) составили 19,45%, в тесте (Б) 27,34%, в тесте (В) 22,76%. По отношению к финальному результату контрольной группы в тесте (А) 20,95%, в тесте (Б) 25,84% в тесте (В) 21,51%. Таким образом общее среднее изменение результата экспериментальной группы к контрольной по всем параметрам составила 22,76%, а собственный результат вырос на 23,18%.

В первом этапе, разобрав на составляющие психомоторные двигательные реакции и развивая их, получаем позитивный сдвиг по всем параметрам. Вторым этапом сравним статистику реализации атак, после воздействия на тонкие двигательные параметры экспериментальной

Таблица 3

Общая статистика атак по партиям.

Экспериментальная группа						Контрольная группа					
№	1	2	3	4	Σ	№	1	2	3	4	Σ
1	3-2	0-1	2-0	0-0	5-2	1	0-1	0-0	2-0	0-0	2-1
2	2-1	0-1	0-0	2-0	4-1	2	0-1	0-1	0-0	0-0	0-2
3	2-2	2-1	0-1	2-2	6-6	3	0-0	0-0	0-0	0-1	0-1
4	2-1	2-1	0-1	0-1	4-4	4	0-0	0-1	0-0	2-0	2-1
5	2-1	0-1	2-0	0-0	4-1	5	0-0	0-0	0-1	0-0	0-1
6	0-1	2-1	2-2	0-0	4-3	6	0-0	0-0	0-0	0-1	0-1
7	2-0	0-1	0-0	0-1	2-2	7	0-0	0-0	0-0	2-0	2-0
8	0-1	2-1	0-1	2-0	4-2	8	0-0	0-1	0-0	0-1	0-2
9	0-0	2-1	2-0	0-1	4-2	9	0-0	0-0	0-0	0-1	0-1
10	3-0	0-1	2-2	0-1	5-3	10	0-1	2-0	0-0	2-1	4-2
11	3-2	2-2	2-0	3-1	7-5	11	0-0	0-0	0-0	0-0	0-0
12	0-1	3-2	1-0	0-1	4-4	12	0-0	0-1	0-0	0-0	0-1
13	1-0	0-1	2-2	0-1	3-4	13	0-1	2-0	0-0	2-1	4-2
14	1-2	2-2	2-0	1-1	6-5	14	0-0	0-0	0-0	0-0	0-0
15	0-1	3-2	2-0	0-0	5-2	15	0-0	0-1	0-0	0-0	0-1
Σ 67-48, t= 5,42						Σ 14-16, t= 2,16					

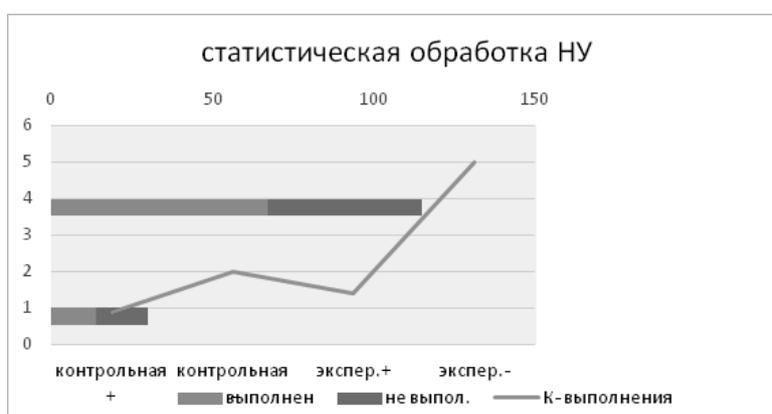

Рис. 1. Выполнение атаки после эксперимента

группы с контрольной. Статистика указывается в двух значениях, реализованная атака и не реализованная, выполненная с ошибкой или не доведенная до логического конца. Игровой эксперимент состоялся со счетом 3:1 в пользу экспериментальной группы, статистика велась четыре партии (таблица 3).

Сравним t-критерий: $5,42 > 2,16$, что говорит о преимуществе эксперимента и подтверждает достоверность результатов.

Энергетические затраты в процессе выполнения (НУ).

Техническое выполнение удара по мячу закономерно связано с экономией затрат энергии и максимальной отдачей используемой амплитуды целостного движения сегментов руки, где потеря энергии зависит от биомеханики контактирующих звеньев. Количественное значение потерь энергии, можно выразить через формулу коэффициента восстановления (K1):

$K1 = \frac{B1 - B2}{C1 - C2}$ (С) ударная скорость руки, (В) – ударная скорость мяча.	$K2 = \frac{A \text{ после} + \text{Апосле}}{A \text{ до} + A \text{до}}$ (А) – кинетическая энергия руки и мяча до и после удара.	$K2 = (1 - K2)^2 \frac{N1 - N2}{N1 + N2}$ для удара $K2=1$ абсолютно упругих тел с сосредоточенными массами и (с учетом что $K2=1, a=0$)
---	---	--

Для энергетической оценки, вводим коэффициент потерь как соотношение потерянной энергии к начальной через восстановление.

Чем выше K2, тем меньше рассеивание энергии в ударной системе, что и необходимо для сообщения большой скорости вылета мячу при (НУ). Для расчета ударного движения имеет значение коэффициент передачи энергии, от показателя кинетической энергии, по-

терянной в результате выполнения ударного действия. Следовательно, коэффициент передачи энергии от руки к мячу будет увеличиваться с увеличением затрачиваемой в ударе кинетической энергии или жесткая ударная кинематическая система полнее передает механическую энергию ударяемому мячу.

Заключение.

Совершенствование технической части выполнения нападающего удара результативно производить через психомоторные составляющие общего двигательного действия. Сложнокоординационные элементы более точно поддаются выполнению и корректировкам через различие тонко-дифференцированных ощущений и восприятий собственных движений по параметрам. Совокупность концентрации внимания и знания собственных возможностей позволяет игроку развивать врожденные психомоторные задатки и использовать скрытый потенциал в спортивной деятельности.

Выводы.

1. Оптимизацию сложного двигательного действия можно проводить через разбор биомеханики и коррекции техники выполнения, рассчитав места возможных энергетических потерь.
2. Упражнения, подобранные для развития психомоторных составляющих общего двигательного акта, набор тестов маркирующий развитие и изменение в освоении составляющих элементов имеет достоверное позитивное значение прироста по параметрам и статистически доказывает общий результат тренировочного воздействия.
3. Спортивная тренировка может представлять более продуктивный процесс, через расстановку технических и психомоторных элементов в совокупности с индивидуальными физическими и психическими показателями спортсменов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Германов, Н.Г. Формирование оперативного мышления у юных волейболистов 13–15 лет в условиях интерактивного решения игровых задач [Текст] / Н.Г. Германов, Д.А. Черный, В.Д. Мачульская // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2017. – № 5 (147). – С. 26–30.
2. Мезенцев, В.В. Оценка показателей психомоторных способностей юных хоккеистов с мячом в годичном учебно-тренировочном цикле. // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2017. – № 2 (144).
3. Новожилова, С.В. Оценка соревновательных нагрузок у волейболистов [Текст] / С.В. Новожилова, Е.В. Игнатова, С.Н. Авдеева // Вестник Костромск. гос. ун-та. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2017. – Т. 23. – № 1. – С. 86–88.
4. Ржанов, А.А., Психомоторный-латентный период и развитие внимания, как элемента, влияющего на общие психомоторные показатели волейболиста / А.А. Ржанов, А.И. Несмеянов, Е.Н. Матросова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – 2020. – № 04. – С. 86–88 DOI 10.37882/2223-2982.2020.04.25
5. Ржанов, А.А. Методика развития психомоторных компонентов ловкости юных волейболистов / А.А. Ржанов // Научный журнал «Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева». 2020. № 3 (53). DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2020-53-3-235>
6. Ржанов, А.А. Методика развития координационной выносливости в волейболе / А.А. Ржанов, О.А. Швачун, О.А. Шишляникова, Э.Б. Бальжинимаяев, Н.В.

- Сметанина-Куршевски // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. –2020–№ 10(188) с. 304-309. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.10.p304-309
7. Шелков, М.В. Влияние гипоксической тренировки на показатели гомеостаза у конькобежцев в подготовительном периоде / М.В. Шелков, Ф.А. Щербина, М.В. Баканов // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol.7-1 Международный журнал гуманитарных и естественных наук 2019г. С. 84- 86 // DOI:10.24411/2500-1000-2019-11375

© Ржанов Алексей Александрович (volley-angarsk@ya.ru), Шишлянникова Ольга Александровна, Матросова Екатерина Николаевна, Пошвенчук Борис Леонидович.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Иркутский национальный исследовательский технический университет

ПОИСК ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ, КАК УСЛОВИЕ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ МЛАДШИХ КЛАССОВ

Тихонова Любовь Александровна

Соискатель, Дальневосточный Федеральный

Университет

lubavushka25@gmail.com

SEARCH FOR INFORMATION SOURCES AS A CONDITION OF EDUCATIONAL AND RESEARCH ACTIVITIES OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS

L. Tikhonova

Summary: The article suggests ways to form the skills of younger students to use information sources, work with the collected information, describes practical situations that contribute to the research activity of students.

Keywords: junior high school student, sources of information, work with information.

Аннотация: В статье предложены способы формирования у младших школьников умений пользоваться источниками информации, работать с собранной информацией, описаны практические ситуации, способствующие исследовательской активности учащихся.

Ключевые слова: младший школьник, источники информации, работа с информацией.

Всю жизнь мы “идём бок о бок с различными источниками информации”. Всю жизнь мы черпаем откуда-то информацию, чтобы удовлетворить свой запрос, будь то книга, инструкция, схема, эксперимент, человек (родитель, учитель, преподаватель, эскурсовод...), интернет... Но в какой книге, например, найти ответ на вопрос, что такое “карандаш”? А в какой узнать о правилах написания этого слова? Какая книга расскажет нам о происхождении слов? А какая о правилах деления в столбик? Какая книга расскажет нам о животном мире? Откуда мы можем узнать правила приёма витаминов для детей? Что поможет нам собрать леги? Как мы можем узнать точное время рассвета или заката? Как мы можем проверить варёное яйцо или сырое, не повредив скорлупы? Кто может очень подробно рассказать об экспонате на выставке? Если возникает трудность с пониманием темы пройденного урока, к кому можно и нужно обратиться? И бесконечное множество “Как...?”, “Зачем...?”, “Откуда...?”, “Почему...?”.

Вот и юные исследователи, если им нужно, например, дать определение понятию “растение”, отвечают: «не знаю»; или: «цветок, например, роза».

Умение формулировать задачи учебного исследования [4, с.62] первоначально предполагает изучение литературы по теме исследования; умение дать определение главным понятиям, изучить их сущность, виды, структуру...

Случалось так, что некоторых детей данная задача ставила в тупик, до того, как мы начинали знакомиться

со способами получения информации.

Поиск источников информации включает в себя следующие этапы:

- вспомнить всё, что известно по данной теме;
- изучить теоретический материал (энциклопедии, словари, книги, статьи в журналах...);
- посмотреть видеоматериал (художественные и документальные фильмы, телепередачи);
- обратиться к ресурсам сети Интернет;
- спросить у других людей, понаблюдать;
- провести эксперимент [5, с.16].

На наших занятиях мы предлагаем детям набор карточек с картинками, на которых изображены потенциальные источники и способы (методы) получения информации: словарь, учебник, энциклопедия, инструкция, схема, учитель, родитель, эксперимент, анкетирование, анализ и синтез и т.д.

Для знакомства с источниками информации мы предлагаем ученикам игру. Суть игры в том, что дети выбирают карточки слепым методом, а потом пробуют рассказать как можно больше о том источнике информации или способе её получения, который изображён у них на картинке, а слушатели должны угадать, про какой источник информации идёт речь. Случается так, что ученик доступно называет узнаваемые признаки источника информации и дети его называют, но случается и так, что источник информации мало знаком автору, например:

– Этот источник информации можно найти на пол-

ке в библиотеке. В нём много слов.

Дети начинают предполагать [4, с.60]:

– Книга..,словарь...

Автор, конечно, ответы не принимает, так как её источник информации – орфографический словарь.

К сожалению, или к счастью, больше ученица ничего не могла сказать о том источнике информации, который был изображён на её карточке.

Возникает проблемная ситуация [3, с.12] и в этот момент подключается учитель:

– Друзья, вы близки к ответу. Кто-то назвал “словарь”, но ответ не был принят. Почему, как вы думаете?

– Может, толковый словарь?

– Ещё ближе, но нет. Давайте вспомним! Недавно, на уроке русского языка мы изучали такой раздел науки, который отвечает за правильное написание слов. Кто помнит, как он называется?

– Орфография.

– Хорошо. Давайте подумаем, как тогда может называться словарь, который “дружит” с орфографией?

– Орфографический!

Всегда находят ученики, которые с помощьюводящих вопросов [3, с.11], дают правильный ответ.

В такой ситуации процесс обучения закодирован на успех. Во-первых, у учеников в игре появляется азарт (А.М. Лобок), который стимулирует желание найти ответ, во-вторых, он активизирует механизм мышления, в-третьих, процесс сопровождается позитивными эмоциями. Поэтому, когда ученики находят ответ сами, он усваивается у них гораздо лучше, чем, если бы учитель просто назвал источник и рассказал о нём сам.

Чаще всего в такой игре трудности возникают при описании и угадывании способов получения информации. Такие понятия, как *индукция*, *дедукция*, *аксиоматика* и др. дети действительно слышат впервые. В таких ситуациях, безусловно, необходима помощь учителя, который с помощью диалога помогает учащимся самостоятельно найти ответ, а с помощью подходящих упражнений помогает закрепить новое знание.

После знакомства с источниками информации, ученикам предлагается выбрать те, которые необходимы для их собственного учебного исследования. Случается

так, что ученики выбирают нужные источники информации. А бывает и так, что в процессе исследования этот список корректируется (какой-то источник может быть убран, какой-то добавлен...).

Например, ученик 2 класса, совместно с учителем, для проведения исследования по теме “*Лучшая обувь для детей*” определил следующие источники сбора информации: энциклопедия, общение с консультантами в магазинах детской обуви (опрос), эксперимент, интернет.

Хочется упомянуть, что к исследованию такой темы, ребёнка подвела мама. Ей хотелось, чтобы между ней и ребёнком исчезли разногласия при выборе обуви для ребёнка. Ей было важно, чтобы, в первую очередь, обувь была качественная и “полезная” для детских стоп.

В начале работы выбор источников информации происходил совместно с руководителем. Мы пользовались описанными выше этапами и выбрали энциклопедию, чтобы уточнить основные понятия, узнать об особенностях развития скелета в младшем возрасте, что необходимо соблюдать, чтобы развитие шло правильно. В интернете осуществлялся поиск информации самых популярных производителей детской обуви, лучших материалов для её производства. Общение с консультантами было организовано в виде опроса (*Какая обувь в вашем магазине пользуется большим спросом? Что или кто влияет на выбор обуви? Какую обувь предпочитают выбирать дети? А какую родители детей? Какая обувь считается самой качественной в вашем магазине? В чём её особенность? ...*). Эксперимент предполагал наблюдения за состоянием сменной обуви одноклассников. На всех этапах исследования мама ученика принимала активное участие.

В исследовательской деятельности, в совместной работе учителя и учеников была создана памятка последовательности работы с собранной информацией:

1. *Найти определение объекта исследования.*
2. *Собрать исторические сведения об объекте исследования, проследить его эволюцию во все времена.*
3. *Составить классификацию (по виду, по составу, по материалу, по жанру, по объёму...).*
4. *Изучить опыт других исследователей по исследуемому вопросу.*
5. *Получить информацию, используя выбранные методы исследовательской деятельности.*
6. *Сравнить полученную информацию с гипотезой исследования.*
7. *На основании полученных результатов сделать вывод.*

Кроме того, мы используем метод конспектирования видео или аудио материала, работаем с таблицами, само-

стоятельно определяя критерии её заполнения; учимся работать с учебником (находить информацию на развороте, в оглавлении); работаем со словарями. Еженедельно проводим урок литературы в библиотеке, по теме которого дети самостоятельно подбирают материал.

Например, на уроке окружающего мира при прохождении темы “Природные зоны России”, мы предлагали детям видео-сообщения по разным природным зонам (одно занятие - одна зона) нашего государства. Дети слушали и смотрели видеозапись, а в своих тетрадях делали краткие записи, о климатических особенностях природной зоны в разное время года, об особенностях почвы, об особенностях растительного и животного мира, используя символы, знаки, зарисовки. Конспектировать получалось не у всех, кто-то успевал больше, кто-то меньше. Этот момент компенсировался работой в группах (по 4-5 человек): учащимся предлагалось представить доклад об особенностях природной зоны, по которой был составлен конспект, предложить иллюстрации к этому содержанию. Конспекты участников группы отлично друг друга дополняли, что приводило к большей информативности в иллюстрациях и докладах. Они сравнивали свои записи, определяли нужную информацию для доклада, чтобы не возникало повторений и, чтобы ничего не упустить. Но большой эффект имел финал урока. Выбиралась (путём жребия) команда, которая начинала доклад первой, все остальные команды должны были внимательно слушать и делать анализ своих записей: отмечать то, что было сказано и то, что не прозвучало в ответе команды. Пометки все делали по-разному: знаком плюс, галочкой, подчёркиванием разным цветом, обводили в кружок и т.д. После команды подсчитывали количество отмеченной, несказанной информации. Поощрялись все команды, у которых были дополнения. Отмечалась та, у которой их было больше. Такая работа, как мы отметили, помогает детям лучше ос-

воить новый материал, дальнейшее его чтение, ответы на вопросы происходит легче и осознанней.

Конспектировать мы учим детей на отдельных занятиях. Предлагаем им набор карточек с различными изображениями. Это могут быть люди разных возрастов и профессий, животные, растения. Или эти же герои, но уже в действии. Далее предлагаем изобразить знаком или символом то, что показано на картинке. Каждый представляет свой вариант, так как видит ребенок, возникает палитра способов конспектирования. При обмене мнениями, ученики интуитивно отмечают самые оригинальные символы, знаки, зарисовки, которые применяют в дальнейшем в своих конспектах. Например, на одном из занятий ребятам было предложено попробовать законспектировать несколько предложенных предметов, среди них была машина, Игорь Ш., особенно любивший рисовать, изобразил букву “М” с пририсованными к ней колёсами. Ребятам понравился его значок, они отметили, что буква и колёса помогут лучше запомнить слово. Некоторые ребята применили в своей дальнейшей практике способ конспектирования, предложенный Игорем.

Кроме всего, на всех этапах занятия, будь то новое знание или повторение, возможно использование информационно-коммуникативных технологий - компьютер, интерактивные доски [1, с.1]. Для подрастающего поколения инновационные технологии - норма.

Для учеников, у которых возникают большие трудности при работе с информацией, есть возможность обратиться за помощью, в первую очередь, к педагогу. Единого рецепта помощи таким ребятам нет, кроме внимательного отношения. Поэтому предлагаем решать возникающие трудности по факту, в соответствии с принципом [2, с.73] *индивидуального* подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кастерина О.В., Поиск информации учениками начальных классов, 2013 [текст]. Режим доступа : <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/materialy-mo/2013/05/09/soobshchenie-po-teme-poisk-informatsii-uchenikami> (дата посещения 12.02.2019).
2. Ковалева Т. М., Кобыща Е. И., Попова (Смолик) С. Ю., Теров А. А., Чередилина М. Ю. Профессия «тьютор». М.-Тверь: «СОК-офис». – 246 с.
3. Петрова Г.Н., Просветова Л.А. Диалог как условие обучения младших школьников умению находить проблему исследования и формулировать его тему [Текст] / Г.Н. Петрова, Л.А. Просветова // Сборник статей Международной научно-практической конференции журнала «LINGVO-SCIENCE» (Варна, 10.01.2019 г.). – Варна: LINGVO-SCIENCE, 2019. – 27с. Режим доступа: http://lingvo-science.ru/wp-content/uploads/2019/02/Lingvo_journal_9.pdf (дата посещения 12.02.2019).
4. Петрова Г.Н., Просветова Л.А. Обучение младших школьников умениям формулировать цель, гипотезу и задачи в учебных исследованиях // Academic science - problems and achievements XVIII: Proceedings of the Conference/ North Charleston? 28-29.01.2019, Vol. 1 - Morrisville, NC, USA: Lulu Press, 2019, p.131.
5. Савенков А.И. Стань исследователем: Рабочая тетрадь для самостоятельной исследовательской деятельности. - Самара: Издательский дом “Фёдоров”, 2015. - 64с.: ил., 8 с. вкл.

© Тихонова Любовь Александровна (lubavushka25@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕХНОЛОГИИ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Фомина Светлана Игоревна

*К.п.н., доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
(г. Санкт-Петербург)
svig73@yandex.ru*

MIXED LEARNING TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF PROFESSIONALIZATION ART AND PEDAGOGICAL EDUCATION

S. Fomina

Summary: The aim of the study is a comprehensive analysis of pedagogical opportunities and technologies for the implementation of mixed forms of education in art and pedagogical higher education. The author considers one of the most urgent problems of modern professional education – the use of mixed technologies in the training of a specialist in the field of education in general and a teacher-artist in particular. Examples of forms of mixed type of education in the conditions of professionalization of the future teacher in the field of art education are given. Special attention will be paid to the effective forms of mixed learning used by students of the Faculty of Fine Arts of the Herzen State Pedagogical University. As a result, the author comes to the conclusion that the use of technologies of mixed type of training leads to the formation of the competence of the future specialist of both the first and second stages of professionalization.

Keywords: online training, mixed type of training, distance learning, forms of mixed type of training, technology, professionalization, professional training, student, teacher-artist.

Аннотация: **Цель исследования** – комплексный анализ педагогических возможностей и технологий реализации смешанных форм обучения в художественно-педагогическом высшем образовании. Автор рассматривает одну из самых актуальных проблем современного профессионального образования – использование смешанных технологий в подготовке специалиста в области образования в целом и педагога-художника в частности. Приводятся примеры форм смешанного типа обучения в условиях профессионализации будущего педагога в области художественного образования. Особое внимание автор уделяет эффективным формам смешанного обучения, используемым при прохождении педагогической практики студентами факультета изобразительного искусства РГПУ им. А.И. Герцена. **В результате** автор приходит к выводу, что использование технологий смешанного типа обучения приводит к формированию компетенции будущего специалиста как первой, так и второй ступеней профессионализации.

Ключевые слова: онлайн обучение, смешанный тип обучения, дистанционное обучение, формы смешанного типа обучения, технологии, профессионализация, профессиональное обучение, студент, педагог-художник.

Введение

Процессы информатизации и технологизации всех сфер деятельности человека привели к кардинальным изменениям в педагогическом мировоззрении, формирующим новые требования к профессиональной подготовке специалистов образования на всех его ступенях. Проникая во все предметные области образования, цифровая дидактика влияет на выбор форм, методов, подходов в профессиональном обучении в целом и художественно-педагогическом в частности, что обуславливает **актуальность** данного исследования. Компьютерная техника и информационные технологии стали неотъемлемой частью педагогического процесса, тем самым влияя на выбор технологий смешанного обучения при профессионализации будущих педагогов-художников.

На данный момент существует множество определенных смешанного обучения, но их всех объединяет одно – это образовательный процесс, который включает в себя непосредственное общение педагога и обучающихся с использованием технологий онлайн обучения, где в

отличие от дистанционного обучения взаимодействие происходит «здесь и сейчас». Дистанционное (электронное обучение) имеет глубокие исторические корни, чаще всего связанные с заочной формой обучения, где обучающиеся самостоятельно выбирают для себя маршрут обучения, время выполнения заданий, уровень интегративного материала, в рамках выбранного курса. С использованием интерактивных компьютерных технологий электронное обучение приобретает форму онлайн, когда идет непосредственное общение участников образовательного процесса с использованием мультимедийных устройств. Формы электронного обучения все больше проникают в традиционную систему образования. Первые шаги заключались в использовании информационно-коммуникационных технологий на занятиях в виде презентаций, видеороликов, электронных досок и т.д. Позже с выходом в сеть интернет в онлайн обучении разрабатывается множество форм и способов организации образовательного процесса, которые в дальнейшем стали активно использоваться уже в смешанном типе.

На наш взгляд необходимо развести понятия форм

организации образовательного процесса дистанционного (электронного), онлайн обучения и смешанного типа, так как при организации методического обеспечения смешанного типа обучения в контексте профессионализации современного художественно-педагогического образования наблюдается непонимание их ключевых особенностей, в этом заключена **цель** данного исследования.

Существует множество моделей организации дистанционного обучения, которое, как правило, базируется на использовании видеозаписей, учебных пособий, компьютерных коммуникаций и т.д. К таким моделям мы можем отнести:

- обучение по типу экстерната; заочное обучение на базе одного университета (ФИИ РГПУ им. А.И. Герцена 440301 Педагогическое образование Направленность (профиль) «Образование в области изобразительного и декоративно-прикладного искусства» и Направленность (профиль) «Дополнительное образование (в области дизайна и компьютерной графики)»);
- сотрудничество нескольких учебных заведений (ФИИ РГПУ им. А.И. Герцена Магистерская программа «Региональный культурно-познавательный туризм»[4]);
- обучение на специализированных образовательных платформах (Российская образовательная платформа ЮРАЙТ);
- автономные обучающие системы (центр дистанционного обучения ЕШКО) и др.

К моделям онлайн обучения условно можно отнести такие как: прямая учебная модель (передача информации от педагога к слушателю по одностороннему каналу связи), когнитивная модель (передача информации происходит в диалоге, рассуждениях, исследованиях, проектах и т.д. на основе использования ИКТ) и социальная модель (совместное обучение, межличностное взаимодействие как между преподавателем и слушателем, так и между слушателями).

К моделям смешанного обучения принято относить: модель смены рабочих зон (традиционной и онлайн форм/зон обучения в рамках одной аудитории); смена классов (зона онлайн-обучения организуется в аудиториях с ИКТ в рамках всего ОУ); индивидуальный план (учащийся посещает только те онлайн зоны, которые прописаны в его плане); гибкий план (онлайн-обучение при котором ученик сам решает, что и когда ему посещать, но при этом ему оказывается тьюторская поддержка); перевернутый класс (в режиме онлайн в домашних условиях изучаются теоретические материалы, в ОУ совместно с педагогом на базе изученных материалов проводятся практические работы); виртуальная модель (в условиях реализации данной модели очное посещение ОУ не обязательно); новый профиль (онлайн изучаются

выделенные профильные дисциплины, остальные занятия проходят офлайн, в традиционной форме) [1].

В настоящее время проводится огромное количество исследований на сравнение традиционного, дистанционного (онлайн) и смешанного обучения, однако в контексте профессионализации художественно-педагогического образования таких исследований крайне мало.

Необходимо отметить, что дистанционный тип обучения на факультете изобразительного искусства РГПУ им. А.И. Герцена используется давно, заочно-дистанционная форма уже несколько лет является традиционной для факультета, о чем подробно описано в статье С.И. Фоминой «Образовательные сетевые платформы как средство формирования информационной компетентности студента в системе высшего художественного образования», но, в связи с осложнившейся эпидемиологической обстановкой в стране, факультет изобразительного искусства, как и весь педагогический университет, перешел на смешанный тип обучения.

Современные реалии стали таковы, что без использования дистанционных форм и форм смешанного типа обучения в педагогическом процессе нельзя говорить о сформированности профессиональных компетенций будущих специалистов в целом и педагогов-художников в частности. Как подчеркивает Цвык В.А., ядром профессионализации является приобретение знаний, умений и навыков, для успешного осуществления профессиональной деятельности, формирование социально-профессиональных качеств, глубоких убеждений, мировоззренческих позиций и т.д. [5, с.263]. Не входя в противоречие с этим определением, на ФИИ РГПУ им. А.И. Герцена студентам даются знания и формируются умения не только художественно-педагогической направленности, но и активно погружают их в профессиональную педагогическую деятельность. Примером может служить как традиционная педагогическая практика, заложенная в учебные планы университета, так и внеучебная проектная деятельность студентов, реализуемая ими по социальному заказу общества или масштабным проектам всего университета и самого факультета. Одним из таких проектов является «Продленка на удаленке» РГПУ им. А.И. Герцена [2], где студенты ФИИ принимали активное участие в проведении дополнительных вебинаров по изобразительному искусству для Санкт-петербургских школьников, перешедших на дистанционное обучение в связи с пандемией. Участие студентов в такого рода проектах полностью соответствует новой парадигме профессионального образования, когда активная жизненная и профессиональная позиция, потребность в саморазвитии и креативность становятся основной целью развития современного человека. Профессиональное образование всегда стремилось создать условия для овладения профессиональной деятельностью будущего специалиста, социально-активного члена

общества, несущего ответственность за результаты своего труда. Социальный заказ общества профессиональному педагогическому образованию сейчас заключен в том, что бы готовить специалистов, умеющих работать как в традиционных формах организации учебного процесса (офлайн) так и использующих передовые формы (онлайн, смешанный тип обучения). Гармонизация этих двух форм организации учебного процесса в своей профессиональной деятельности является успешным фактом профессионализации будущего специалиста.

Профессиональная традиционная подготовка педагога-художника сформировалась на факультете изобразительного искусства РГПУ им. А.И. Герцена уже более 60 лет назад, однако с информатизацией общества ФИИ стал активно использовать ИКТ в подготовке будущих специалистов в области художественного образования [4]. В связи с социальным заказом современного глобально открытого общества, с увеличением количества студентов из КНР и в условиях сложной эпидемиологической обстановки, первичная профессионализация будущих педагогов-художников на факультете ведется, наряду с традиционной формой, с помощью дистанционных (онлайн) форм обучения – это курсы на платформе Moodle, электронная передача заданий, дистанционный контроль знаний и умений, чтение лекций через облачную платформу Zoom и многое другое. Вторичная профессионализация, представляющая собой становление и развитие профессионализма личности в ходе трудовой деятельности [5], наряду с выше указанными формами, формируется и при использовании технологий смешанного типа обучения (организация вебинаров, онлайн мастер-классов, проектирование, создание и реализация видеофрагментов занятий по ИЗО и т.д.).

Практическая значимость исследования заключается в том, что выявленные эффективные формы организации смешанного типа обучения, влияющими на профессионализацию будущего специалиста в области художественного образования явились:

- вебинары (интерактивная коммуникация спикера и слушателей). Студентами проводятся вебинары в рамках вузовского проекта «Продленка на удаленке» в рубрике «Будет интересно! Дополнительные вебинары». Несмотря на популярность данной формы и возможность пересмотреть видеозапись в дальнейшем, для занятий по изобразительному искусству выделен такой недостаток как слабая интерактивность обратной связи, невозможность видеть «здесь и сейчас» творческие работы учащихся и необходимость иметь не менее двух спикеров, один из которых объясняет материал, другой следит за чатом;
- видеоконференции (интерактивная коммуникация спикера и слушателей). Студентами проводятся внеурочные занятия на платформе ZOOM в рамках педагогической практики с учащимися,

- перешедшими на дистанционную форму обучения. В отличие от вебинара, видеоконференции дают интерактивную обратную связь с учениками «здесь и сейчас», возможность ученикам показать свою творческую работу и решить возникающие затруднения в режиме онлайн через видеосвязь;
- видеолекции/видеоуроки (процесс передачи информации с помощью мультимедийных технологий). Данную форму дистанционного обучения студенты реализуют как на педагогической практике (наглядность к урокам, короткий обучающий ролик), так и на практических занятиях, проводя семинары;
- чат/беседы в социальных сетях (обмен сообщениями с помощью информационно-коммуникационных технологий, в чате - это в режиме реального времени). Организуется студентами: при подготовке к педагогической практике; как сопровождение образовательных маршрутов при дистанционном обучении; в качестве сопроводительные формы организации вебинаров, уроков ИЗО, внеурочных занятий по художественной и досуговой деятельности. Одним из достоинств данной формы смешанного типа обучения является возможность обсуждать тему и материалы занятий без педагога, видна активность и динамика каждого участника занятия;
- скринкаст (видеозапись действий, презентация, набор изображений и т.д., сопровождающихся голосовыми комментариями). Реализуется студентами при необходимости визуализации своих действий, например, на этапе урока «педагогический рисунок» или объяснение инструкций по выполнению того или иного творческого задания. Скринкаст может быть использован на вебинаре и видеоконференции.
- чек-лист (перечень пошаговых последовательных действий). Используется студентами для качественной разработки учебного контента при подготовке к педагогической практике, в дальнейшем используется как раздаточный дидактический материал при дистанционной форме обучения. Предполагается, что обучающийся будет иметь «под рукой» материалы того, что и как он должен выполнить за занятие.
- лонгриды (качественный контент в виде текст, разбитый на части с помощью мультимедийных элементов). Чаще всего данную форму смешанного типа обучения используют педагоги для формирования профессиональных умений будущего педагога-художника при работе с большим текстом на практических занятиях профильных дисциплин, однако, некоторые студенты разрабатывают лонгриды для учащихся старших классов по дисциплине «Мировая художественная культура» и для ДХШ по курсу «История искусства».

Необходимо помнить, что для успешной реализации технологий смешанного типа обучения в условиях вузовской подготовки педагогов-художников, надлежит учесть все требования, предъявляемые к цифровому образовательному контенту, условно разделяемые на несколько основных групп:

- дидактические (научность, доступность, наглядность, системность, дискретность);
- специфические (интерактивность, мультимедийность, открытость, адаптивность, соответствие ФГОС);
- технические (корректное отображение на всех цифровых устройствах, воспроизведение офлайн и онлайн, результаты доступны для обработки);
- эргономические (дружественный интерфейс, соответствие гигиеническим требованиям и санитарным нормам) [1].

Заключение

Таким образом, можно сделать **вывод**, что реализация форм и методов смешанного типа обучения позволяет сформировать профессиональные компетенции будущих педагогов-художников как первой, так и второй ступеней профессионализации. Студенты становятся полноправными организаторами своего образовательного маршрута, тем самым овладевая профессиональной деятельностью непосредственно во время своего обучения, т.е. превращаются в профессионала на психологическом, социальном, мировоззренческом уровне, формируя профессиональное мастерство через творческий подход интегрирования форм традиционного и смешанного типа обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нугуманова Л.Н., Шайхутдинова Г.А., Яковенко Т.В. Технология смешанного обучения: модели, содержание, рекомендации. // Современный ученый. 2019. № 4. С. 191-198.
2. Продленка с Герценовским университетом «Продленка на удаленке» (официальный сайт) <https://help.herzen.spb.ru/onlinemeet/> (Дата обращения 24.11.2020)
3. Региональный культурно-познавательный туризм [Текст]: учебно-методический комплекс по сетевой образовательной программе подготовки магистров / М-во образования и науки РФ; под ред. В.А. Рабоша, Э.В. Махровой, О.С. Сапанжа. - Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. - 163 с.
4. Фомина С.И. Образовательные сетевые платформы как средство формирования информационной компетентности студента в системе высшего художественного образования / Педагогический журнал. Т. 10. № 1А.- Изд. АНАЛИТИКА РОДИС - Москва, 2020. С. 616-622
5. Цвык В.А. Профессионализация как социальный процесс // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2003 N 4-5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalizatsiya-kak-sotsialnyu-protsess> (Дата обращения: 10.12.2020)

© Фомина Светлана Игоревна (svig73@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

ВНУТРИШКОЛЬНОЕ ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ: РАЗВИВАЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ПЕДАГОГА

INTRA-SCHOOL ADVANCED TRAINING: DEVELOPING OPPORTUNITIES FOR THE DEVELOPMENT

**O. Frolova
L. Ivanova**

Summary: The possibilities of the traditional system of advanced training of teachers are analyzed in the article; The problems, specifics and advantages of intra-school advanced training are disclosed; the relevance of continuous self-improvement of the teacher is noted; perspective directions of optimization of the process of advanced training of teachers on the basis of the school have been defined.

Keywords: advanced training of the teacher, types of advanced training, intra-school system of advanced training.

Фролова Олеся Сергеевна

К.п.н., учитель иностранного языка, СОШ № 54 г. Воронеж

Olesya.frolova.1984@inbox.ru

Иванова Людмила Викторовна

учитель иностранного языка, МКОУ Алейниковская основная общеобразовательная школа Россошанского муниципального района Воронежской области

Аннотация: В статье анализируются возможности традиционной системы повышения квалификации педагогов; раскрываются проблемы, специфика и преимущества внутришкольного повышения квалификации; отмечена актуальность непрерывного самосовершенствования педагога; определены перспективные направления оптимизации процесса повышения квалификации педагогов на базе школы.

Ключевые слова: повышение квалификации педагога, виды повышения квалификации, внутришкольная система повышения квалификации.

Реализация стратегии модернизации российского образования диктует необходимость в продуктивно действующем педагоге – способном компетентно реагировать на постоянно усложняющиеся условия педагогической деятельности и действительности; обеспечивать успешную организацию образовательного процесса в контексте новой парадигмы и инновационных направлений развития образования; обладать прочно сформированными потребностями, установками в постоянном профессиональном и личностном самосовершенствовании.

Согласно федеральным государственным образовательным стандартам (ФГОС), главной целью профессиональной деятельности педагога является «... создание условий для формирования и развития каждого обучающегося как нравственной, компетентной личности средствами образовательной деятельности» [11, с. 7], следовательно возможность ее достижения в значительной степени обусловлена способностью педагога к реализации основных профессионально-педагогических функций - диагностической, ориентационно-прогностической, конструктивно-проектировочной, организаторской, информационно-объяснительной, коммуникативно-стимулирующей, аналитико-оценочной, исследовательско-творческой функций (В.А. Сластенин, В.А. Мижериков и др.).

В свою очередь, для этого от педагога потребуется целенаправленное и своевременное обновление и совершенствование имеющихся, но «устаревающих» зна-

ний, умений, компетенций; систематическое формирование положительных профессионально-личностных качеств, т.е. самосовершенствование – сознательное «... управление развитием личности, своих качеств и способностей» [8, с. 83].

Работая длительное время в рамках устойчивой консервативной профессионально-образовательной среды в школе, с одной стороны, многие педагоги оказались сегодня не подготовлены «... к активному, самостоятельному от стереотипов и предвзятости подходу в выдвижении и воплощении нестандартных педагогических идей» [7, с. 29], т.е. к реализации инновационной компетенции. С другой стороны, по-прежнему не дооцененными остаются роль и место компетенции самосовершенствования педагога.

Главная ценность современного педагога и педагога будущего, на наш взгляд, состоит «... не только в его делах и поступках, но и в его умении постоянно работать над собой, самосовершенствоваться, все более глубоко познавать свои возможности и максимально использовать их в своей жизни и деятельности» [8, с. 3]. В свою очередь целенаправленное самосовершенствование может стать «... инструментарием открытия своего неисчерпаемого личностного и творческого потенциала, выявления тех сфер жизнедеятельности, где этот потенциал может быть использован в полной мере» [там же].

Поэтому эффективно содействовать такому продуктивному самосовершенствованию педагога призвана

система повышения квалификации, как «...целостная образовательная организация, построенная на принципах акмеологического и андрагогического подходов с учетом факторов развития и саморазвития, педагога, средствами самообразования, самоорганизации, самокоррекции ...» [6, с. 88].

В связи с этим приоритетная задача усиления кадрового педагогического потенциала и необходимость определения теоретико-методологических основ сопровождения самосовершенствования педагога в условиях внутришкольного повышения квалификации.

Различные актуальные направления подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагога активно исследуются в работах отечественных ученых Н. М. Борытко, С.В. Власенко, В.И. Загвязинского, В.В. Краевского, Э.М. Никитина, Л.Н. Панова и др. Проблемы повышения квалификации педагога, вопросы ее организации становятся предметом исследования также и зарубежных ученых - Н.В. Мукана, Б. Джойса, А. Коула, Б. Шоверса и др.

В нашей работе «Формирование инновационной компетенции педагога в процессе внутришкольного повышения квалификации» (2018) на основе анализа существующих точек зрения отечественных и зарубежных ученых представляем и трактуем его как авторское понимание сущности внутришкольного повышения квалификации «... целенаправленную деятельность педагогов по овладению новыми для них педагогическими ценностями, смыслами, знаниями, умениями, инновационными технологиями, обеспечивающими более продуктивное осуществление образовательного процесса на инновационном уровне» [13, с. 40].

Мы считаем, что инновационный уровень характеризует: способность педагога к восприятию, созданию, применению инноваций; готовность к прогнозированию и предвосхищению возможностей и перспектив внедрения инновационных технологий; способность к продуктивному управлению инновационным процессом, применяя методологические и научные знания о сущности инноваций и инновационной деятельности педагога. В свою очередь, это дает возможность и стимулирует у каждого педагога «... возникновение множества новых возможностей для творческого самоутверждения и самовыражения, субъективно-оригинальных способов самоосуществления в учебно-профессиональной деятельности, во взаимодействии с окружающими» [1, с. 6].

Однако, изучение особенностей имеющихся в системе дополнительного профессионально-педагогического образования видов повышения квалификации педагога (неформальное, информальное и формальное; организованное прямое и косвенное; внешкольные и внутришкольные или внутриучрежденческие виды повышения

квалификации [3, 4, 5]) позволяет констатировать, что «... вопросы всех видов повышения квалификации педагогов изучены недостаточно: зачастую в них отсутствует четкое определение понятия «повышение квалификации» или оно трактуется по-разному; нарушена логическая взаимосвязь целей, задач, направлений, методов, средств и форм обучения педагогов, как с их потребностями, так и с потребностями конкретной школы; имеет место недостаточно четкий менеджмент процесса повышения квалификации работников образования; институты повышения квалификации и внутришкольное повышение квалификации не всегда выступают партнерами в реализации общепринятой в государстве образовательной политики» [13, с. 42].

Поскольку система повышения квалификации работников образования как понятие все еще недостаточно изучено, мы обратились к поиску и выявлению ее новых смысло-содержательных характеристик, ее развивающих возможностей и ограничений. Проведен был всесторонний анализ актуальных диссертационных работ (М.Н. Докучаева, В.В. Журавлева, И.К. Кобзенко, Е.В. Ракульцева, Л.Н. Панова, Л.Р. Шафигулина и др), который показал, что «...необходимость утверждения внутришкольного повышения квалификации в качестве важного направления системы повышения квалификации педагогов, подтверждается его возможностями: учитывать особенности, удовлетворять инновационные и образовательные потребности контингента педагогов и учащихся; создавать оптимальные условия, поддерживать и развивать новые традиции школы; учитывать и повышать уровень профессионально-педагогической компетентности отдельных членов педагогического коллектива; обеспечивать систематичность и последовательность в организации процесса повышения квалификации» [13, с. 54].

Также обобщение собственного опыта педагогической деятельности позволяет нам утверждать, что удовлетворение профессионально-образовательных потребностей современного педагога может быть успешно организовано именно в условиях внутришкольного повышения квалификации. Опрос, анкетирование, беседы с педагогами показали, что большинство из них рассматривают внутришкольное повышение квалификации не только как процесс, ориентированный на овладение новыми знаниями, умениями, навыками, на развитие профессиональной компетентности, но и как процесс, содействующий продуктивному самовыражению и самоосуществлению в избранной профессии.

Подтверждение продуктивности процесса внутришкольного повышения квалификации педагога, мы обнаруживаем во многих педагогических исследованиях, где ученые логично и аргументированно раскрывают особенности, оптимизирующие данный процесс: его

методическое обеспечение; содержательное, технологическое сопровождение процесса обучения педагога, организация мониторинга обучения.

Согласно, Н.М. Борытко не курсовое повышение квалификации, в силу эпизодичности и оторванности от непосредственной работы, а внутришкольная методическая учеба педагогов, может в значительной мере удовлетворить потребности профессионального саморазвития педагога [4].

В частности Э.М. Никитину, исследовавшему теорию и практику многих зарубежных стран по организации и содержанию повышения квалификации педагога, к общим тенденциям развития просвещения сегодня необходимо отнести повышение квалификации преподавателей на базе школы [9].

Мы разделяем точку зрения Л.Н. Пановой, которая считает, что именно школа может и должна сегодня выступать ведущим учебно-методическим центром непрерывного, инновационного профессионального образования педагогов. Становление внутришкольной системы повышения квалификации и ее развитие как приоритетного направления в обучении педагогических кадров, не исключает их подготовку через областной институт повышения квалификации, методические городские центры, тем самым органично дополняя их [10].

В качестве приоритетной задачи внутришкольного повышения квалификации педагога следует рассматривать продуктивное решение проблем организационного, методического, дидактического, содержательно-технологического, психологического обеспечения данного процесса на инновационном уровне.

Педагог в этом процессе призван занимать позицию активного субъекта самовоздействия с целью самосовершенствования, самопреобразования: стремиться к творческому утверждению в «... деятельности своих индивидуальных способностей, в практическом раскрытии своего потенциала ...» [2, с. 62].

Речь идет о саморазвивающемся педагоге, которому присущи «... целесообразная внутренняя активность и осознанная направленность на разворачивание, совершенствование и формирование свойств, сторон, качеств и т.п. ...» [14, с. 101], которых ранее не было.

Саморазвитие педагога закономерно приводит к самореализации: «... саморазвитие происходит и осознается личностью как процесс самосовершенствования, а его результатом является самореализация человека не только как профессионала, но и как индивидуальности во всей ее многогранности» [цит. по 14, с. 104]. Самореализацию мы рассматриваем как воплощение педагогом

собственного духовно-нравственного, интеллектуального, творческого, коммуникативного, эмоционального, энергетического и др. потенциалов в профессии и жизнедеятельности в целом.

Педагог посредством собственных усилий, содейственности, сотворчества с коллегами осуществляет возможности развития, обогащения Я-профессионального. Способствовать этому будут бесспорные психолого-педагогические достоинства внутришкольного повышения квалификации: «... создание психологически комфортной поддерживающей обстановки обучения; обучение в единых профессионально-ценностных ориентирах педагогов школы; возможность учета профессиональных и индивидуальных особенностей личности и деятельности каждого педагога; возможность организации индивидуальной работы с отдельными педагогами; непрерывный мониторинг динамики профессионально-личностных достижений каждого педагога; преемственность, последовательность и непрерывность повышения квалификации всех педагогов; создание и использование возможностей инновационной профессионально-образовательной среды школы» [13, с. 58].

Это позволяет удовлетворять потребности образовательных учреждений в педагогах, ориентированных не только на глубокое усвоение предметной, специальной компетенции, но и владеющих знаниями, стратегиями, способами, приемами непрерывного самосовершенствования и профессионально-личностного развития. А также позволяет решить проблему более продуктивной реализации значительного развивающего потенциала компетентностного подхода в системе внутришкольного повышения квалификации педагога, включая ее формальные, информальные виды.

Ученые активно расширяют границы возможностей внутришкольного повышения квалификации и «... делают акцент на ее важных преимуществах: на возможности гибкого реагирования на меняющуюся ситуацию в образовании; на целенаправленное, предметно-содержательное решение первостепенных задач школы и затруднений конкретных педагогов; возможности осуществления не только предметной подготовки, но и межпредметной и внепредметной; возможности организации командной работы педагогов школы» [13, с. 58].

Очень важно отметить, что внутришкольное повышение квалификации, согласно ученым и практикам, обладает мощным операционально-деятельностным потенциалом реализации не только традиционных, но и инновационных форм (тематические педсоветы, научно-практические семинары, научные педагогические конференции, установленные методические дни, современные информационно-коммуникационные и инновационные технологии, тренинговые, игровые технологии

обучения и др.) и методов (проблемный, контекстный, проектный, кейс-метод, самоанализ, консультирование, презентация и др.) профессионально-личностного развития педагогов.

К перспективным направлениям усовершенствования системы повышения квалификации педагога на базе школы мы относим: построение ее научно-

обоснованной концепции; системную организацию взаимодействия и сотрудничества внешкольной и внутришкольной форм повышения квалификации; реализацию научно-практических основ компетентностного подхода; государственную и административную поддержку профессионально-личностного развития педагога в системе внутришкольного повышения квалификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдалина Л.В. Некоторые аспекты исследования инновационной направленности личности / Л.В. Абдалина. Вестник Воронежского государственного технического университета. 2014, Том 10, № 3.2. С. 4-7.
2. Абдалина Л.В. Психологическая компетентность как фактор профилактики профессиональных деформаций руководителя / Л.В. Абдалина. Известия ВГПУ, 2016. № 1 (270). С. 62-64.
3. Ахлеева Н.П. Курсы повышения квалификации как форма методического сопровождения педагога в межаттестационный период / Н.П. Ахлеева // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. – 2016. – № 2. – С. 915–921.
4. Борытко Н.М. Теория и практика становления профессиональной позиции педагога-воспитателя в системе непрерывного образования: дис. ... д-ра пед. наук / Н.М. Борытко. – Волгоград, 2001. – 275 с.
5. Власенко С.В. Инновационные формы обучения в современной системе повышения квалификации педагогов / С.В. Власенко // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2014. – № 1. – С. 5–12.
6. Гелястанова Э.Х. Профессиональное самосовершенствование педагога высшего образования в системе повышения квалификации. Успехи современной науки и образования. 2017, № 11-12. С. 87-89.
7. Entrepreneurial spirit of a modern university professor: empirical data Abdalina L., Koval N., Vyunova N., Gosteva S., Khutornaya M. Espacios. 2017. Т. 38. № 48. С. 29.
8. Маралов В.Г. Основы самопознания и саморазвития: учеб. пособие для студ. сред. учеб. заведений / В.Г. Маралов. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 256 с.
9. Никитин Э.М. Федеральная система повышения квалификации работников образования: учебное пособие / Э.М. Никитин. – Москва: РИПКРО, 1995. – 194 с.
10. Панова Л.Н. Внутришкольная система повышения квалификации учителей как фактор развития мыслительной деятельности учащихся: дис. ... канд. пед. наук / Л.Н. Панова. – Магнитогорск, 1999. – 173 с.
11. Ривкин Е.Ю. Профессиональная деятельность учителя в период перехода на ФГОС основного общего образования. Теория и технологии / Е.Ю. Ривкин. – Волгоград: Учитель, 2015. – 183 с.
12. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВПО). – URL: http://rc.edu.ru/s8_260307.htm (дата обращения: 24.10.2017)
13. Фролова О.С. Формирование инновационной компетенции педагога в процессе внутришкольного повышения квалификации: дис. ... канд. пед. наук / О.С. Фролова. – Воронеж, 2017. – 216 с.
14. Что такое акмеология. Вопросы и ответы; Учебное пособие / под ред. Л.В. Абдалиной. – Воронеж: ЦНТИ, 2010. – 163 с.

© Фролова Олеся Сергеевна (Olesya.frolova.1984@inbox.ru), Иванова Людмила Викторовна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОЦЕНКА СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ПОДГОТОВКЕ СПОРТСМЕНОВ-ФИГУРИСТОВ НА ОСНОВЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОДХОДА

Шибнев Антон Владимирович

Аспирант, Московский государственный
педагогический университет
Antonshibnev@yandex.ru

ASSESSMENT OF MODERN APPROACHES TO THE TRAINING OF FIGURE SKATERS ON THE BASIS OF AN INDIVIDUAL APPROACH

A. Shibnev

Summary: The article is devoted to the experimental substantiation of the effectiveness of an individual approach in the training of figure skaters. It is shown that the implementation of an individual approach in the training process allows you to take into account the individual psychological qualities of athletes and increase the effectiveness of the training and competitive processes. The results of the study of the dynamics of sports-important qualities of figure skaters during the implementation of the program of individual psychological support are presented. The program used variable personality-oriented techniques and methods for developing achievement motivation, leadership and strong-willed qualities of athletes; technology of cooperation in the «coach – athlete – activity» system; monitoring the effectiveness of training and competitive activities of figure skaters. The results of the study showed a positive dynamics of the development of sports-important qualities in the experimental group of skaters after the implementation of the program.

Keywords: figure skaters, individual approach, personality-oriented approach, sports-important qualities, individual support program.

Аннотация: Статья посвящена экспериментальному обоснованию эффективности индивидуального подхода в процессе подготовки спортсменов-фигуристов. Показано, что реализация индивидуального подхода в учебно-тренировочном процессе позволяет учитывать индивидуально-психологические качества спортсменов и повысить результативность учебно-тренировочного и соревновательного процессов. Представлены результаты исследования динамики спортивно-важных качеств спортсменов-фигуристов в ходе реализации программы индивидуального психологического сопровождения. В программе были использованы вариативные личностно-ориентированные приемы и методы развития мотивации достижения, лидерских и волевых качеств спортсменов; технология сотрудничества в системе «тренер – спортсмен – деятельность»; мониторинг результативности учебно-тренировочной и соревновательной деятельности спортсменов-фигуристов. Результаты исследования показали положительную динамику развития спортивно-важных качеств в экспериментальной группе фигуристов после реализации программы.

Ключевые слова: спортсмены-фигуристы, индивидуальный подход, личностно-ориентированный подход, спортивно-важные качества, программа индивидуального сопровождения.

На современном этапе развития теории и практики спортивной подготовки спортсменов-фигуристов актуальным становится организация учебно-тренировочного процесса на основе индивидуального подхода. Индивидуальный подход представляет собой комплексную работу, включающую технико-тактическую, физическую, психологическую подготовку на основе избирательной направленности развития физических и волевых качеств спортсменов, управление величиной нагрузок с использованием средств контроля за состоянием спортсменов-фигуристов.

В достижении высоких спортивных результатов в учебно-тренировочной и соревновательной деятельности большую роль играют спортивно-важные качества спортсменов-фигуристов, в основе которых лежит мотивация достижения в спортивной деятельности, связанная с личностными и волевыми качествами личности спортсмена [1; 4]. Реализация индивидуального подхода

позволяет учитывать индивидуально-психологические качества спортсменов и повысить результативность учебно-тренировочного и соревновательного процессов.

С целью оценки эффективности организации учебно-тренировочного процесса на основе индивидуального подхода было проведено исследование динамики спортивно-важных качеств спортсменов-фигуристов в ходе реализации программы индивидуального психологического сопровождения учебно-тренировочного процесса. В качестве методов исследования применялись методика исследования волевой организации личности, которая включает следующие шкалы: ценностно-смысловая организация личности (Ц), организация деятельности (О), решительность (Р), настойчивость (Н), самообладание (С), самостоятельность (См), общий показатель, характеризующий волевою организацию личности (В).

В ходе исследования были сформированы 2 группы

спортсменов-фигуристов, всего 30 человек. Экспериментальную группу (ЭГ) составили спортсмены-фигуристы в количестве 15 человек, которые были включены в программу индивидуального психологического сопровождения учебно-тренировочного процесса. В данной программе были реализованы следующие условия: использование вариативных личностно-ориентированных приемов и методов развития целеполагания, мотивации достижения, лидерских и волевых качеств спортсменов в учебно-тренировочном процессе; реализация технологии сотрудничества и продуктивного взаимодействия в системе «тренер – спортсмен – деятельность»; внедрение мониторинга результативности учебно-тренировочной и соревновательной деятельности и волевых качеств спортсменов-фигуристов. Контрольную группу (КГ) составили спортсмены-фигуристы в количестве 15 человек, которые не были включены в данную программу.

В основу программы индивидуального психологического сопровождения учебно-тренировочного процесса были положены идеи, принципы, методы и технологии личностно-ориентированного обучения в организации учебно-тренировочного процесса, который позволяет реализовывать индивидуальный подход к каждому спортсмену. Индивидуальный подход включает ряд идей и принципов. Во-первых, необходимым является воплощение идеи единого мотивационно-ценностного пространства спортивной деятельности – сообщества спортсменов и тренера, объединенных общими ценностями и целями саморазвития в учебно-тренировочной и соревновательной деятельности. Мотивационно-ценностное пространство спортивной деятельности объединяет несколько разнородных сред:

- учебно-тренировочную среду, в которой происходит непосредственное обучение фигуристов;
- соревновательную среду, в которой, с одной стороны, проявляются результаты учебно-тренировочного процесса, с другой – осуществляется соревновательный процесс;
- социальную среду, в которой результаты спортивной деятельности проявляются в формировании новых ценностей, мотивов и направлений развития личности спортсмена-фигуриста.

Организация ценностно-мотивационного пространства возможна при условии учета индивидуально-психологических качеств фигуриста как личности, обладающей своей неповторимостью, способностей, интересов и мотивов [4].

Во-вторых, продуктивным является идея личностно-ориентированного подхода. Личностно-ориентированный подход меняет парадигму системы обучения спортсменов-фигуристов, в которой спортсмен становится личностью, «сознательно выбирающий индивидуальную образовательную траекторию в соответствии со своими

интересами и способностями» [2, с. 269]. Индивидуальность спортсмена-фигуриста, помимо особенностей функционального развития, физической, технико-тактической, интеллектуальной, волевой подготовленности, также проявляется в том, что он имеет: жизненный опыт практической деятельности, ее оценки и самооценки, наполненный позитивными и негативными переживаниями; личную программу развития; эмоциональную картину внутреннего и внешнего мира; личные интересы, которые выражаются в системе приоритетов определенных видов деятельности; иерархию потребностей, мотивов, ценностей, установок и убеждений. Учебно-тренировочный процесс с позиций личностно-ориентированного подхода предполагает:

- целостный взгляд на спортсмена как на личность, для которой спортивная деятельность – это средство решения возникающих жизненных задач, внутренних проблем;
- ориентацию на потребности, личный опыт и уровень актуального развития личности спортсмена и построение учебно-тренировочного процесса в зоне его ближайшего развития;
- субъект-субъектный тип взаимодействия между тренером и спортсменом, имеющим собственные мотивы, цели деятельности и способности для ее осуществления;
- базовой становится продуктивная, творческая деятельность, а репродуктивная, направленная на отработку системы отдельных умений и навыков, выступает в роли вспомогательной по отношению к базовой;
- учебно-тренировочный процесс представляет собой некоторый цикл: от проблемной ситуации к деятельности спортсмена по анализу ситуации и постановке проблемы, а далее к рефлексии способа решения и самоизменений, многократное прохождение которого обеспечивает развитие способностей, рост его самостоятельности и субъективности.

Индивидуальный подход меняет и характер взаимодействия тренер – спортсмен, в котором осуществляется переход от доминанты воспитательного воздействия к доминанте воспитательного взаимодействия. Это означает активное двустороннее движение к общей цели на основе «субъект – субъектного» равенства тренера и его воспитанника. Важнейшей характеристикой субъект – субъектного взаимодействия является диалог. Диалог субъектов учебно-тренировочного процесса рождает их сотрудничество. Реализация принципа сотрудничества предусматривает изменение характера участия тренера в совместной деятельности со спортсменами в зависимости от уровня их развития, которое происходит на основе:

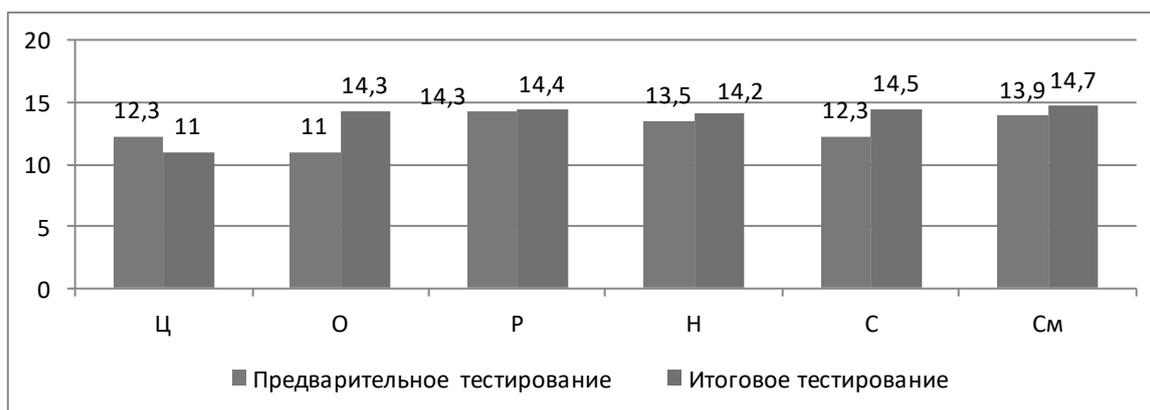
- получения адекватного представления тренера о спортсменах и спортсменов о тренере с помощью

психологического и социально-психологического тестирования, что ведёт к достижению взаимопонимания, осознанию единства целей;

- установления личностных, эмоционально-положительных отношений в системе «тренер – спортсмен» и «спортсмен – спортсмен»;
- предоставления самостоятельности спортсменам в постановке и решении целей и задач при равноправном участии тренера;
- выработки форм индивидуальной и коллективной ответственности;
- разработки технологий реализации совместно принятых решений и форм взаимной помощи в разнообразной значимой для спортсменов деятельности;
- развития воспитательных ситуаций в направлении актуализации и удовлетворения всё более глубинных и сущностных потребностей и мотивов спортсменов-фигуристов [3].

В программе индивидуального психологического сопровождения спортсменов-фигуристов психологическими механизмами реализации индивидуального подхода выступали рефлексия ограничений в спортивной деятельности; актуализация целей и ценностей спортивной деятельности; развитие навыков целеполагания в учебно-тренировочном и соревновательном процессах.

В ходе предварительной диагностики до реализации программы индивидуального психологического сопровождения спортсменов-фигуристов, был определен начальный уровень спортивно-важных качеств фигуристов ЭГ и КГ. Оценка эквивалентности экспериментальной и контрольной групп спортсменов подтверждена данными статистического анализа с помощью W- критерия Вилкоксона, в ходе которого статистически значимых различий между показателями спортивно-важных качеств в исследуемых группах спортсменов не обнаружено. После реализации программы индивидуального психологического сопровождения спортсме-

Показатели : Ц - ценностно-смысловая организация личности, О - организация деятельности, Р - решительность, Н - настойчивость, С- самообладание, См – самостоятельность.

Рис. 1. Динамика спортивно-важных качеств личности спортсменов-фигуристов ЭГ

Показатели: Ц - ценностно-смысловая организация личности, О - организация деятельности, Р - решительность, Н - настойчивость, С- самообладание, См – самостоятельность.

Рис. 2. Динамика спортивно-важных качеств личности спортсменов-фигуристов КГ

нов-фигуристов был определен итоговый уровень спортивно-важных качеств спортсменов-фигуристов ЭГ и КГ.

Динамика спортивно-важных качеств спортсменов-фигуристов ЭГ представлена на рисунке 1.

В ходе реализации программы индивидуального психологического сопровождения в экспериментальной группе спортсменов выявлена статистически значимая положительная динамика качеств, связанных с организацией деятельности ($W = 110,5$) и самообладанием ($W = 80,5$).

В контрольной группе теннисистов, напротив, в ходе предварительного и итогового тестирования выявлено статистически значимое снижение по показателям цен-

ностно-смысловой организации личности ($W = 0$), настойчивости ($W = 24,5$), самообладания ($W = 0$), что обусловлено влиянием тренировочного процесса (Рис. 2).

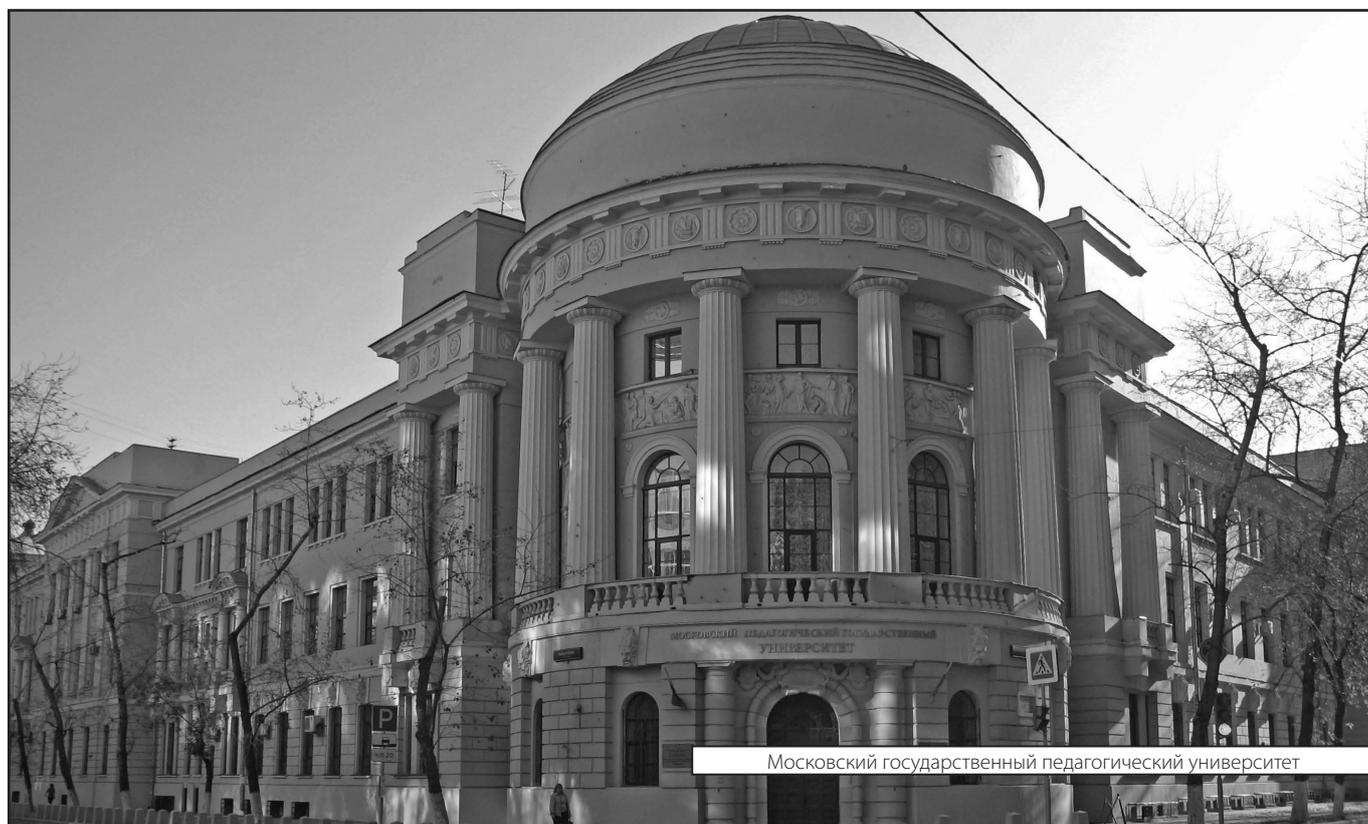
Таким образом, при сопоставлении результатов предварительного и итогового тестирования достоверная положительная динамика в развитии спортивно-важных качеств личности, а именно организации спортивной деятельности и самообладания выявлена только в экспериментальной группе фигуристов. Полученные результаты подтвердили результативность программы индивидуального психологического сопровождения спортсменов-фигуристов на основе реализации индивидуального подхода в учебно-тренировочной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко И.И. Мотивация достижения у подростков-спортсменов и ее развитие в процессе проведения коррекционно-тренировочных занятий: дис. ... канд. психологических наук. - Иркутск, 2006. - 161 с.
2. Гершунский Б.С. Философия образования. - М.: Флинта, 1998. - 432 с.
3. Киселёва Е.В. Формирование субъект-субъектных отношений в воспитании спортсменов // Теория и практика физической культуры. - № 9. - 2004. - С.59-63.
4. Кузьмин Е.Б. Формирование спортивной мотивации как психолого-педагогическая проблема / Е.Б. Кузьмин, Ю.П. Денисенко, Г.Л. Драндров // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. - 2010. - № 1. - С. 57-61.

© Шибнев Антон Владимирович (Antonshibnev@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТАКСИС В КОНТЕКСТЕ ВНУТРИКАТЕГОРИАЛЬНОГО СИНКРЕТИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ)

Архипова Ирина Викторовна

*К. филол. н., профессор, Новосибирский государственный педагогический университет
irarch@yandex.ru*

TAXIS IN THE CONTEXT OF THE INTRA-CATEGORICAL SYNCRETISM (BASED ON THE MATERIAL OF DIFFERENT STRUCTURAL LANGUAGES)

I. Arkhipova

Summary: This article deals with the issue of actualization the taxis semantics of simultaneity and non-simultaneity in the context of intra-categorical syncretism in different structural languages (German, English, Dutch, Russian and Polish). Intra-categorical syncretism in the sphere of taxis values of simultaneity/non-simultaneity is determined by the heterogeneous semantics of polysemical prepositions in German, English, Dutch, Russian and Polish. Polysemical prepositions in, bei, mit, unter, durch, in, by, with, at, on, upon, bij, met, под, при, do are polytaxis and mark several varieties or variants of taxis categorial situations (in particular, temporal-, instrumental-, medial-, modal-, causal, conditional- and final-taxis), actualized in various taxis semantic subcomplexes of simultaneity and non-simultaneity.

Keywords: taxis, syncretism, intra-categorical syncretism, polysemical prepositions, polytaxis prepositions, taxis semantic subcomplexes, taxis categorial situations.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос актуализации таксисной семантики одновременности и разновременности в контексте внутрикатегориального синкретизма в разноструктурных языках (немецком, английском, нидерландском, русском и польском). Внутрикатегориальный синкретизм в сфере таксисных значений одновременности/разновременности детерминирован гетерогенной семантикой полисемичных предлогов немецкого, английского, нидерландского, русского и польского языков. Полисемичные предлоги in, bei, mit, unter, durch, in, by, with, at, on, upon, bij, met, под, при, do являются политаксисными и маркируют несколько разновидностей или вариантов таксисных категориальных ситуаций (в частности, темпорально-, инструментально-, медиально-, модально-, каузально, кондиционально- и финально-таксисных), актуализируемых в различных таксисных семантических субкомплексах одновременности и разновременности.

Ключевые слова: таксис, синкретизм, внутрикатегориальный синкретизм, полисемичные предлоги, политаксисные предлоги, таксисные семантические субкомплексы, таксисные категориальные ситуации.

В статье рассматривается категория таксиса в контексте внутрикатегориального синкретизма в разноструктурных языках (немецком, английском, нидерландском, русском и польском). Явление синкретизма понимается в современной лингвистической литературе как синтез, совмещение или синтетическое объединение различных семантических и структурных признаков языковых единиц. Синкретичные языковые образования дефинируются как «гибридные», «промежуточные», «диффузные», «переходные», «кумулятивные», «слитные», «нерасторжимо слитные» и др. [1; 6; 7]. В.В. Бабайцева определяет термин «синкретизм» (от греч. sinkretismos – «соединение») как «совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений, предложений, членов предложений и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности. Это разного рода гибридные (контаминационные, промежуточные, диффузные) образования» [6, с. 446]. Отечественный лингвист В.А. Береснева вводит понятия межкатегориально и внутреннего (внутрикатегориального) синкретизма,

в частности, на материале темпоральных форм немецкого глагола. Исследуя грамматические формы прошедшего времени немецкого глагола, В.А. Береснева анализирует и описывает случаи совмещения ими «как функций одной грамматической категории времени, так и наряду с таковыми функций, выходящих за пределы категории времени» [7, с. 17].

В фокусе нашего исследовательского интереса находится явление внутрикатегориального синкретизма в контексте актуализации таксисных языковых значений одновременности и разновременности в высказываниях с предложными девербативами в разноструктурных языках. Явление внутрикатегориального синкретизма в сфере таксиса (примарного, секундарного) предполагает синтез, совмещение или синкретическое объединение различных хронологических/нехронологических языковых значений, в частности, таксисно-хронологического значения одновременности/разновременности и темпорального или обстоятельственного (сирконстантного, нехронологического, логически обусловленного) значения цели,

условия, уступки, причины, инструмента, способа или образа действия [2; 3; 4; 5].

Внутрикатегориальный синкретизм в сфере таксисных значений одновременности и разновременности детерминирован гетерогенной синкретичной семантикой полисемичных предлогов немецкого, английского, нидерландского, русского и польского языков *in, bei, mit, unter, durch, in, by, with, at, on, upon, bij, met, pod, npu, do*. Полисемичные предлоги *in, bei, mit, unter, durch, in, by, with, at, on, upon, bij, met, pod, npu, do* являются политаксисными и маркируют несколько разновидностей или вариантов таксисных значений одновременности/разновременности, в частности: темпорально-таксисные, инструментально-таксисные, медиально-таксисные, модально-таксисные, каузально-таксисные, кондиционально-таксисные и финально-таксисные.

В немецком языке явление внутрикатегориального синкретизма, обусловленное полисемией и синкретичностью политаксисных предлогов *in, bei, mit, unter, durch*, позволяет выделить следующие таксисные семантические субкомплексы одновременности:

1. темпорально-таксисные: *Beim Nachdenken darüber* drängen sich nachstehende Erwägungen auf. Sie plädiert für erhöhte Sprachsensibilität *beim Erinnern* und im politischen Alltag überhaupt. Sie ging dann neben ihm her, zog eifrig die Brauen *im Nachdenken* zusammen und fragte ... [9].
2. модально-таксисные: *Unter Surren und Klirren* leuchtet das in sich verzweigte, fast rhizomartige Neonröhren-Gebilde im unregelmäßigen Takt auf [8]. Pariser Arrondissement verbringt sie einen Vormittag *mit Händeschütteln* und Gesprächen ... [9].
3. медиально-таксисные: Die anderen Besucher quittierten das *mit zustimmendem Klopfen*. Während auf dem Fenstersims ihr Kaffee erkaltet, ruft sie knappe Kommandos *durch das Zischen der bratenden Hühnerbrüstchen* [8]. Lafontaine nimmt den Beifall *mit Kopfnicken* entgegen. In der mitteilungsfreudigen Hochstimmung von Genf wurde das *mit Kopfschütteln* vermerkt [9].
4. инструментально-таксисные: Möwis bringt den feuchten Ton auf der Drehscheibe *durch Ziehen und Drücken* in Form. *Durch Schieben mit der Hand* senkte sich die Lunte genau auf die Mitte der Pfanne/ Die Geräte werden vom Fahrgast *durch Drücken eines roten Knopfes* aktiviert, die Signale über Satellit einer zentralen Überwachungsstelle zugeleitet [9].
5. кондиционально-таксисные: *Beim genauen Hinsehen* stellt sich heraus, daß lediglich eine Gewinnchance besteht. Paranoia entlarvt sich *bei näherem Zuhören* stets als narzisstische Selbstüberhöhung. *Bei oberflächlicher Betrachtung der Unfallstatistik* stimmt dieses neue Klischee mit der Realität überein. Einstweilen werden *unter Zustimmung des Staatssekretärs*

eine halbe Million gestrichen [9].

6. каузально-таксисные: Schon von der Rolltreppe aus läuft ihr *beim Anblick der Salattheke* das Wasser im Munde zusammen [9].

В вышеперечисленных таксисных семантических субкомплексах немецкого языка с политаксисными предлогами *in, bei, mit, unter, durch* актуализируются следующие разновидности таксисных категориальных ситуаций одновременности:

1. примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности (в темпорально-таксисных семантических субкомплексах с предлогами *in, bei, mit* в темпоральном значении): Es fiel ihm *beim Nachdenken* die seltsame Frage des Meisters ein. «Man bekommt *beim Schweigen* ganz gut ein Maß für die Zeit». Man ißt *im Stehen*. *Mit der Abreise nach Lille* steigt die Vorfreude bei der deutschen Nationalmannschaft auf das Achtelfinale gegen die Slowakei stündlich [9].
2. секундарные инструментально- и медиально-таксисные категориальные ситуации одновременности (в инструментально- и медиально-таксисных субкомплексах с предлогами *mit* и *durch* в инструментальном/медиальном значении): Obgleich der Bundestag solche Geschichten *mit Lachen quitterte*, ist bis zur Stunde noch immer nicht sicher, ob der Sachkundenachweis endgültig ad acta gelegt wird. Man muss die Antwort selbst geben, wörtlich, und er bestätigt sie *durch Nicken*. Der lenkt den Elefanten *durch Ziehen und Drücken an den Ohren* [9].
3. секундарные каузально-таксисные категориальные ситуации одновременности (в каузально-таксисных субкомплексах с предлогами *bei, unter, durch* в каузальном значении): Ihr wurde schwindlig *beim Anblick der unzähligen Kabinentüren* rechts und links. Gleich beim Eintritt fühlte ich mich *durch den Anblick der großen Prachträume* eingeschüchtert [9].
4. секундарные модально-таксисные категориальные ситуации одновременности (в модально-таксисных субкомплексах с предлогами *mit, in* в модальном значении): Sie schienen gleich zu verstehen, was er meinte, und *mit Lachen stolperten* sie hinter dem Staudamer-Mickei zur Stube hinaus. Sicherungsverwahrung war für Gustav A. drin, und das ging *mit Nicken*. Die Depesche, ein non plus ultra von Hohn, wurde *mit Zischen* angehört [9].
5. секундарные кондиционально-таксисные категориальные ситуации одновременности (в кондиционально-таксисных субкомплексах с предлогами *bei, in, unter* в кондициональном значении и кондициональными актуализаторами *erst, nur, aber, näher, genau, genauer, oberflächlich* и др.): Der Wahl wurde aber von dem Regierungspräsidenten *unter Zustimmung des Bezirksausschusses* in Potsdam die Bestätigung versagt. *Beim genauen Hinhören* ent-

deckt man Nuancenunterschiede zur gegenwärtigen Regierungspolitik. Der sogenannte lockere Plattfuß zeigt sich *nur im Stehen* [9].

В нидерландском языке политаксисные предлоги *bij* и *met* маркируют примарно-таксисные и секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности (в частности, модально-, инструментально- и кондиционально-таксисные). В обследованных таксисных семантических субкомплексах нидерландского языка с предлогами *bij* и *met* актуализируются следующие варианты таксисных категориальных ситуаций одновременности:

1. примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности (в темпорально-таксисных субкомплексах с предлогом *bij* в темпоральном значении): *Bij het zwemmen wordt zwemkleding aangetrokken. Bij verhuizing worden rioolrechten automatisch berekend tot en met de maand van vertrek. Bij de aankomst van de krater zijn we langs de schuine hellingen naar beneden in de krater afgedaald. Bij het eten van gefermenteerde melkproducten nemen we een extra portie nuttige bacteriën tot ons. Bij het slapen gaan zag ik net als gisteravond de kleine beer, en met enige moeite de poolster* [8].
2. секундарные модально-таксисные категориальные ситуации одновременности (в модально-таксисных субкомплексах с предлогами *bij* и *met* в модальном значении): *Hij reageert met een bijtende opmerking* [8].
3. секундарные кондиционально-таксисные категориальные ситуации (в кондиционально-таксисных субкомплексах с предлогами *bij* и *met* в кондициональном значении): *Bij aanschouwing van het totaal op bewakingsmonitoren, is het woord 'WATCH' te zien. Deze ontwikkeling is van cruciaal belang om de kwaliteit van hulpverlening bij waarneming door samenwerkende huisartsen en de opkomst en groei van het aantal huisartsenposten te waarborgen. Gesprekken mogen alleen onderschept worden met toestemming van de rechter-commissaris* [8].
4. секундарные инструментально-таксисные категориальные ситуации одновременности (в инструментально-таксисных субкомплексах с предлогом *met* в инструментальном значении): *Dit heugelijke feit werd versterkt met het in ontvangst nemen van het KOMO certificaat. Met zintuiglijke waarneming kun je de kwaliteit vaststellen van grond die en grondwater dat vrijkomt bij boringen in het veld of bij het graven van sleuven* [8].

В английском языке политаксисные предлоги *in*, *by*, *with*, *at*, *on*, *upon* маркируют следующие разновидности таксисных категориальных ситуаций одновременности:

1. примарно-таксисные категориальные ситуации

одновременности (в темпорально-таксисных субкомплексах с предлогами *by*, *upon*, *on*, *with* в темпоральном значении): *On his arrival Sri Lankan President was accorded an impressive Guard of Honour by the Bhutanese Military. Upon arrival, students have an orientation and unpack their belongings. With the arrival of April, the thoughts of hundreds of thousands of Pennsylvania sportsmen turn to trout fishing. And with that expectation comes an even stronger hope for vindication. And with their awakening, and the new light they cast, American will rise to the occasion. There are those who seek and claim their light by believing in messiahs or philosophies that provide peace no matter what the conditions in the world in which they live* [8].

2. секундарные модально-таксисные категориальные ситуации одновременности (в модально-таксисных субкомплексах с предлогами *in*, *by* и *with* в модальном значении): *With speculation of a Cabinet reshuffle, callers say President Jacob Zuma's actions could have dire implications on the economy. With this contemplation, we see with Alexandria and her government officials the mindset that hinders Libertarian ideology. Some businesses, especially grocery stores, in sales yesterday as shoppers rushed to stock up in expectation of the first Sunday closure* [8].
3. секундарные инструментально- и медиально-таксисные категориальные ситуации одновременности (в инструментально- и медиально-таксисных субкомплексах с предлогами *by* и *with* в инструментальном/медиальном значениях): *The wetlands have been damaged for decades by the intrusion of farms and development. The rumor mill became active with speculations of the imminent departure of Mr. Ramjattan* [8]. *Down syndrome is diagnosed at birth by observation and genetic testing* [9].
4. секундарные кондиционально-таксисные категориальные ситуации одновременности (в кондиционально-таксисных субкомплексах с предлогами *by*, *upon*, *on*, *at* в кондициональном значении и кондициональными актуализаторами *but*, *only*, *closer*, *next*, *further*, *first*, *secondary* и др.): *At first observation lyrics appear to be disjointed, but when analyzed, they prove to have complex undertones* [9]. *Only by intrusion can man avoid pestilence and famine* [8]. *Upon closer observation, we watched as they picked their way through the thin crusted snow and soggy brown leaves of fall. But upon closer examination, the results lose some luster. Upon further inspection, he noticed the panel was dented* [9]. *On closer inspection, I noticed it resembled a duck* [8].
5. секундарные каузально-таксисные категориальные ситуации одновременности (в каузально-таксисных субкомплексах с предлогами *at*, *by* в каузальном значении): *The saleswoman and I jumped at the intrusion. Many students and Laval University*

staff were shaken by the intrusions and the assaults [8].

Политаксисные предлоги русского языка *под* и *при* эксплицируют примарно-таксисную семантику и секундарно-таксисную семантику одновременности модального и кондиционального характера в следующих таксисных категориальных ситуациях:

1. в примарно-таксисных категориальных ситуациях одновременности (в темпорально-таксисных семантических субкомплексах с предлогами *при*, *по* в темпоральном значении): *При взлете* основная часть бабочек оторвалась от стекол иллюминаторов и корпуса самолета. С очкарика еще взяли расписку о невыезде *по приезде* [10].
2. в секундарных модально-таксисных категориальных ситуациях одновременности (в модально-таксисных семантических субкомплексах с предлогом *под* в модальном значении): Ставлю будильник и дремлю *под бормотание телевизора*. А также неприятно засыпать *под жужжание строительной техники*. То здесь, то там в сумерках, *под шуршание* и назойливый писк зарядившего на всю ночь дождя, слышался говор солдат [10].
3. в секундарных кондиционально-таксисных категориальных ситуациях одновременности (в кондиционально-таксисных семантических субкомплексах с предлогом *при* в кондициональном значении и кондициональных актуализаторах *ближайший, подробный, внимательный, детальный, дальнейший, только, но* и др.): *Но при ближайшем рассмотрении* выяснилось, что Петька жаловался на боль в горле, выпил горячего молока с мёдом и заснул в самом начале девятого. Внешне простая и обыденная процедура мытья рук превращается *при детальном рассмотрении* в сложный, многоликий и до конца еще не раскрытый процесс. *При внимательном наблюдении за поверхностью озера* нам показалось, что в нем нет никакой живности, хотя другие близлежащие озера изобилуют рыбой ... [10].

Польский предлог *do* эксплицируют примарно-таксисную семантику предшествования и секундарную финально-таксисную семантику одновременности в следующих таксисных категориальных ситуациях:

1. в примарно-таксисных категориальных ситуациях предшествования: *Do przejścia* na emeryturę w 1961 r. pracował na kolei. *Do odejścia i zbudowania* nowej partii lewicowej szykuje się grupa trzydziestu polityków SLD skupionych wokół marszałka Sejmu Marka Borowskiego. Gdy doszło *do opublikowania* planu tego konkursu, wezwał mnie nagle krakowski censor [11].
2. в секундарных финально-таксисных категориальных ситуациях одновременности: *Do przejścia* przez bramę starczył widok błękitnej szarfy Płowego. Lecz wrodzona dystynkcja przemogła i księżna nader wytwornie dobiła *do upodziękowania* medykwowi za oddaną przysługę. Wrodzona wada serca zmuszała mnie *do brania* leków. Wyznawcy Izdydy byli zdecydowani na wszystko, byleby nie dopuścić *do opublikowania* prawdziwych informacji o ich kulcie i jego próbach zawładnięcia Egiptem [11].

Итак, внутрикатегориальный синкретизм таксисно-хронологического значения одновременности/разновременности и темпорального или обстоятельного значения логической обусловленности (каузального, кондиционального, инструментального, медиального, модального, финального) детерминирован гетерогенной синкрет-семантикой и полисемичностью политаксисных предлогов немецкого, английского, нидерландского, русского и польского языков. Политаксисные предлоги *in, bei, mit, unter, durch, in, by, with, at, on, upon, bij, met, pod, przy, do* являются маркерами нескольких вариантов или разновидностей примарных или секундарных таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности, актуализируемых в различных таксисных семантических субкомплексах (темпорально-, модально-, инструментально-, медиально-, кондиционально-, каузально- и финально-таксисных).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексанова С.А. Синкретизм как системное явление в сфере обстоятельственной детерминации предложения. Автореф. дис. ... доктора филолог. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 39с.
2. Архипова И.В. Обстоятельственные таксисные ситуации в современном немецком языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 2. С. 89–93.
3. Архипова И.В. Синкретизм в сфере актуализации таксисных значений одновременности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2019. № 12 (2). С. 149–154.
4. Архипова И.В. Таксис: категориальный семантический комплекс // Научный аспект. 2020. Т. 7. № 3. С. 886–890.
5. Архипова И.В. Таксисобразующий потенциал полисемичных предлогов // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 4. С. 84–89.
6. Бабайцева В.В. Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 446.
7. Береснева В.А. Теоретические аспекты лингвистического синкретизма как категории общего языкознания. Дис. ... доктора филолог. наук. М., 2013. 372 с.
8. Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 14.11. 2020).

9. Немецкий корпус. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 14.11.2020).
 10. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 14.11.2020).
 11. Национальный корпус польского языка. URL: <http://nkjp.pl/poliqarp> (дата обращения: 14.11.2020).

© Архипова Ирина Викторовна (irarch@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Новосибирский государственный педагогический университет

ЭЛЕКТРОННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МНОГОЯЗЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ КАК СРЕДСТВО МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Балканов Илья Владимирович

К.филол.н., доцент, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва
i-balkanov@mail.ru

ELECTRONIC ILLUSTRATED MULTILINGUAL DICTIONARY OF MILITARY TERMS AS A TOOL FOR INTERNATIONAL MILITARY COOPERATION

I. Balkanov

Summary: This article substantiates theoretical foundations of a modern multilingual dictionary of special (military) terms, which development is only possible in the process of integration and cooperation between higher military educational institutions, defense businesses, military command authorities, theoretical lexicographers, programmers and military interpreters. The study provides theoretical and practical recommendations for the structure of the electronic illustrated multilingual dictionary of special (military) terms, proposes and describes the stages of its development.

Keywords: translation dictionary, military vocabulary, military terminology, bilingual lexicography, minimal dictionary, microstructure of electronic illustrated translation dictionary.

Аннотация: Данная статья закладывает теоретические основы современного многоязычного словаря специальных (военных) терминов, создание которого возможно только при условии тесного взаимодействия преподавателей высших военно-учебных заведений, представителей оборонно-промышленного комплекса и органов военного управления, ученых-лексикографов, программистов и военных переводчиков. В результате исследования выработаны теоретические и практические рекомендации по организации структуры электронного иллюстрированного многоязычного словаря специальных (военных) терминов, описаны этапы его создания и порядок работы на каждом из этапов.

Ключевые слова: переводной словарь, военная лексика, военная терминология, двуязычная лексикография, словарь-минимум, микроструктура электронного иллюстрированного переводного словаря.

С момента обретения независимости бывшими республиками Советского союза вопросы военного и военно-технического сотрудничества независимых государств не только не сходили с повестки дня, но по мере расширения международных контактов, в том числе в военной сфере, становились все более актуальными.

Совместные действия вооруженных сил различных государств, будь то международные учения, миротворческие операции, олимпиады или армейские игры, требуют всесторонней и тщательной подготовки, немаловажным элементом которой является работа с документами, которая осуществляется на всех языках стран-участниц того или иного мероприятия, а также зачастую на английском языке – языке международного общения.

Отрабатывая различные вопросы в ходе планирования и проведения совместных мероприятий, военные специалисты говорят на одном языке – языке военных терминов, не допускающем вольного толкования и неточного перевода понятий, ведь от этого зависит не только успех операции, но и жизни солдат и офицеров. Под военным термином мы понимаем «устойчивое однословное или несколькословное наименование, за-

крепленное за соответствующим понятием в системе понятий определенной области военной науки и военной техники и ограниченное специальной сферой употребления в значении, строго регламентированном его дефиницией» [1, с. 16].

Говоря о военной терминологии, нельзя обойти стороной оборонно-промышленный комплекс. Огромный объем документации – от договоров и контрактов до руководств по эксплуатации – переводится на родной язык страны-покупателя и/или на английский язык как язык международного сотрудничества. При этом общие и специальные (отраслевые) словари и терминологические глоссарии, используемые в процессе перевода и обучения иностранных военнослужащих, и уровень языковой и специальной (военной и военно-технической) грамотности специалистов отличаются от компании к компании и от страны к стране, что негативно сказывается на качестве перевода и развитии военного и военно-технического сотрудничества в целом. Кроме того, «состав современной военной и военно-технической терминологии не является постоянным. Он непрерывно изменяется за счет выпадения ряда слов, изменения значений, непрерывного пополнения новыми терминами, например, в связи с реорганизацией видов вооруженных сил,

появлением и разработкой новых образцов вооружения и боевой техники, разработкой новых методов ведения войны и т.д.» [2, с. 15].

Учитывая особую роль военного переводчика в процессе международной военной и военно-технической коммуникации и специфику его работы, мы приходим к пониманию того, что только электронный иллюстрированный военный переводной словарь обеспечит высокое качество подготовки данных специалистов, предоставит им электронный ресурс, дающий возможность оперативно узнавать обо всех изменениях, происходящих в военной сфере, и осуществлять быстрый и точный письменный и последовательный перевод.

Следует отметить, что все военные образовательные организации в процессе подготовки военных специалистов используют иллюстративный материал (плакаты, схемы, таблицы), дающий будущим офицерам наглядное представление о том, как выглядит и как устроен тот или иной механизм, система вооружения. Рабочие программы дисциплин, используемые в процесс подготовки будущих сержантов, старшин, прапорщиков и офицеров в разных военных учебных заведениях, имеют много общего.

Все вышесказанное позволяет нам говорить о целесообразности объединения усилий преподавателей военных учебных заведений с теоретическими и практическими наработками военных лексикографов, составителей общих и специальных военных словарей, и практикующих военных переводчиков. Подобная практика успешно реализуется на Западе. Так, еще в первые годы Второй мировой войны совместный труд американских военных специалистов и переводчиков привел к созданию более 200 словарей и глоссариев по военной терминологии, а современный Военный переводной словарь Министерства обороны США с 2016 г. претерпел уже более 15 переизданий. «Неоспоримым преимуществом американских двуязычных военных словарей является тот факт, что они были созданы коллективом авторов... Это позволило в кратчайшие сроки заложить теоретические и практические основы мега-, микро- и макроструктуры военного переводного словаря, разработать и регулярно переиздавать военные словари для основных европейских и азиатских языков» [3, с. 134].

К сожалению, после распада Советского союза аналогичные проекты в наших странах (например проект «Воениздата» по составлению отраслевых военных словарей) практически прекратили свое существование. В настоящее время существует крайне малое количество иноязычных военных словарей, лексика в них устарела и не отвечает современным реалиям военной сферы. Все они являются печатными изданиями, что на современном этапе развития вооруженных сил в контексте идущих

вокруг нас процессов глобализации, цифровизации и погружения в единую информационно-коммуникационную среду является признаком отсталости.

Работу по созданию электронного военного многоязычного словаря, который, как и любой другой переводной словарь, представляет собой «определенным образом расположенную совокупность зафиксированных правил замены элементов лексики одного языка эквивалентными им по смыслу элементами другого языка» [4, с. 6], целесообразно разбить на несколько этапов.

На первом этапе мы предлагаем разработать электронный русско-английский (англо-русский) учебный иллюстрированный словарь-минимум, ориентированный на программу подготовки военных переводчиков. Электронный формат позволит постоянно и оперативно дополнять словарь новыми разделами, постепенно его углублять и расширять, оперативно реагировать на последние изменения в военной теории и практике.

Электронная версия учебного иллюстрированного словаря-минимума будет интегрирована в электронные учебные пособия и дидактические материалы по военному переводу, дисциплинам военной подготовки (тактика, вооружение и военная техника, и т.д.), в процесс обучения иностранному языку в видовых военных учебных заведениях.

Семантический, или тематический, подход к организации макроструктуры словаря, в рамках которого «словарные статьи создаются путем объединения общих по значению лексических единиц на основании той или иной системы отношений между ними» [5, с. 205], равно как и вовлечение в процесс составления словарей офицеров-преподавателей специальных военных дисциплин и практикующих военных переводчиков исключит неправильное толкование и/или перевод терминологических единиц.

Семантический подход успешно «используется в отечественной лексикографии при создании общих и специальных переводных словарей» [3, с. 62], в том числе военных, как например Иллюстрированный военно-технический словарь Л.Л. Нелюбина, который, по мнению его составителя, «относится к типу так называемых картинных словарей, в которых термины группируются по предметно-тематическому принципу» [6, с. 3].

Работа на данном этапе начинается с составления списка военных терминов профильными военными образовательными организациями в целях последующего перевода данных терминов и включения их в электронную оболочку словаря (порядка тысячи терминологических единиц на каждую область военного дела). Военные образовательные учреждения формируют список во-

енных (военно-технических, военно-специальных) терминов на русском языке с учетом своей специфики по определенным тематическим разделам (организационно-штатная структура, боевое применение, повседневная деятельность войск, боевая подготовка, вооружение и военная техника, подаваемые команды, и др.). Каждый термин сопровождается кратким определением, указанием на сферу применения и частотность употребления, а также иллюстративным материалом (рисунком, фотографией, схемой, графиком, видеофайлом). При этом значения отобранных терминов, согласно И.Р. Гальперину, «располагаются по употребительности с учетом их логических связей» [7, Т. 1, с. 29].

Итоговый терминологический список подготавливается в текстовом редакторе в единой кодировке, где для описания одного термина используется один абзац. Это упрощает процесс переноса терминологической базы в электронную оболочку и превращает словарь в «систему лексикографических данных (словарных статей), упорядоченную с помощью специальной программы, которая позволяет выполнить поиск переводного эквивалента лексической единицы входного языка» [3, с. 79].

Терминологический список даст лексикографам и программистам возможность работать с изначально упорядоченным лексическим материалом входного языка и привязать к каждой конкретной словарной статье файлы, содержащие толкование заглавного слова, перевод, иллюстративную и экстралингвистическую информацию, и таким образом сформировать микроструктуру электронного словаря военных терминов. Сведения о частотности употребления и терминологической области позволяют упорядочить леммы по семантическому принципу, оформят макроструктуру словаря и сделают его семантическим. Включение в словарь примеров употребления заглавных слов, которые «показывают, как заглавные слова ведут себя в сочетаниях с другими лексическими единицами, раскрывают морфологические, синтаксические и стилистические особенности лексических единиц и наглядно демонстрируют возможности лексической сочетаемости» [8, с. 104], и фразеологии, которая «входит наряду с лексикой в словарный состав языка как его весьма

существенная часть» [9, с. 6], повысит практическую значимость словаря для военных переводчиков и сделает его менее зависимым от других электронных ресурсов (корпусов текстов, программ машинного перевода, поисковых систем в интернете), доступ к которым в военных организациях зачастую ограничен.

На втором этапе мы предлагаем увеличить количество иностранных языков за счет добавления терминов на других иностранных языках, (арабский, немецкий, персидский, турецкий и т.д.), в том числе на языках Содружества независимых государств и языках Организации Договора о коллективной безопасности.

На третьем этапе возможно увеличение количества терминов и примеров в целях трансформации словаря-минимума в полный многоязычный иллюстрированный словарь-энциклопедию, расширяющий фоновое знание, или «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим» [10, с. 498], о военной сфере. На данном этапе к работе над составлением словаря целесообразно привлечь представителей оборонно-промышленного комплекса, а сам словарь (или его экспортный вариант) впоследствии поставлять вместе с оборонной продукцией иностранному заказчику, что значительно упростит процесс освоения отечественной военной техники, сократит затраты времени на подготовку специалистов, отвечающих за ее ремонт и эксплуатацию, и позволит сделать проект коммерчески окупаемым.

Все вышесказанное позволяет нам выступить с предложением унифицировать военную иноязычную терминологию в форме электронного многоязычного словаря военных терминов – инновационное решение проблем военной терминологии, возникающих в процессе подготовки специалистов, проведении совместных мероприятий и поставках вооружения на экспорт. К работе над словарем считаем необходимым привлечь специалистов в области военного и военно-технического сотрудничества, военных лингвистов (лексикографов, преподавателей иностранного языка и перевода, практикующих военных переводчиков), программистов и представителей отечественного оборонно-промышленного комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевчук, В.Н. Военно-терминологическая система в статике и динамике: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02.19 / В. Н. Шевчук. – М., 1985. – 43 с.
2. Нелюбин, Л.Л. Учебник военного перевода. Английский язык / Л. Л. Нелюбин. – М.: Воениздат, 1981. – 379 с.
3. Балканов, И.В. Теоретические аспекты двуязычной лексикографии (на материале военных переводных словарей): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / И.В. Балканов. – М., 2017. – 194 с.
4. Берков, В.П. Вопросы двуязычной лексикографии (словник) / В.П. Берков. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 190 с.
5. Nielsen, S. Dictionary Structures / S. Nielsen // Bergenholtz and Tarp, Manual on Specialized Lexicography. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1995. – P. 200 – 211.
6. Нелюбин, Л.Л. Иллюстрированный военно-технический словарь / Л. Л. Нелюбин. – М.: Воениздат, 1968. – 486 с.
7. Большой англо-русский словарь: ок. 150 000 слов / под общ. руковод. д-ра филол. наук, проф. И.Р. Гальперина. – М.: Совет. энцикл., 1972. – 2 т.

8. Yong, H. *Bilingual Lexicography from a Communicative Perspective* / H. Yong, J. Peng. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. – 229 p.
9. Большой немецко-русский словарь / Е.И. Лепинг [и др.]; под. общ. рук. О.И. Москальской. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. Медиа, 2008. – 760 с.
10. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Совет. энцикл., 1966. – 608 с.

© Балканов Илья Владимирович (i-balkanov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПОВ КООПЕРАЦИИ И ВЕЖЛИВОСТИ В РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Ван Дихань

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
wangdihan@inbox.ru

APPLICATION OF THE PRINCIPLES OF COOPERATION AND POLITENESS IN SPEECH COMMUNICATION OF NATIVE SPEAKERS OF RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Wang Dihan

Summary: The article investigates the application of the principles of cooperation and courtesy of people who speak Russian and Chinese, which is relevant for the analysis of the speech behavior of communicants of different cultures. Analyzing different understandings of the principle of politeness by Chinese scientists and scientists of other countries, the author came to the conclusion: the principle of politeness is an addition to the principle of cooperation, in order to achieve a communicative goal, communicants should be more flexible and worthy of using these two important principles, taking into account factors such as language area, context, and cultural differences.

Keywords: speech communication, the principle of cooperation, the principle of politeness, speech behavior.

Аннотация: В статье проводится исследование применения принципов кооперации и вежливости людей носителей русского и китайского языков, которое имеет актуальное значение для анализа речевого поведения коммуникантов разных культур. Анализируя разные понимания принципа вежливости китайским ученым и учеными других стран, автор пришел к выводу: принцип вежливости является дополнением к принципу кооперации, для достижения коммуникативной цели, коммуниканты должны быть более гибкими и достойны использования этих двух важных принципов, принимая во внимание такие факторы, как языковая область, контекст и культурные различия.

Ключевые слова: речевая коммуникация, принцип кооперации, принцип вежливости, речевое поведение.

Принципы кооперации Г.П. Грайса

В 1967г. американский лингвист и философ Г.П. Грайс в своем выступлении в Гарвардском университете на тему «Логика и речевое общение», в процессе которого им был предложен принцип кооперации. Он отметил, что в нормальных коммуникативных ситуациях люди всегда кооперируются, чтобы достигнуть единой цели общения, то есть предоставляют друг другу информацию, необходимую для того, чтобы разговор прошел в соответствии с целью или выбранным направлением общения (Г.П. Грайс, 1997). Например, утром жена спрашивает мужа: «Что ты будешь на завтрак?» А муж отвечает: «Сегодня погода хорошая». Очевидно, что в этом разговоре муж не предоставил информацию, необходимую для жены, и не соблюдал принцип кооперации, то есть их разговор был обречен на провал. Г.П. Грайс предложил четыре составляющие принципа кооперации:

1. максима количества (полноты) информации: высказывание должно содержать не меньше информации, чем требует; высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется.
2. максима качества информации: предоставленная информация верна (не говорите того, что счита-

ешь ложным; не говорите того, для чего у вас нет достаточных оснований);

3. максима отношения (релевантности): предоставленная информация должна соответствовать предмету разговора;
4. максима способа выражения (манеры): предоставленная информация должна быть понятной (необходимо избегать непонятных выражений; избегать неоднозначности; быть кратким; речь должна быть организованной).

Основываясь на этих составляющих принципа кооперации, мы можем научиться использовать разумные речевые обороты для общения и достижения коммуникативных целей. Но данные составляющие принципа условны и не являются абсолютно непреодолимыми. Говорящие иногда не соблюдают эти принципы из вежливости. Вежливость ограждает говорящего от откровений в разговоре, поэтому в повседневном речевом общении мы также должны помнить и соблюдать принцип вежливости.

Принцип вежливости

Принцип вежливости был впервые предложен бри-

танским ученым Дж. Личем в 1983 году, а затем в 1992 году китайский ученый Гу Юэйгуо предложил принцип вежливости, применимый в соответствии с культурой и традицией Китая.

1. Принцип вежливости за рубежом

По мнению Дж. Лича, принцип кооперации и принцип вежливости дополняют друг друга. Принцип вежливости состоит из шести принципов:

1. максима такта: это максима границ личной сферы. В идеале любой коммуникативный акт предусматривает определенную дистанцию. Не следует затрагивать тем, потенциально опасных (частная жизнь, индивидуальные предпочтения и пр.);
2. максима великодушия: успешный коммуникативный акт не должен быть дискомфортным для участников общения. Не следует связывать партнера обещанием или клятвой;
3. максима одобрения: стараться меньше унижать других, больше хвалить других;
4. максима скромности: старайтесь как можно меньше хвалить себя и умалять себя;
5. максима согласия: минимизируйте разногласия между двумя сторонами, увеличивайте их согласие;
6. максима симпатии: минимизируйте отвращение к другим и увеличивайте сочувствие к другим.

Из вышеприведенных шести принципов мы видим, что говорящий должен стараться вести себя скромно, больше уважать и хвалить других, чтобы обе стороны общения чувствовали уважение друг к другу, чтобы достичь цели общения и способствовать успеху речевого общения. Конечно, люди не должны соблюдать принцип вежливости всегда и везде. В срочных, неожиданных ситуациях, в спорах, в общении с близкими, принцип вежливости часто имеет второстепенное значение.

2. Принцип вежливости в Китае

В 1992 году китайский ученый Гу Юэйгуо предложил пять составляющих принципа вежливости, применимого в соответствии с традицией и культурой Китая:

1. “自卑而尊人”与贬己尊人准则(Восхваление собеседника и «самоунижение»): говорящие должны быть смиренными и скромными в беседе о личных делах, хвалить собеседника и принижать свои заслуги;
2. “上下有义，贵贱有分，长幼有等”与称呼准则(Соответствие обращения социальному статусу собеседника): обращение к людям должно быть основано на их социальном статусе;
3. “彬彬有礼”与文雅准则(Использование манер и культурной речи): при общении люди должны говорить культурно, соблюдая манеры. Посред-

ственная, простая речь исключена.

4. “脸”“面子”与求同准则 (Уважение и стремление к единству): когда мнение говорящего и слушателя расходятся во время общения, они должны уметь уступать друг другу, т.е. стремиться к компромиссу, сохраняя свои взгляды;
5. “有德者必有言”与德、言、行准则(Скромность и оценка поступков собеседника): Когда разговор касается поступков говорящего, их целью должна являться польза для окружающих. Однако во время общения, говорящий не может восхвалять себя, преувеличивая свои заслуги, стараясь, наоборот, выделить преимущества собеседника, оценивая по достоинству его поступки. (Гу Юэйгуо, 1992).

Анализируя принцип вежливости в зарубежных странах и в Китае, мы можем сделать вывод, что составляющие “максима одобрения” и “максима согласия”, предложенный Дж. Личем, имеет сходство с составляющей “уважение и стремление к единству”, предложенной китайскими учеными. Основное различие между принципами вежливости Китая и западных стран заключается в восхваление собеседника и «самоунижения», который отражает характер китайской культуры.

Применение принципа кооперации и принципа вежливости в речевой коммуникации носителей китайского и русского языков.

Принцип кооперации и принцип вежливости широко применяются в повседневной жизни людей. Культурные различия часто приводят к разному пониманию речевого поведения, особенно в межкультурной коммуникации. Ориентирование на различия применения принципов кооперации и вежливости как в Китае и России по отдельности, так и в международном общении, является актуальным с точки зрения развития дружественных отношений между обеими странами.

Проанализируем три диалога:

1) (Китайская девушка А разговаривает со своей русской подругой Б в коридоре.)

А: – Ты сегодня очень красивая!

Б: – Спасибо! Ты тоже.

А: – Нет, нет.

В этой мини сценке А оценила внешность своей подруги, в ответ Б тоже дала свою положительную оценку А. Обе собеседницы соблюдали максимум одобрения. Получив одобрение Б, А ответила отрицательно, что является непонятным и странным для иностранцев действием. Очевидно, А нарушила такую составляющую принципа коммуникативности, как максима качества информации, так как она вряд ли считает себя некрасивой, что делает её отрицательный ответ ложной информацией. Однако,

согласно принципу вежливости в Китае А соблюдала такую его составляющую, как восхваление собеседника и «самоунижения», совпадающий с максимумом скромности принципа вежливости Дж. Лича. Китайцы считают самоунижение проявлением высоких нравственных качеств, они привыкли отрицать одобрение к себе со стороны окружающих и считают такое отрицание способом выражения вежливости. Для русских распространенным ответом является «спасибо», но не самоунижение.

2) (Китайский студент попросил своего преподавателя проверить его научную работу.)

Студент: 请老师帮我看一下文章。(Преподаватель, прошу вас, проверьте мою работу.)

Преподаватель: 好的。(Хорошо.)

Студент: 辛苦了! (Вы утомитесь!)

В данном диалоге студент и преподаватель соблюли принцип кооперации Г.П. Грайса: студент попросил преподавателя проверить работу, четко выразив цель разговора (максимум способа выражения), и преподаватель принял просьбу (максимум отношения). Однако, если дословно перевести этот диалог на русский язык, для русскоговорящих он станет несколько непонятным. Дело в том, в России принято обращаться к преподавателям по имени и отчеству, а в Китае произнесение имени старших или людей более высокого социального статуса считается неприличным и невежливым. Китайцы обычно используют сочетание должности и фамилии для обращения к старшим или людям более высокого социального статуса. Поэтому в данном диалоге студент соблюдал китайский принцип вежливости, а именно соответствие обращения социальному статусу собеседника. Следует также отметить, что вместо благодарности студент ответил «Вы утомитесь». Такое выражение очень часто встречается в китайском языке. Это, некоторым образом, нарушает принцип кооперации Г.П. Грайса (максимум отношения, максимум качества и количества информации), но совпадает с китайским принципом вежливости с выражающегося че-

рез скромность и оценку поступков собеседника. При помощи оценки поступков собеседника и принесения извинений за беспокойство, китайцы выражают свою благодарность к другим.

3) (Китаец увидел своего соседа на улице)

Китаец: 你去哪啊? 你吃了吗? (Куда ты идешь? Покушал?)

Сосед: 吃了, 现在去学校接女儿。(Да, покушал, сейчас иду встречать дочку из школы.)

Известно, что у китайцев принято спрашивать “你吃了吗?” (Ты покушал?) вместо «привет» или «как дела?». Такой вопрос нарушает принцип вежливости Дж. Лича (максимум такта). По мнению Дж. Лича, при общении люди не должны затрагивать тем, касающихся каких-либо личных моментов жизни собеседника. В России и во многих иностранных государствах прием пищи – это личное дело. Если кто-то спрашивает об этом собеседника, значит он хочет пригласить его на обед либо имеет какую-либо иную цель. Без последующего целевого контекста такой вопрос считается неприличным.

Кооперация и вежливость — это, как правило, общие явления для всех социальных групп. Они представляют собой инструменты поддержания межличностной гармонии, сдерживающие людей от излишней прямоты и откровенности в процессе общения. Принцип кооперации и принцип вежливости – два важных принципа, которым должны следовать обе стороны речевого общения. Принцип вежливости является дополнением к принципу кооперации и оба эти принципа имеют взаимные уступки. При общении принцип вежливости игнорируется, если обе стороны уделяют больше внимания принципу кооперации. Если используется принцип вежливости, принцип кооперации отступает на второй план. Это приводит к выводу, что в процессе общения собеседники должны стараться лавировать, применяя в нужной мере оба этих принципа, учитывая языковые и культурные различия Китая и России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация. – М.: ИНФРА, 2008.
2. Grice, H. P. Logic and Conversation. In Cole & Morgan (eds.). Syntax and Semantics Vol.3: Speech Acts. New York: Academic Press, 1975.
3. Leech, G. Principles of Pragmatics. New York: Logman Inc, 1983.
4. 顾曰国. 礼貌、语用和文化. 外语教学与研究, 1992, 28(4): 10-17. [Гу Юэйгуо. Вежливость, прагматика и культура. – Шанхай: Преподавания и исследования иностранных языков, 1992, 28(4). С.10-17].
5. 何自然. 新编语用学概论. 北京: 北京大学出版社, 2010. [Хэ Цзыжань. Новая редакция общего введения в прагматическую лингвистику. – Пекин: Пекинский университет, 2010].

© Ван Дихань (wangdihan@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОТЫМЁННЫЕ ПРЕДЛОГИ ПРИЧИНЫ В СИСТЕМЕ РУССКИХ ПРИЧИННЫХ ПРЕДЛОГОВ: ЭТИМИЛОГИЯ, СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

Гун Цзинсун

К. филол. н., доцент, Гуйчжоуский педагогический институт, (г. Гуйян, КНР)
mookba861123@mail.ru

DISSOLVED SUGGESTIONS REASONS IN THE SYSTEM OF RUSSIAN CAUSAL SUGGESTIONS: ETHYMYLOGY, STRUCTURE, SEMANTICS AND PRAGMATICS

Gong Jingsong

Summary: The article provides a multidimensional description of defunct prepositions of reason on the basis of data recorded and systematized in the course of a close study of authoritative linguistic dictionaries and scientific works devoted to the grammar of the modern literary Russian language. As a result of the study, it was revealed that the main structural model for the formation of canceled prepositions of reason in modern Russian is a combination of the case form of a noun with a non-derivative preposition, and the most productive in modern Russian are the models «ПО + N3»; «В + N4»; «В + N6 + С»; «ПОД + N5». The substantive component of the retracted preposition of the cause plays the role of a semantic qualifier: the nature of the lexical meaning and the grammatical originality of the causative and causable elements in statements with OPP largely correlate with the word-formative connections of these prepositions and are conditioned by the semantics of the substantive component in their composition.

Keywords: canceled reason preposition, case word form, prepositional-case combination, structure, dictionary, grammatical work.

Аннотация: В статье проведено разноаспектное описание отымённых предлогов причины на базе данных, зафиксированных и систематизированных в ходе пристального изучения авторитетных лингвистических словарей и научных трудов, посвященных грамматике современного литературного русского языка. В результате исследования выявлено, что основной структурной моделью для образования отымённых предлогов причины в современном русском языке служит сочетание падежной формы имени существительного с непроизводным предлогом, а наиболее продуктивными в современном русском языке являются модели «ПО + N3»; «В + N4»; «В + N6 + С»; «ПОД + N5». Субстантивный компонент отымённого предлога причины выполняет роль семантического квалификатора: характер лексического значения и грамматическое своеобразие каузирующего и каузируемого элементов в высказываниях с ОПП в значительной степени коррелируют со словообразовательными связями этих предлогов и обусловлены семантикой субстантивного компонента в их составе.

Ключевые слова: отымённый предлог причины, падежная словоформа, предложно-падежное сочетание, структура, словарь, грамматический труд.

Активизация изучения отымённых предлогов в русском языке берёт своё начало в 60-тидесятых годах XX века, когда заметно возрос интерес русских лингвистов к изучению производных предлогов в современном русском языке и при этом вышел в свет ряд научных трудов по данной проблематике, в том числе посвящённые разноаспектному описанию русских производных предлогов причины[1].

Наиболее авторитетными грамматическими трудами в российском языкознании являются академические грамматики 1960, 1970 и 1980 годов.

В «Русской грамматике» 1960 года в параграфе 993 рассмотрены предлоги, выражающие причину. К ним относятся первообразные «предлоги *с, от, из, из-за* в сочетании с именами в родительном падеже»; приводятся примеры *заплакал с горя, плакал от радости, отказался из принципа, опоздал из-за грозы* [2, С.655].

Производные предлоги причины также упоминаются, но в соответствующих группах по происхождению без указания значения: **наречные** (согласно, соответственно), **отглагольные** (благодаря), **отымённые** (ввиду, в силу, вследствие, по причине, по случаю) [Там же, С.658]. Сочетания слов в связи с, в соответствии с рассматриваются в данном грамматическом труде как отымённые предлоги, в которых субстантивный компонент в определённой степени утрачивает лексическое значение исходной единицы, приобретая значение релятивности, и при этом выступает в роли именной основы отымённого причинного предлога [Там же, С. 659].

В «Русской грамматике» 1970 года внимания лексическому значению предлогов не уделяется. Ряд причинных первообразных и производных предлогов приводится в соответствующих группах по происхождению. Среди первообразных причинных предлогов названы **наречные** (согласно, соответственно, сообразно с, соразмер-

но), **отымённые** (*ввиду, в силу, вследствие, по причине, по случаю*) и **отглагольный** (*благодаря*) [3, С. 312].

В «Русской грамматике» 1980 года в разделе «Морфология» предлоги причины не выделены в отдельную группу с точки зрения выражаемых предлогами отношений. Здесь внимание уделяется происхождению и структуре предлогов в русском языке [4, т. I: С. 704-708]. Полный перечень причинных предлогов и предлогов, семантически близких первым, приведён в разделе «Синтаксис». В данный перечень предлогов включены такие единицы, как «*из, от, с, по, за (В. п.), за (Тв. п.), через, из-за, по причине, по милости, по поводу, по случаю, вследствие, ввиду, в связи с, в зависимости от, независимо от, в порядке, в результате, благодаря, в силу, под предлогом, на основании, исходя из*» [5, т. II: С.48]. Из них субстантивный компонент включают предлоги «*по причине, по милости, по поводу, по случаю, вследствие, ввиду, в связи с, в силу, в зависимости от, в порядке, в результате, под предлогом и на основании*» [Там же].

В исследованиях В.А. Белошапковой причинные предлоги не рассматриваются в качестве объекта специального изучения, однако их классификация по происхождению, выработанная учёным, оказывается несколько своеобразной: предлоги, образованные от наречий *согласно* и *соответственно*, квалифицируются как предлоги «гораздо более позднего происхождения» и «выражают более сложные отношения» [6, с. 212-213]. Имена существительные, включенные в состав отымённых предлогов, характеризуются как «существительные, которые наиболее обобщённо выражают понятия» [Там же: 213], в том числе понятие причины.

В научной и учебной литературе отмечается, что выражаемые отымёнными предлогами отношения, в том числе причинные, «как правило, зависят от лексической семантики производящих имён существительных» [7, с. 217].

Состав производных предлогов причины в русском языке дополнен словарём синонимов Н.А. Абрамова, в котором в синонимическом ряду с доминантой *вследствие* приводятся отымённые предлоги *в рассуждение, в уважение, во внимании* к [8].

В перечне предлогов причины, составленном нами на основе различных источников, преобладают производные (непервообразные) предлоги причины, этимологически связанные с **деепричастием** (*благодаря, исходя из*), **наречием** (*согласно, соответственно*), **именами существительными** в сочетании с первообразным предлогом (*ввиду, в связи с, в силу, в соответствии с, вследствие, по милости, по поводу, по причине, по случаю, под влиянием, под воздействием*)».

Как мы заметили, «в состав некоторых ОПП входит

второй первообразный предлог, предопределяющий падеж имени существительного или местоимения, с которым употребляется данный отымённый предлог (*в связи с, в соответствии с*)». Такие ОПП (с вторым первообразным предлогом, следующим за именным компонентом отымённого предлога) не все исследователи квалифицируют как собственно предлоги; например, Н.М. Шанский относит их к «сложным типам предложных сочетаний» [7, с.217]; в учебном пособии Д.Э. Розенталя они именуется «сложно-составными предложными оборотами» [9, с.271]. Данные частные варианты наименования обусловлены живым характером процесса образования новых производных предлогов в русском языке. По нашему наблюдению, предложно-падежное сочетание, приобретшее все свойственные собственно предлогам функции и не допускающее включение согласуемого слова, уже предложено.

Проанализировав авторитетные грамматические источники, мы обнаружили, что класс отымённых предлогов причины является самым объёмным и разветвленным и показывает основное направление пополнения предлогов причины в современном русском языке. Имена существительные, включенные в состав таких производных предлогов, выполняют роль лексического квалификатора разновидности причинных отношений. В группе отымённых предлогов причины ядерным явлением является предлог *по причине*, в составе которого субстантивный компонент выступает как средство, нейтрализующее многозначность предлога *по*. Например: «*Спор этот давний, и ожесточенность его чрезмерна – по причине крайней отвлечённости*» (ж. «Эксперт»). «Похожим оказывается предлог *вследствие*, однако он представляет каузальную ситуацию с другой стороны – со стороны следствия, связанного с причиной парными отношениями». Например: «*Вследствие катастрофы с автомобилем, ранен комендант Владивостокской крепости, генерал Нищенков, его жена и дочь*» (газ. «Новое время»). Рассматривая состав отымённых предлогов современного русского языка, нельзя не затронуть проблему завершенности данного списка.

Грамматисты отмечают, что «отымённые предлоги – активно развивающийся разряд предлогов», продолжающий своё пополнение «ещё с XX в.» [6, с. 214]. Причиной открытости разряда и появления в нём новообразований считается «потребность точно и дифференцированно выразить разные виды смысловых отношений» [Там же], особенно острая в сфере деловой письменности. Процесс конкретизации абстрактных смысловых отношений стал особенно активным в начале XXI века: «язык находит новые средства выражения усложняющихся отношений в виде лексических производных и фразеологических предлогов» [10, с.5].

Некоторые исследователи характеризуют активное

формирование новых производных служебных слов как «процесс втягивания знаменательной лексики в разряд служебной» [11, с. 173], и это касается прежде всего имени существительного. В данном случае наблюдается устойчивый языковой механизм: существительное, будучи компонентом производного предлога, выпадает из своей морфологической парадигмы, утрачивает способность изменяться по числам и падежам, приобретает новые функции и синтаксические свойства, образуя с первообразным предлогом единое целое. Видимо, аналогичное явление наблюдается в отношении сочетаний **за отсутствием, за неимением**: «Соловьев был вполне прав, когда, возражая против отвлеченного субъективизма, говорил: Думать, что одной наличной добродетели нескольких лучших людей достаточно, чтобы переродить нравственно всех остальных, значит переходить в ту область, где младенцы рождаются из розовых кустов и где нищие **за неимением** хлеба едят сладкие пирожки» (П. И. Новгородцев. «Об общественном идеале»). В приведенном примере причинное значение предлога **за отсутствием** осложняется заместительным значением.

Г.А. Шиганова утверждает, что в русском языке причинно-следственные отношения выражают 72 предлога (с учетом многозначных предлогов), а самыми продуктивными являются фразеологические предлоги (63 единицы), употребляющиеся с родительным падежом: **в знак, в итоге, в ознаменование, в порядке, в силу, за неимением, по причине, на почве, под угрозой, по соображениям** и др. [10, с. 36].

Предлагается значительный по объему список предложно-падежных выражений («фразеологических предлогов»), среди которых часть, на наш взгляд, оказывается функционально-синтаксическими аналогами предлогов причины, причём в данный список включаются не только единицы, выражающие собственно причинное значение, но и единицы со значением обоснования, рассматриваемого как один из аспектов концепта «Причина»: **на основе (чего), на основании (чего), на базе (чего), на почве (чего), исходя из (чего), ввиду (чего), в видах (чего), в итоге (чего), вследствие (чего), в ознаменование (чего), в результате (чего), в честь (чего), в связи с (чем), в соответствии с (чем), за неимением (чего), за отсутствием (чего), под влиянием (кого/чего), под воздействием (кого/чего), под давлением (кого/чего), под действием (кого/чего), под натиском (кого/чего), под видом (кого/чего), под вывеской (чего), под завесой (чего), под знаменем (чего), под крышей (чего), под лозунгом (чего), под маркой (чего), под печатью (чего), под сенью (чего), под покровом (чего), под соусом (чего), под фирмой (чего), под ширмой (чего), под предлогом (чего), под флагом (чего), по милости (кого/чего), по вине (кого/чего), по поводу (чего), по причине (чего), силой (чего)** » [там же, с. 589-611].

В системе релятивных единиц, выражающих причинно-следственные отношения в простых предложениях, выделяется подгруппа, включающая единицы для выражения значения выдуманного предлога, используемого для сокрытия истинной причины. «Этот вид причинных отношений передаётся в языке только с помощью фразеологических предлогов: **под видом** – «*Растащили колхозы под видом кооперации*»; **под вывеской** – «*Торговать под вывеской чужого имени*»; **под завесой** – «*Благодеествовать под завесой секретности*»; **под знаменем, под крышей** – «*Работать под крышей международной верификационной миссии*»; **под лозунгом** – «*Пленум прошел под лозунгом восстановления принципов и норм партийной жизни*»; **под маркой** – «*Провокации под маркой заботы*»; **под печатью, под покровом** – «*Работать под покровом секретности*»; **под предлогом** – «*Уволены под предлогом серьезного нарушения правил поведения*»; **под соусом, под фирмой, под ширмой, под флагом** – «*Наступление на эти завоевания под флагом “свободы предпринимательства” вызвало резкое сопротивление*»; **под эгидой** (чего) » [там же, с. 404].

Единицы данной подгруппы являются объектом исследования отдельных научных работ, рассматривающих семантические и грамматические свойства моделей фразеологизмов с творительным падежом [12].

На наш взгляд, список фразеологических предлогов, предложенный Г.А. Шигановой, является спорным, поскольку включение в него некоторых предложно-падежных выражений в качестве средств выражения причины основано на чрезмерно широком понимании семантики причины и на неразграничении значения причины и других значений (**условия, цели, способа действия** и др.). В частности, это касается следующих единиц: **на базе** (чего), **в ознаменование** (чего), **под видом** (кого/чего), **под вывеской** (чего), **под завесой** (чего), **под знаменем** (чего), **под крышей** (чего), **под лозунгом** (чего), **под маркой** (чего), **под печатью** (чего), **под сенью** (чего), **под покровом** (чего), **под соусом** (чего), **под фирмой** (чего), **под ширмой** (чего), **под предлогом** (чего), **под флагом** (чего)» [10, с. 589 – 611]. В то же время в данный список фразеологических предлогов следует добавить единицы **в силу** (чего), **по случаю** (чего).

Таким образом, в поле нашего зрения оказываются следующие единицы:

1. собственно предлоги причины (и обоснования): **в итоге, ввиду, в видах** (арх.), **в результате, в силу, в силе** (арх.), **в связи с, в соответствии с, вследствие, по силе** (арх.), **по причине, по случаю, по поводу, по милости, за отсутствием, за неимением, силой** (силоу) (арх.), **под влиянием (воздействием), под давлением, под действием, под предлогом**;
2. синтаксические предлоги причины, или функци-

онально-синтаксические аналоги предлогов причины: **на основании, на основе, по вине, по приказу, по требованию, по постановлению, по просьбе, по совету, по распоряжению, по указанию, по указу, по манию** (арх.), **под натиском, под нажимом**.

Частотность использования отымённых предлогов причины в современном русском языке различна, что обусловлено их различием в сфере функционирования и стилистической окраске.

С точки зрения структурного состава ОПП делятся на следующие группы:

1. предлоги, образованные на базе имени существительного в творительном падеже: **силой (силою)**. Например: «Я буду вынужден силою обстоятельств в марте или апреле начать движение – успеть или погибнуть» (ж. «Родина»);
2. предлоги, образованные на базе сочетания непроизводного предлога с падежной формой имени существительного (пр. + сущ.): **в + сущ. в вин. п. (в силу), в + сущ. в предл. п. (в итоге), за + сущ. в тв. п. (за неимением), по + сущ. в дат. п. (по случаю)**.
3. предлоги, образованные на базе сочетания непроизводного предлога с падежной формой имени существительного и ещё одним непроизводным предлогом (пр. + сущ. + пр.): **в + сущ. в предл. п. + с (в связи с, в соответствии с)**.

ОПП второй группы (пр. + сущ.) количественно преобладают над единицами других структурных типов, и поэтому подавляющее большинство новых единиц в системе причинных предлогов в современном русском языке образованы именно по данной структурной модели. При их образовании используется абстрактное имя существительное, указывающее на тот или иной аспект концепта «Причина» и при этом вносящее определённый дополнительный семантический оттенок в общее причинное значение, выражаемое данной группой производных причинных предлогов.

Словообразовательные особенности производных предлогов причины обуславливают их структурное своеобразие. ОПП этимологически связаны с именами существительными, в определённой степени сохраняя их лексическое значение (прямое или переносное), намекающее на определённый аспект причины и тем самым детализирующее данный концепт, именно по данной причине они резко отличаются от первообразных причинных предлогов, значение причины у которых реализуется только при их функционировании в определённом контексте.

Различие между отымёнными предлогами причины

состоит и в употреблении с разными падежами. Большая часть рассматриваемых предлогов употребляется с родительным падежом (**за неимением, в итоге, по случаю, в результате, в силу, по причине** и др.), тогда как **в связи с** и **в соответствии с** требуют после себя творительного падежа.

Поскольку активное образование ОПП началось в XVIII в. в связи с интенсивным развитием и нормализацией книжной речи [6, с. 214], то подавляющее большинство из них (**в связи с, за отсутствием, вследствие, ввиду, по случаю, в соответствии с** и др.) в качестве речевых клише используются в официально-деловом, публицистическом и научном стилях. Например: «Респонденты также допускают возможность остаться дома **в связи с** различными событиями в семье (болезнь близких и т. д.), изменениями в личной жизни (любовь, создание семьи), появлением своего жилья» (ж. «Человек»); «Это отражение образуется **вследствие** существующих в среде взаимовоздействий, обусловленных формой существования всего материального — его движением» (ж. «Информационные технологии»); «**В соответствии с** постановлением Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2000 г. № 197 для координации работы была создана Межведомственная комиссия по развитию приграничного сотрудничества, однако **в связи с** ликвидацией головного ведомства — Минфедерации — её деятельность прекратилась» (ж. «Дипломатический вестник»).

В отличие от остальных ОПП, предлог **по милости** характерен для разговорной речи, употребляется либо при выражении благоприятной причины, либо при ироническом переосмыслении чужой вины, вызывающей неблагоприятное следствие, и поэтому синонимичен предлогам **благодаря** и **из-за**: «По милости судьбы арестован он не был даже тогда, когда в самом конце войны написал гневное письмо на имя члена Военного совета о мародёрстве и массовых изнасилованиях немецких женщин, о недостойном поведении советских солдат и даже офицеров, носящих высокое звание воинов-освободителей...» (ж. «Новый мир») (**по милости судьбы = благодаря судьбе**); «Мой Боливар на полном скаку налетел на мину — экая досада! Случилось это по милости труса Борьки. Упросил-таки проводить его до парикмахерской» (ж. «Сибирские огни») (**по милости труса Борьки = из-за труса Борьки**).

Ироническое переосмысление значения существительного «милость», связанное с процессом препозиционализации выражения «**по милости**», очевидно, когда это выражение в сочетании с наименованием лица обозначает неблагоприятный каузирующий фактор. В других случаях, когда ироническое значение не очевидно (например: «Замечательно интересно прогулялся **по милости** начальства, больше пятисот верст

прошел» (М. Горький «Жизнь Клим Самгина») и тем более если субстантивный компонент «милость» сохраняет положительное значение, его квалификация в качестве предлога затруднена. Следует отметить, что в ряде лингвистических словарей русского языка отсутствует указание, что при обозначении благоприятной причины **по милости** в функции предлога употребляется только с именем существительным, называющим какое-либо абстрактное явление, предмет или лицо, не обладающее властью и правом миловать: «**По милости** рекомендательных писем моего опекуна я очень скоро был помещён в число чиновников, служащих в канцелярии московского главнокомандующего» (М. Загоскин. «Искуситель»). В противном случае всё выражение «**по милости**» утратит статус отымённого предлога и, соответственно, останется омонимичным предложно-падежным сочетанием, где предлогом окажется только слово **по**: «После раскаяния **по милости** Божией Матери к ямщику вернулось зрение» («Журнал Московской патриархии», 2004.06.28).

Таким образом, сопоставление структуры отымённых предлогов причины, выделяемых в академических грамматиках и в словарях на протяжении более семидесяти лет, показывает, что сочетание падежных словоформ с непроизводными предлогами определяет структурные модели для образования ОПП; продуктивными в современном русском языке являются следующие модели: «**ПО + N₃**» (*по причине, по случаю, по поводу, по милости*); «**В + N₄**» (*в силу*); «**В + N₆ + С**» (*в результате, в связи с, в соответствии с*); «**ПОД + N₃**» (*под влиянием, под воздействием, под действием, под давлением*). Субстантивный компонент ОПП выполняет роль семантического квалификатора: характер лексического значения и грамматическое своеобразие каузирующего и каузируемого элементов (соответственно, играющих роль управляемого и управляющего компонентов синтаксической конструкции) в высказываниях с ОПП в значительной степени коррелируют со словообразовательными связями этих предлогов и обусловлены семантикой субстантивного компонента в их составе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Финкель, А.М. Производные причинные предлоги в современном русском литературном языке. Их возникновение, развитие, значение, употребление / А.М. Финкель. — Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1962. — 238 с.
2. Грамматика русского языка: В 2 т. Том I: Фонетика и морфология / под ред. В.В. Виноградова, Е.С. Истриной, С.Г. Бархударова. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 720 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Шведовой Н.Ю. — М.: Наука, 1970. — 767 с.
4. Русская грамматика: В 2 т. Том I: Фонетика, фонология, удаление, интонация, словообразование и морфология / под глав. ред. Шведовой Н.Ю. — М.: Наука, 1980. — с.704-708
5. Русская грамматика: В 2 т. Том II: Синтаксис / под глав. ред. Шведовой Н.Ю. — М.: Наука, 1980. — с.48
6. Белошапкина, В.А. Предлог / В.А. Белошапкина // Современный русский язык: учебник: В 2 ч. Ч. 2: Морфология. Синтаксис / Под ред. проф. Е.М. Галкиной-Федорук. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. — С. 209–215.
7. Шанский, Н.М. Современный русский язык: учебник: В 3 ч. Ч. II: Словообразование. Морфология / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. — М.: Просвещение, 1981. — С.217.
8. Абрамов, Н.А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н.А. Абрамов. — М.: Русские словари, 1999. — 433 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.klex.ru/j3q> (дата обращения: 03.03.2018).
9. Розенталь, Д.Э. Современный русский язык: учебное пособие / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. — М.: Айрис-пресс, 2003. — 448 с.
10. Шиганова, Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: монография / Г.А. Шиганова. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2001 а. — 454 с.
11. Чугаев, Т. Производный предлог «в соответствии с»: специфика сочетаемости / Т. Чугаев, Е.С. Шереметьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-1 (63). — С. 173–177.
12. Голощапова, Т.Г. Языковые свойства фразеологизмов модели с творительным фразеобразующим: дисс. ... канд. фил. наук. — Челябинск, 1986. — 225 с.

© Гун Цзинсун (mockba861123@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЗМЕНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ПАССИВА)

CHANGES IN THE LANGUAGE: CAUSES AND CONSEQUENCES (BASED ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH PASSIVE)

N. Drugoveiko

Summary: The article discusses changes in the language on the example of the English passive. The main question of the development of grammatical phenomena, which are influenced by both intra-linguistic and extra-linguistic factors, is revealed. It is noted that in different periods there are whole chains of factors that affect the development of grammatical phenomena. But in all this complex interweaving of factors, there are those that are particularly significant, those that determine the main development of the language. The paper presents an analysis of the combinations of *beon* and *wesan* with participle II to express the passive meaning, which was carried out on written monuments of the IX-XIV centuries.

Keywords: english, verbs *beon* and *wesan*, participle ii, english passive, grammatical phenomena.

Друговеико Нелли Афанасьевна

доцент, Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет), г. Москва
Llen141@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются изменения в языке на примере английского пассива. Раскрывается основной вопрос о развитии грамматических явлений, на которые влияют как внутрilingвистические факторы, так и внелингвистические. Отмечается, что в разные периоды возникают целые цепочки факторов, влияющих на развитие грамматических явлений. Но во всем этом сложном переплетении факторов есть такие, которые оказываются особенно существенными, те, которые определяют основное развитие языка. В работе представлен анализ сочетаний *beon* и *wesan* с причастием II для выражения пассивного значения, проводившегося по письменным памятникам IX-XIV веков.

Ключевые слова: английский язык, глаголы *beon* и *wesan*, причастие II, английский пассив, грамматические явления.

Основная характерная черта развития грамматических явлений - это взаимодействие многих факторов. Эти факторы разнородны. Есть факторы внутрilingвистические. Они связаны с влиянием на грамматические явления других сторон языкового строя.

Есть факторы и внелингвистические, связанные с изменением форм речевой коммуникации, с изменениями в жизни общества, с влиянием субстрата и т.д.

Все эти факторы могут помогать друг другу и противодействовать, могут влиять на изменения в языке непосредственно и опосредованно.

Так, изменение в характере ударения в германских языках, а именно, переход к силовому ударению на первом слоге, непосредственно не влияло на грамматическую систему, но вело к ослаблению неударных слогов. Ослабление же звуков в неударных слогах привело во многих индоевропейских языках к стиранию флексии, что в конечном итоге подействовало на изменение в морфологической системе.

Морфологические изменения, вызванные редукцией звуков в неударных слогах, оказались факторами, повлиявшими на развитие и синтаксического строя.

Этот строй, в свою очередь, стимулировал использование определенного порядка слов для выражения грамматических отношений, более широкое использование предлогов и т.д.

Кстати, и сам сдвиг в ударении в германских языках, вероятно, произошел в результате влияния неиндоевропейского субстрата.

Развитие синтаксиса не является лишь следствием сдвигов, происходивших в других пластах языка и прежде всего в морфологии.

В дальнейшем развитие синтаксиса протекает уже на основе собственных закономерностей, которые в свою очередь могут влиять и на развитие морфологии.

Здесь можно упомянуть такие особые факторы, присущие конкретным языкам, как стремление к экономии (как в английском языке), к аналогии (как во многих языках) и некоторые другие.

Так как на некоторых этапах развития ряда индоевропейских языков стремление к экономии проявляется главным образом в превращении сочетаний полнозначных слов в аналитические сочетания, а затем происходит стяжение аналитических конструкций в формы

слова. Возникают целые цепочки факторов, влияющих на развитие грамматических явлений. Но во всем этом сложном переплетении факторов есть такие, которые оказываются особенно существенными, те, которые определяют основное развитие языка.

Это факторы общего структурного порядка, которые соответствуют тенденции к определенным формам организации и членения морфологических и синтаксических единиц. Правила такой структурной организации могут влиять (иногда по принципу аналогии) и на оформление других грамматических явлений.

Возникают разные случаи «давления системы языка» (термин младограмматиков вспоминает В.Г. Адмони) [1]. И порой «давление» определенной тенденции в организации синтаксических единиц, т.е. «давление» системы построения, оказывается сильнее, чем воздействие других тенденций. Что же эта за система построения?

Когда мы говорим об общей форме того или другого языка, то имеем в виду, что в основе каждого языка лежит как бы некоторая базисная схема, что у каждого языка есть «свой особый покров». Этот тип, или базисная схема, есть нечто гораздо более фундаментальное, чем та или другая обнаруживаемая черта. О природе конкретного языка мы не можем составить себе адекватное представление при помощи простого перечисления различных фактов, образующих его грамматику.

«Переходя от латинского языка к русскому, мы чувствуем, что приблизительно тот же горизонт ограничивает наши взоры, хотя и сменились знакомые нам природные вехи. Когда мы подходим к английскому языку, нам начинает казаться, что окрестные холмы стали несколько более плоскими, и все же общий характер пейзажа мы узнаем. Но когда мы дошли до китайского языка, оказывается, что над нами сияет совершенно другое небо» [5. С.117].

Переводя эти метафоры на обычный язык, можно сказать, что все языки друг от друга отличаются, но некоторые отличаются значительно сильнее, чем другие. Следовательно, можно разгруппировать их по морфологическим типам.

Невозможно точно установить ограниченное количество типов, с полным учетом в них всех особенностей, среди тех тысяч языков и диалектов, на которых говорит человечество. Но трудность классификации не означает ее бесполезности. Классификация может служить целям тактическим, может помочь более тщательно исследовать языки, а привлечение аналогии и других языковых методов может сослужить службу и в деле обучения языкам. Классификаций языков достаточно много. Все зависит от того, какой критерий берется за основу.

Примем характеристику английского языка на современном уровне как языка «аналитического строя» в отличие, скажем, от русского языка как языка «синтетического строя» [5.С.123]. Лингвистам ясно, что означают эти понятия. Если рассматривать английский язык в историческом плане, то вернее говорить о тенденции «от синтеза к анализу» [7. Р.87]. Хотя с установлением литературного языка основные грамматические изменения затормаживаются, но никто не может сказать, что дальнейшие изменения в языке на современном этапе совсем прекратились. И сейчас в английском языке есть элементы, оставшиеся от синтетического строя, и даже наблюдается тенденция использовать окончания у вновь возникших слов. То есть явления синтеза совсем не прекратились.

Но вернемся к истории языка. Английский язык был языком синтетического строя даже уже в свою письменную эпоху (IX век), как и другие языки индоевропейской группы. Почему изменилась его базисная схема? Не много есть языков, которые полностью сменили «свой покров», свою матрицу.

Может пополниться словарь, может измениться орфография. Словарь может измениться на 50% и более за счет заимствований и в связи с появлением новых понятий. Но сменить структуру языка, его базисную схему... Для этого должны быть действительно основательные условия и причины. Здесь без исторического исследования не обойтись. При этом пригодятся все лингвистические методы, разработанные учеными в процессе становления лингвистики как науки. И конечно можно предположить, что вся система английского языка в определенный период при своем дальнейшем изменении должна была повлечь за собой частные изменения, которые можно попытаться объяснить и понять, а затем и выяснить, какой из действующих факторов в тот период оказался решающим и почему.

Постараемся проследить, как происходило изменение в английском языке в некоторые периоды на частном случае - на становлении пассива.

«Грамматизация представляет результат абстрагирования от конкретного лексического значения, которое первоначально имело служебное слово, при этом обычно грамматизации подвергаются слова, имеющие сами по себе более широкое общее значение» [3.С.6]. Анализ сочетаний *beon* и *wesan* с причастием II для выражения пассивного значения проводился по письменным памятникам IX-XIV веков.

В древнеанглийском языке обычно различают сочетания причастия II с *beon/wesan*. Но глаголы *beon* и *wesan* тоже имеют разные оттенки значения, поэтому следует рассмотреть, чем отличаются сочетания причастия

II с этими глаголами.

Глаголы beon и wesan конкурировали друг с другом лишь в парадигме настоящего времени, т.к. beon не употреблялся в прошедшем времени. Оба эти глагола имели значение «быть». Различие в их функциях некоторые авторы видят в том, что beon, помимо обозначения настоящего времени, употреблялся для выражения действия или состояния, относящегося к будущему, в то время как глагол wesan обозначал только настоящее время [6.Р.18].

Проведенный нами анализ сочетаний причастия II с глаголами beon и wesan дал следующие результаты по функциям этих двух сочетаний.

По материалу произведений IX-Хвв. сочетание причастия II с beon употреблялось прежде всего для обозначения действия, происходящего обычно, часто, постоянно. Такие случаи составили половину всех исследованных примеров.

Приводим некоторые из них по материалу разных памятников этого периода.

Из "Беды" - IX в.¹:

1. swa her sceap from wulfum. and wildeorum beoth fornumene, swa... (B. 46,23) - как овцы поедаются волками и другими животными.
2. and her beoth oft fangene seolas and hronas. (B.26, 7). - и здесь часто ловятся тюлени и киты.

Из "Cura Pastoralis" - IX в.

1. Tha godan lareowas beoth oft genemne on halgum gewritum witgan. (C.P.90) - хорошие учителя часто в священном писании называются про роками.
2. and eal thaet he bebeodeth bith swithe hraethe gefullad to his nytte.(C.P.110) - и все, что он показывает, очень быстро выполняется для него.

Из "Orosius" - IX в.:

thaet is mid Crecum theaw thaet mid thaem worde bith gecythed hwaeder healf haefth thonne sige. (Or.100,8) - такой обычай у греков, что этими словами объявляется, какая сторона победила.

Список подобных примеров можно продолжить. Они показывают, что сочетание причастия II с beon чаще всего обозначает повторность процесса, «создающего признак инактивного субъекта» [2.С.186]. Эта функция сочетания соответствует значению глагола beon - «бывать» [4. С.269]. Кроме этой функции, у сочетания beon с причастием II обнаружена функция обозначения действия или состояния, относящегося к будущему. Такие случаи

составили 1/4 часть исследуемого материала.

forthon gif hio ne bith hraedlice aweg adrifan, he bith ofslegen. - т.к. если его не увезут быстро, он будет убит.

Сочетание beon с причастием II употреблялось также для обозначения состояния субъекта в настоящий момент в результате предыдущего действия.

Forthaem he bith gesett to bisene othrum monnum - он создан быть примером для других людей.

Таковы были функции сочетания beon с причастием II в английском языке IX-X вв. Особенностью этого сочетания было его обозначение действия или состояния, имеющего «проекцию в будущее», и способность обозначать действие не однократное, а повторяющееся или происходящее всегда, вообще. Эти функции связаны со значением глагола beon - бывать.

Одновременно в языке древнеанглийского периода в настоящем времени употреблялось сочетание wesan + причастие II.

На 114 страницах «Беды» при сплошной выборке оказалось 47 случаев употребления этого сочетания. Обычно это сочетания типа - is nemned, is cweden, is gecegd, is gehaten.

Анализ произведений более позднего периода показал, что функции этого сочетания расширились, и wesan стал употребляться с причастием II от большего числа разных глаголов, чем в IX веке. В «Житиях святых» Эльфрика и в других текстах X века wesan + причастие II употреблялось в следующих функциях:

1. Как и в IX веке, это сочетание обозначает состояние субъекта к настоящему моменту, его постоянный признак.
and ic sothlice eom eugenia gehaten thin agen dohtor. - Я твоя собственная дочь, Евгенией названная.
2. Вместе с тем сочетание wesan + причастие II начинает довольно часто употребляться для обозначения действия постоянного, происходящего всегда, вообще (что в IX веке было функцией глагола beon + причастие II).

Ac eom gelic tham bogum the on westene aeghwanane mid ystum slaegene synt. - Я как ветви, которые ветер в пустыне бьет со всех сторон.

Итак, сочетание wesan в настоящем времени + причастие II начинает расширять сферу своего употребления в X веке, вытесняя из парадигмы настоящего времени со-

1 Здесь и далее так будет называться произведение IX века "Церковная история англов" Беды Достопочтенного.

ответствующее сочетание с beon.

В XII веке (по материалу «Homilies») сочетание beon с причастием II продолжает еще употребляться для обозначения повторяющегося или обычного действия.

Но основной функцией сочетания beon + причастие II в этот период было обозначение будущего времени.

And eow bith god igifen - и добром вам оплатят.

В произведениях XIII века следует отметить количественное уменьшение сочетания причастия II с beon. Так, в «Ормулуме» в одном отрывке текста встретилось лишь пять случаев причастия II с beon, в то время как wesan + причастие II в этом же отрывке употреблено 39 раз.

Основной же функцией сочетания beon с причастием II становится в XIV веке употребление его для обозначения сослагательного наклонения.

1. придаточных условия:
gif thou beo mon i-mariet. - Если бы ты была замужем...
2. После союзов so that (swa that), that в придаточных цели:
that thay be noghte blawen with the wynde of vanyte and of pryde - чтобы их не сдуло ветром тщеславия и гордости.

Итак, если принять во внимание, что в количественном отношении сочетание beon + причастие II составляет в XIV веке лишь третью часть по сравнению с сочетанием

причастия II с wesan (80 случаев из 258), при этом основную массу примеров представляют случаи употребления этого сочетания для обозначения сослагательного наклонения, то можно сказать, что практически это сочетание перестает быть конкурентом сочетания wesan с причастием II в парадигме настоящего времени.

Wesan с причастием II становится господствующим в этой парадигме и употребляется в самых различных функциях.

1. Оно обозначает состояние субъекта в результате предшествующего действия или постоянный его признак:
this boke es called the psauter. - Эта книга называется псалтырь.
In the sang of luf it es writen. - В той песне о любви написано.
2. Wesan с причастием II может выражать повторность действия (что раньше было функцией сочетания с beon).
As hit amongus gou men is many time founde that...
-Как часто встречается у вас людей, что...

Таким образом, рассмотрев вопрос о развитии сочетаний глаголов beon, wesan, weorthan с причастием II, мы можем сделать следующие выводы:

1. Аналитическая форма пассива в английском языке восходит к древне-английским сочетаниям глаголов beon, wesan с причастием II.
2. В языке древнеанглийского периода (IX в.) наблюдалась дифференциация в употреблении этих сочетаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. - М.-Л., 1964.
2. Гухман М.М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. -М., 1964.
3. Жирмунский В.М.. «О границах слова», сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М-Л. 1968
4. Смирницкий А.И. Древнеанглийский язык.- М., 1955.
5. Сепир Эдвард. Избранные труды по языкознанию и культурологии. - М., 1993.
6. Grimm I. «Deutsche Grammatik» Th.I, 1870, 3.965. С.Koch. «Historische Grammatik der englischen Sprache», Cassel 1879, Th.2.
7. Potter S. «English, as Sapir acutely remarked, is only analytic in tendency». Our Language. G.B.1966.

© Друговойко Нелли Афанасьевна (l1en141@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОПОСТАВЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ИМПЛИКАТУР В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ КАК ИМПЛИЦИТНЫЙ СПОСОБ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РЕЦИПИЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ)

Маевский Владимир Михайлович

ассистент, соискатель, Российский университет
дружбы народов, г. Москва
maevskiy_vm@rudn.university

COMPARISON OF CONVENTIONAL IMPLICATURES IN ENGLISH AND RUSSIAN AS AN IMPLICIT WAY OF EMOTIONAL IMPACT ON RECIPIENTS (ON THE EXAMPLE OF COMMUNICATION IN SOCIAL NETWORKS)

V. Maevskiy

Summary: Waging war through «soft power» is the most humane response to the actions of an opponent, so at present, the modern political tactics of developed countries, if they are supposed to destroy the enemy, are focused on information impact based on the emotional determinants of a person. Taking into account the intellectual development of society, there are implicit sources that, by their psychological nature, cause more trust among the recipients. The relevance of referring to conventional implicatures as an implicit method of emotional impact on recipients is determined by the fact that due to its hidden meaning, the statement is problematic to censor and, accordingly, it is difficult to bring the author of the comment to administrative or criminal responsibility. The inclusion in chats of various topics of conventional implicatures, concentrated in discussions and comments in social networks, blogs, forums, etc., hypothetically integrates into the communication of users a text focused on deconstructurization or social cohesion within a particular issue – depending on the goal of the addressee. While gigabytes of Internet space contain millions of utterances, the content of which is tracked by moderators using SEO algorithms, it is quite problematic to filter the semantic meaning of conventional implicatures, and speech turns are an effective information weapon for this type of speech.

Keywords: conventional implicatures, implicit, emotional impact, social networks, information warfare, virtual communication.

Аннотация: Ведение войны посредством «мягкой силы» – это наиболее гуманный ответ на действия оппонента, поэтому современная политическая тактика развитых государств, если предполагается уничтожение противника, сосредоточена на информационном воздействии, опирающемся на эмоциональные детерминанты человека. Релевантность обращения к коммуникативным импликациям, как имплицитному способу эмоционального воздействия на реципиентов, обусловлена тем, что благодаря скрытому смыслу, высказывание проблематично подвергать цензуре и сложно привлечь к административной или уголовной ответственностям его автора. Включение в чаты разнообразной тематики коммуникативных импликаций, сконцентрированных в обсуждениях и комментариях в социальных сетях, блогах, форумах и пр., гипотетически интегрирует в коммуникацию пользователей текст, ориентированный на деструктуризацию или сплочение общества в рамках той или иной проблематики – в зависимости от цели адресанта. В Интернет-пространстве миллионы высказываний отслеживаются модераторами, но фильтровать смысловое значение коммуникативных импликаций проблематично, соответственно, данного типа речевые обороты являются эффективным информационным оружием.

Ключевые слова: коммуникативные импликации, имплицитный, эмоциональное воздействие, социальные сети, информационная война, виртуальная коммуникация.

Введение

Искусство информационной войны изначально использовали в устной форме, затем – в листовках, далее – в СМИ. Сегодня в действие включены технологические средства – киберпространство. «Информационная, в том числе, информационно-психологическая, война сегодня стала доминирующим средством мировой политики» [2, с. 9]. Преимущественно, данный тип «мягкой силы» осуществляется через Интернет, что обусловлено

количеством пользователей виртуального пространства, насчитавшем в 2020 г. «4,54 млрд людей (64% от всего населения планеты). Из них на январь 2020 г. 3,80 млрд составили пользователи социальных сетей, количество которых выросло на 9% по сравнению с 2019 г. – 321 млн новых пользователей за год» [8]. Прирост пользователей детерминирован ведённым режимом самоизоляции / карантина – вследствие ограничения контактного общения из-за пандемии коронавируса Covid-19 людям пришлось осваивать дистантные средства коммуникации.

Исследовательская проблема

Проведён мониторинг социальных русскоязычных и англоязычных сетей: коммуникативных имплицатур (далее – КИ), используемых в комментариях к постам, содержащим освещение общественно-значимых проблем или оценочные к ним высказывания.

Цель – анализ коммуникативных имплицатур («имплицатур дискурса» [10, с. 99]), имплицитно воздействующих на эмоциональные детерминанты социума.

Анализ материала

Анализ «анатомии» коммуникативных имплицатур в чатах продемонстрировал, что благодаря своей краткости и скрытым коннотациям коммуникативные имплицатуры в различного рода кибер-беседах предельно популярны. При этом на русскоязычных сайтах обсуждение политических, эпидемиологических или других социально-значимых проблем посредством комментариев доступно практически везде. Например, в настоящий момент самой актуальной остаётся проблема пандемии коронавируса, комментарии пользователей о ней можно встретить как в частных переписках, так и на официальном государственном сайте Coronavirus (covid-19) <https://coronavirus-monitor.ru/>, на медицинском портале Яндекс.Здоровье, в одноимённой рубрике «Комсомольской правды», и, конечно же, в *Instagram*, *Facebook*, *vk.com* (ВКонтакте) и пр. В англоязычных контентх достаточно проблематично найти сайты, где можно в открытую обсуждать эпидемиологическую обстановку, за исключением социального сервиса *Quora* [23] и социальных сетей.

В настоящий момент нет еще четкого представления о происхождении Covid-19, поэтому существуют разные мнения относительно данного вопроса:

1. одни эксперты полагают, что это биологическое оружие массового поражения (КИ «Если это биологическое оружие то его делал студент для курсовой»¹[7]), смысловое значение: адресант сомневается в достоверности данной гипотезы, о чём свидетельствует фраза «его студент сделал для курсовой» – КИ в значении «создано неграмотным специалистом»);
2. другие относят коронавирус нового типа к медицинскому феномену, возникновение которого обусловлено бесконтрольным потреблением антибиотиков и других лекарств, используемых населением в качестве самолечения, что ослабило коллективный иммунитет [1]. В комментариях к статьям о данном феномене множество солидарных высказываний. Некоторые русскоязычные

пользователи дают рекомендации по лечению (напр., см. рис. 1), англоязычные пользователи не берут на себя такую ответственность.

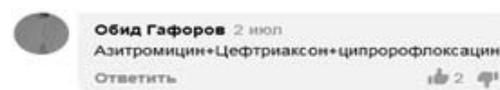

Рис. 1. Комментарий к газетной статье Medical Insider

В КИ «Азитромицин+Цефтриаксон+ципрофлоксацин» [5] представлена одна из формул лечения при коронавирусе, которую предлагает неизвестный пользователь, представившийся именем Обид Гафоров.

3. третьи приписывают данное явление к дестабилизации экологии планеты:

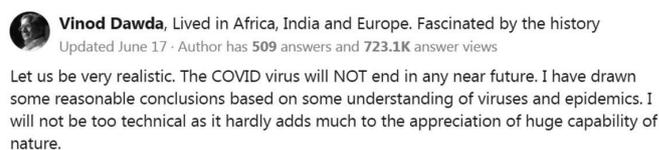

Рис. 2. Гипотезы возникновения и течения пандемии Covid-19. Quora

«The COVID virus will NOT end in any near future... We have silently watched nature being ravaged indiscriminately by humans» [23] (©Vinod Dawda). («Вупус COVID не закончится в ближайшем будущем... Мы молча наблюдали за тем, как люди без разбора разоряют природу»). Значение КИ «We have silently watched nature being ravaged indiscriminately by humans»: человек долго разорял природу, теперь природа уничтожает человечество в ответ.

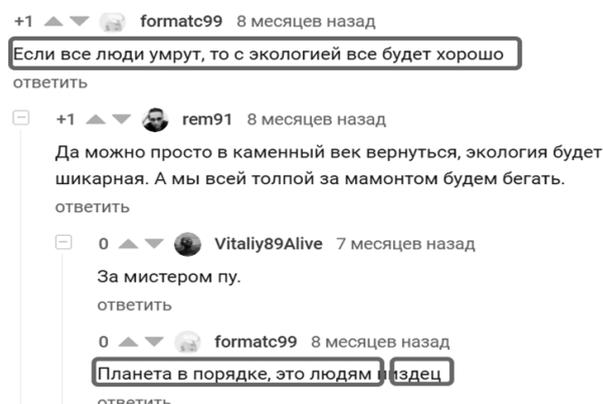

Рис. 3. Корреляция коронавируса с экологической дестабилизацией. Pikabu

Данные КИ можно прочесть в социальной сети Пикабу. Значение КИ «Если все люди умрут, то с экологией все будет хорошо» [3] и «Планета в порядке, это людям пи**ец» [3] – «если люди вымрут от пандемии, экология планеты восстановится».

4. четвертые объясняют возникновение Covid-19 с

1 Сохранена грамматика, пунктуация и стилистика цитируемого материала.

Наталья: А может правда то что написано в скрижалях Джорджии, и идёт исполнение заповедей, особенно первой

👍 (2) 🗨️ (2) 02.02.2020 · 20:40 ОТВЕТИТЬ

Рис. 4. Гипотеза возникновения коронавируса Covid-19

позиции религиоведения (наказание человечества за грехи [12; 22]) (см. рис. 4) и пр.

В данной КИ речь идет о десяти заповедях, написанных на каменном монументе в штате Джорджия (США) [11, с. 354], гласящие о том, что «земное население, не должно превышать 500.000.000 человек» (в настоящий момент эта цифра достигла 7 763 035 303 человек), а также, что люди не должны стать «раковой опухолью для Земли». Соответственно, автор комментария имеет ввиду, что коронавирус мог стать той карательной силой, о которой идет речь в «Скрижалях Джорджия», соответственно, Covid-19 выступает в роли рычага, содействующего воссозданию равновесия и баланса в природе.

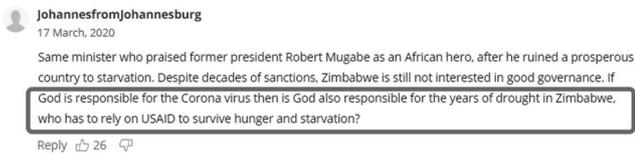

Рис. 5. Гипотеза возникновения коронавируса Covid-19. Fox News

КИ «If God is responsible for the Corona virus then is God also responsible for the years of drought in Zimbabwe, who has to rely on USAID to survive hunger and starvation?» – «Если Бог несет ответственность за коронавирус, то Бог также несет ответственность за годы засухи в Зимбабве» в значении: мнение Robert Mugabe о том, что коронавирус – это Божья кара, ошибочно и не соответствует христианским воззрениям.

Достаточно часто использование КИ встречается при обсуждении политики, активно корректирующийся по всему миру в связи с пандемией. По мнению многих исследователей – Covid-19 – это рукотворное оружие, направленное на истребление определённых народов и на провоцирование «массового психоза» – своего рода, психоактивная война, реализуемая посредством СМИ, т.е. информационное оружие, гибридизированное с биологическим оружием. Таким образом, в различных слоях населения с разным мировоззрением и религиозными верованиями, а также уровнем интеллектуального развития, возникает определенная реакция на пандемию. При этом КИ нередко коррелируют с политическими воззрениями пользователей сети Интернет. Что характерно, в англоговорящих и русскоговорящих странах имплицитная реакция людей отличается, а именно, пользователи русскоязычного контента активно обсуждают эпидемиологическую ситуацию, а англоговорящие пользователи более сдержаны. Полагаем, строгая законодательная система и высокий уровень ответственности за свои слова и поступки сформировали привычку

англоговорящих граждан не выставлять свои оценочные высказывания на всеобщее обозрение. Тем не менее, в различных уголках планеты можно встретить разную реакцию на пандемию:

1. в одних регионах возникает паника: «It is not the end of the world though humans overestimate their ability and importance in the grand scheme of universe! Humans are totally expendable when nature decides it had enough» [23] – Это не конец света, хотя люди переоценивают свои возможности и значение в великой схеме мироздания! Люди полностью расходуются, когда природа решает, что с неё достаточно. – Значение КИ: если будет катаклизм (в качестве которого может стать коронавирус Covid-19), у человечества может не остаться шансов на выживание.
2. другие предельно скептически настроены: Coronavirus will never, ever be over, just like Influenza will never, ever be over. Since that fateful day when somebody in Wuhan decided to snack on a bat, or a snake, or a wolf or whatever it was, the course of history was changed forever (©Joe Berah) [23]. (Коронавирус никогда, никогда не закончится, как и грипп никогда не закончится. С того рокового дня, когда кто-то в Ухане решил перекусить летучей мышью, змеей, волком или кем-то еще, ход истории изменился навсегда). Значение КИ «...to snack on a bat, or a snake, or a wolf or whatever it was, the course of history was changed forever»: виновники распространения коронавирусной инфекции нового типа – китайцы, которые опрометчиво едят тех животных, которых есть неестественно для природы человека, за что жители Китая и вся планета сильно поплатилась.

Рис. 6. Обсуждение пандемии Covid-19. Instagram

Значение КИ «Всё это миф и специально раздувается СМИ» [9] – данным высказыванием адресант пытается сказать, что коронавирусной инфекции Covid-19 не существует, а население планеты обмануто СМИ, которые «вы-

полняют приказ властей», целью чего является «тотальный контроль граждан» – теория чипизирования людей всего мира. Таким образом, достигаются цели конспирологической войны (вид информационной войны): разрушение ценностных установок народонаселения противника, а именно: подрыв доверия к СМИ опирается на подрыв доверия к властям. Недоверие к верховному руководству влечёт за собой революционные настроения.

Рис. 7. Обсуждение вакцины от Covid-19. Instagram

«This page should be called «Pneumonia Official» [14] – «Эта страница должна называться «официальный сайт пневмонии» – данная КИ ставит под сомнение наличие коронавируса Covid-19, а именно, автор высказывания делает акцент на том, что пандемии не существует, а люди просто заболевают пневмонией.

Далее представлены оппозиционные мнения относительно российской вакцины от коронавируса Covid-19 – «Спутник V». Очевиден имплицитный контекст оппозиционных настроений комментаторов, что является характерным признаком контентной войны («информационно-психологической войны, нацеленной на изменение свойств человеческого интеллекта» [2, с. 62]):

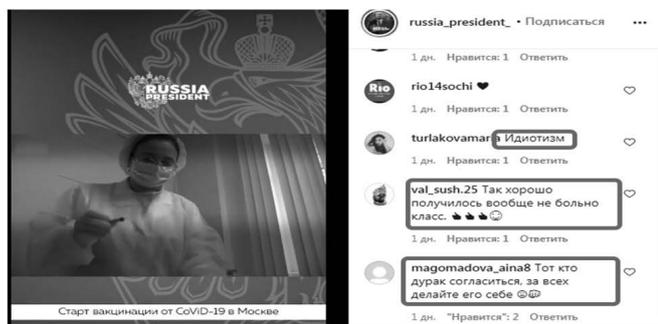

Рис. 8. Видео в Instagram о вакцинации населения России от Covid-19

КИ «Идиотизм» и «Тот кто дурак согласиться, за всех

делайте его себе»² [21] имеют оппозиционный характер и являются примером контентной войны, ориентированной на интеллектуальное поражение народа. В данных цитатах сохранена пунктуация и грамматика. Вполне возможно, что аграмматизмы могут включаться автором или инициатором в текст комментария сознательно, чтобы завуалировать намерение эмоционально дестабилизировать читательскую аудиторию и, в то же время, создать впечатление искренности идеологии высказывания.

Рис. 9. Пост в Instagram о вакцинации населения России от Covid-19

КИ «Так хорошо получилось вообще не больно класс» характеризует ощущения после вакцинации коммуниканта от Covid-19, тем самым, мотивируя доверять населению спасение своей жизни от коронавируса медицинскому персоналу и призывая сделать вакцину российского производства. КИ «Давайте! Кто раб, тот в очередь» [21] – в значении: правительство России создало вакцину с целью чипизировать население и, таким образом, осуществлять тотальный контроль за россиянами, тем самым, превратив их в рабов. КИ «А сам то привился или витаминчик сделал???» [21] подразумевает, что вакцина создана с целью чипизирования народов России, а богатые слои населения ставят себе другую прививку, не включающую в свой компонент чип для слежения за объектом.

Мониторинг социальных сетей также продемонстрировал, что многие пользователи относятся к пандемии с юмором. Данный феномен позволяет разгрузить эмоциональное напряжение народонаселения планеты – это положительный фактор, действующий по принципу гелотологии, т.е. имеющий психотерапевтический эффект (см. рис. 10):

2 Сохранена грамматика, пунктуация и стилистика цитируемого материала.

Рис. 10. Юмористическая карикатура под названием «Ready to wipe out coronavirus» [18] – «Готова стереть коронавирус», ориентирована на тех, кто во время пандемии чрезмерно запасался туалетной бумагой

КИ «Corona Lisa» [18] – каламбур из дефиниций «Коронавирус» и «Мона Лиза» в значении: Covid-19 завоевал популярность, как картина «Мона Лиза» Леонардо да Винчи. Имплицидность высказывания: основная масса населения мира настолько запугана, что уже не думает о высоких ценностях, а преимущественно сосредоточена на мерах выживания.

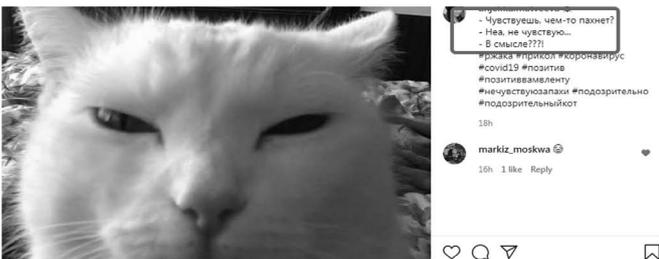

Рис. 11. Юмористическая карикатура об отсутствии обоняния при заболевании коронавирусной инфекцией

Имплицидность КИ «Чувствуешь, чем-то пахнет?» сосредоточена на главном симптоме Covid-19 – anosmia (отсутствии возможности чувствовать запахи), а также включает упоминание об истеризированном обществе, фобическое состояние которого опирается на страх заболеть коронавирусом – ипохондрию и нозофобию. Иронизирование нетерпимости к больным во время пандемии является профилактикой массового психоза, возникшего из-за Covid-19, и грамотным ответом на последствия психоактивной (информационной) войны.

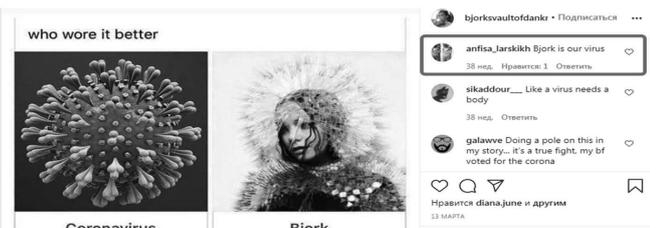

Рис. 12. Who wore it better [13] («Кому что лучше идёт»). Instagram

КИ «Like a virus needs a body» [13] – «Как же вирус нуждается в теле» – очень концептуально, имплицитное значение сосредоточено на том, что коронавирус Covid-19 нашёл своего хозяина (из животного переключался в организм человека), которого может прекрасно паразитировать.

California COVID-19 lockdown measures are met with skepticism but may offer the best hope

Рис. 13. California covid-19 lockdown measures are met with skepticism but may offer the best hope [15] («Калифорнийские меры по блокировке covid-19 встречены скептически, однако, может они к лучшему»)

Ироничность детерминирована критической ситуацией, в которой сейчас находятся все страны – больницы переполнены пациентами, но люди всё равно опрометчиво собираются в толпы для демонстраций, хотя рекомендовано дистанцироваться. Также КИ обналичивает недалёковидность калифорнийцев; эмоциональное напряжение «подчёркивается» многоточием, иронизированно указывая на то, что люди идут на демонстрацию, не потому, что они живут в демократическом обществе, а по глупости. Данная КИ – признак информационной войны: «Ментальные (психологические) – это контентные войны, имеющие своей целью изменение массового, группового и индивидуального сознания или психики» [2, с. 8]. Коннотация КИ: один пласт населения относится ответственно к режиму самоизоляции и выполняет рекомендации ВОЗ, а другие не заботятся об этом, что вызывает конфронтации.

Имплицитный способ эмоционального воздействия на реципиентов зависит от предмета и объекта воздействия, мотивации адресанта. Данные КИ «работают» в нескольких направлениях:

1. экономическое (с целью наживы);
2. психоэмоциональное – деструктуризация социума (способ разрушения государства изнутри);
3. оппозиционное (способ смены лиц правительства на новое верховное руководство) и т.д. Политологи и психологи с целью стабилизации ситуации осуществляют мониторинг данных сообщений посредством SEO-алгоритмов, модеррируют контент и дискутируют в качестве обычных пользователей-коммуникантов. Хейтеры, тролли и оппозиция усугубляют эмоциональное напряжение, вызывая посредством КИ революционные волнения, вплоть до инициирования смены

руководства.

Выводы:

1. современные КИ в Интернете – эффективный имплицитный способ эмоционального воздействия на реципиентов;
2. в отличие от рекламы, имплицитные КИ ориентированы на навязывание чужих целей, идей, концепций, являясь оружием информационной войны;
3. посредством КИ специалисты могут провоцировать народные волнения или помогать стабилизи-

- ровать социальные взаимоотношения;
4. главной отличительной особенностью КИ в английском и русском языках в социальных сетях является активность пользователей: в англоязычных источниках комментарии адресантов малочисленны, сдержанны, очень редко оппозиционны; пользователи русскоязычного контента откровенно высказывают свою гражданскую позицию, позитивное или негативное мнение, принимают активное участие в дискуссиях;
 - (5) выводы можно использовать в борьбе с кибер-терроризмом, психологическим давлением или когнитивной де-структуризацией социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. В ВОЗ предупредили о риске новой пандемии из-за неконтролируемого приема антибиотиков. ТАСС. Статья от 30.11.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10132455>. Date: 08.11.2020.
2. Воронова, О.Е. Современные информационные войны: типология и технологии [Текст]: монография / О.Е. Воронова; Министерство образования и науки РФ, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина». – Рязань: РГУ им. С.А. Есенина, 2018. – 187 с.
3. Коронавирус и экология: как новый вирус меняет планету. Pikabu. Статья: апр. 2020. URL: https://pikabu.ru/story/koronavirus_i_yekologiya_kak_novyy_virus_menyaet_planetu_7296331. Дата обращения: 08.12.2020.
4. Крамченко, В. Коронавирус Covid-19. Яндекс.Здоровье. URL: <https://yandex.ru/health/turbo/articles>. Date: 07.12.2020.
5. Лечат ли коронавирусную инфекцию антибиотиками? Medical Insider. Статья от 2 июля 2020. URL: <https://yandex.ru/turbo/medicalinsider.ru/s/news/lechat-li-koronavirusnuyu-infekciyu-antibiotikami/>.
6. Лукашенко объяснил, почему в Белоруссии не ввели карантин. Статья от 27.03.2020. URL: <https://ria.ru/20200327/1569242093.html>. 08.12.2020.
7. Профессор Михаил Бала: вирус имеет все признаки биологического оружия. Pikabu. URL: https://pikabu.ru/story/professor_mikhail_bala_virus_imeet_vse_priznaki_biologicheskogo_oruzhiya_7844880. Date: 08.12.2020.
8. Сергеева, Ю. Вся статистика интернета на 2020 год – цифры и тренды в мире и в России. WebCanape. Статья от 03.02.2020. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/>. 07.12.2020.
9. #стопкоронавирус. Instagram. Date: 07.12.2020.
10. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. – № 7 (85), ч. 1. – 216 с.
11. Фоер, Д. Atlas Obscura. Самые необыкновенные места планеты / Д. Фоер, Д. Тюрис, Э. Мортон; пер. с англ. [Н. Беловой и др.]. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 470 с.
12. Этот странный коронавирус: кара Божья или оружие? Большой Ростов. Статья от 01.02.2020. URL: <https://big-rostov.ru/etot-strannyj-koronavirus-kara-bozhya-ili-oruzhie/>. Дата обращения: 08.12.2020.
13. bjorksvaultofthankmemes. Instagram. Date: 08.12.2020.
14. coronavirus.official. Instagram. Date: 08.12.2020.
15. coronavirus.update. Instagram. Date: 08.12.2020.
16. coronavirus.update. Date: 05.12.2020.
17. Fedschun, T. Coronavirus is punishment for sanctions, US must 'also feel the pain,' Zimbabwe official says. March 16, 2020. Fox News. URL: <https://www.foxnews.com/world/coronavirus-us-zimbabwe-sanction-pain-viral-outbreak>. Date: 08.12.2020.
18. Karencantuq. Instagram. Date: 07.12.2020.
19. lukashenko_president. Instagram. Date: 07.12.2020.
20. President Lukashenko says what will/might happen after coronavirus. 07 апр. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wuGUvdnAUMw>.
21. russia_president. Instagram. Date: 07.12.2020.
22. Schnell, L. Is the coronavirus an act of God? Faith leaders debate tough questions amid pandemic. USA TODAY. Apr 2, 2020. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2020/04/02/coronavirus-god-christain-jewish-muslim-leaders-saying-deadly-plague/5101639002/>. Date: 08.12.2020.
23. When will the COVID-19 virus end? Quora. URL: <https://www.quora.com/When-will-the-COVID-19-virus-end>. Date: 04.12.2020.

© Маевский Владимир Михайлович (maevskiy_vm@rudn.university).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КОНСТРУКЦИЙ С НЕЛИЧНЫМИ ФОРМАМИ ГЛАГОЛА С ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Палий Юлия Владимировна

*К.п.н., доцент, Севастопольский
государственный университет
julmay19@gmail.com*

SPECIFIC FEATURES OF TRANSLATION OF CONSTRUCTIONS WITH NON-INDIVIDUAL VERB FORMS FROM SPANISH TO RUSSIAN

Yu. Palii

Summary: The present study is devoted to the issue of the usage of constructions with non-finite verb forms and their translation from Spanish into Russian. The purpose of this work is to identify the peculiarities of the usage of constructions with infinitive, participle and gerund in the novel by Camilo Jose Sela «The Beehive» and the main methods of translating these constructions from Spanish into Russian. The research methodology is based on the method of comparative analysis. The results of the study show that these constructions can reflect not only the modality and aspectuality of the action, but also convey various semantic shades. The main translation methods of transferring constructions with impersonal forms of the verb into Russian are analyzed.

Keywords: non-finite forms of the verb, infinitive, participle, gerund, translation transformations, semantic development.

Аннотация: Представленное исследование посвящено вопросу использования конструкций с неличными формами глагола и их перевода с испанского языка на русский. Целью данной работы является выявление особенностей употребления конструкций с инфинитивом, причастием и герундием в романе Камило Хосе Села «Улей» и основных приемов перевода данных конструкций с испанского языка на русский. Методология исследования построена на методе сравнительно-сопоставительного анализа. Результаты проведенного исследования показывают, что данные конструкции могут отражать не только модальность и аспектуальность действия, но и передавать различные смысловые оттенки. Проанализированы основные переводческие приемы передачи конструкций с неличными формами глагола на русский язык.

Ключевые слова: неличные формы глагола, инфинитив, причастие, герундий, переводческие трансформации, смысловое развитие.

Введение

Глагол является наиболее развитой грамматической категорией в испанском языке. Существуют три вида конструкций с неличной формой глагола: конструкции с инфинитивом, причастием, герундием.

Вопросы изучения глагола как центральной категории языка и вербоидов (неличных форм глагола) становились предметом научных исследований М.В. Ломоносова, О.К. Васильевой-Шведе [1], В.В. Виноградова [2]. Проблемы классификаций переводческих трансформаций получили освещение в работах В.Н. Комиссарова [3], Т.Р. Левицкой и А.М. Фитерман [4].

Конструкции с инфинитивом, причастием и герундием могут быть наделены различными свойствами: указание временного аспекта, модальность, передача различных смысловых оттенков в зависимости от контекста. Не имея прямых параллелей в русском языке, данные обороты могут провоцировать возникновение сложностей у переводчика в процессе работы с испанским текстом.

Грамматические различия испанского и русского языков обуславливают необходимость всевозможных преобразований, вызванных тем, что сжатость выражения мыслей на испанском языке требует введения до-

полнительных слов или предложений при переводе на русский язык. Таким образом, это позволяет говорить о трудностях при переводе, связанных, в том числе, и с конструкциями с неличной формой глагола.

Целью представленного исследования является выявление особенностей употребления конструкций с неличными формами глагола в романе Камило Хосе Села «Улей» и основных приемов перевода данных конструкций с испанского языка на русский.

Методология работы построена на методе сравнительно-сопоставительного анализа.

В настоящее время большая часть испанских грамматик ссылается на определение глагола данное Королевской Академией Испании. «Глагол – это главная часть предложения, которая служит для обозначения сущности, существования, действия, страдательности и утверждения, касающихся всех одушевленных и неодушевленных объектов, а так же для обозначения свойств, которыми эти объекты обладают, и тех, что им приписывают» [8, с. 8].

Глагол в испанском языке также является источником

образования его неличных форм: инфинитива, герундия и причастия. В сочетании с другими, определенными глаголами и предлогами, данные безличные формы образуют конструкцию, которая может отражать модальность, аспектуальность действия, указывать на дополнительный признак, отражать определенный смысловой оттенок.

Испанские грамматисты называют конструкции с инфинитивом, причастием, герундием перифрастически или описательными. Наиболее популярным среди современных испанских исследователей является разделение конструкций с неличными формами глагола на модальные конструкции и аспектуальные, согласно их семантической направленности [7, с. 213].

Отечественные лингвисты, следуя классификации, предложенной В.В. Виноградовым, как правило, разделяют конструкции с неличной формой глагола согласно модели их формирования, не опираясь на обязательное наличие описательности.

Рассмотрим примеры употребления конструкций с инфинитивом в романе Камило Хосе Селы «Улей».

Инфинитивная конструкция *empezar a + infinitivo* указывает на начало единичного действия.

«A Alfredo Ángulo Echevarría le tembraron las sienas vertiginosamente, como si tuviese calentura, y **el corazón le empezó a latir a una velocidad desusada**» [6, с. 89]. «У Альфредо-Ангуло Эчеваррия застучало в висках, закружилась, как в горячке, голова, и **сердце учащенно забило**» [5, с.113].

Оценив контекстуальное употребление конструкции автором, с целью передать интенсивность начавшегося действия, переводчик использует глагол «биться» в сочетании с приставкой «за», которая указывает на начало соответствующего действия.

Автор использует начинательную конструкцию *romper a + infinitivo*, чтобы придать дополнительный оттенок внезапности действия, подчеркнув его интенсивность:

«La chica **rompió a llorar sin saber por que**» [6, с.17]. «Девочка **разразилась слезами, не понимая причины своего расстройства**» [5, с. 33].

При переводе используется прием экспрессивной конкретизации для сохранения адекватности высказывания.

Следующий пример с собственно начинательной конструкцией с глаголом *lirse* указывает на то, что одушевленный объект совершает действие неохотно, против собственной воли:

«Ayer **me lié a trabajar** y no salí todo el día de la casa»

[6, с.21]. «Вчера **я ввязался в работу** и не выходил из дому целый день» [5, с.36].

Глагол «ввязываться» указывает на то, что совершенное действие – вынужденное. При переводе данного предложения был использован метод грамматической замены, так как сочетаемость глагола «ввязываться» в русском языке ограничена, таким образом глагол *trabajar* был переведен существительным «работа». Данная конструкция не является популярной и часто употребляемой.

Конструкция *acabar por + infinitivo* указывает на то, что действие совершаемое объектом является вынужденным и неизбежным. Для передачи данного смыслового оттенка в русском языке переводчик, прибегнув к добавлению, использует наречие «наконец», которое также несет в себе значение терминативности, указывая на то, что завершённое действие было ожидаемым в связи с обстоятельствами:

«A Pepe le gusta mucho decir frases lapidarias en los momentos del mal humor. Después se va distraendo poco a poco y **acaba por olvidarse de todo**» [6, с. 119]. «Когда Пепе не в духе, ему нравится отпускать вот такие короткие ругательства. Потом он отвлечется то тем, то другим, и, **наконец, обо всем забудет**» [5, с.136].

Практически все конструкции со страдательным причастием указывают на результат какого-либо действия или же на результат обусловленный обстоятельствами, событиями.

«**Estoy casado, pero con la que usted conoce. Y esta la madre de mis hijos, esta casada también, pero no conmigo**» [5, с. 37].

Данный пример является своеобразной игрой слов в испанском языке. Согласно правилам, глагол *casarse* всегда употребляется с предлогом *con*. *Conmigo* – собственное местоимение, образованное путем слияния предлога *con* с производной формой от местоимения *me (mi)*. Таким образом, герой романа «Улей» сообщает об отсутствии духовной близости в его отношениях с супругой, ведь он женат на ней, но она не видит его своим мужем, испытывает чувства к другому.

Предпочтительными глаголами для образования герундиальной конструкции считаются глаголы, которые называют активное действие, глаголы движения.

«Hoy un coctel, mañana una cita, el domingo la playa, y **vas distraendote, pero todos los días son iguales**» [5, с.130].

Для усиления переводчик использует разговорное наречие «все», чтобы продемонстрировать, что данный образ жизни (метод осуществления действия) является безрезультативным.

Заключение

Таким образом, конструкции с инфинитивом, причастием и герундием являются неотъемлемым элементом испанского языка и указывают на его высокий уровень развитости, а так же вносят свою лепту в процесс преобразования языка в более лаконичный, наряду с изменениями в области фонетики и лексикологии. Передача смысловых особенностей или временных конструкции с неличной формой глагола могут вызвать сложности при переводе на русский язык.

В романе Камило Хосе Селы «Улей», среди конструкций с инфинитивом наиболее частотными являются конструкции *ir a + infinitivo*, *ponerse a + infinitivo*, *volver a + infinitivo*, *tener que + infinitivo*. Оттенки начинательных и собственно начинательных конструкций отличаются семантически и данный факт следует учитывать при переводе. Конструкции с глаголами *empezar*, *comenzar*, *principiar* указывают на объективное начало действия, без субъективной оценки. В конструкциях с глаголом *ponerse* выражается определенная заинтересованность

субъекта действия (если он одушевленный) в том, чтобы действие началось и активно осуществлялось. При неодушевленном субъекте действия конструкция указывает на более интенсивное начало действия. Глагол *liar* указывает на действие, начатое против воли объекта, обусловленное обстоятельствами.

Герундиальные конструкции, в отличие от конструкций с инфинитивом, не обладают многообразием глаголов, которые могут принимать участие в их формировании. Роман «Улей» считается произведением, в котором основной акцент сфокусирован на внутреннем самоощущении героев, этим объясняется небольшой процент употребления герундиальных конструкций, поскольку они чаще всего употребляются для описания динамичности действий, быстрой смены событий.

В качестве основных переводческих приемов, использованных при переводе конструкций с неличными формами глагола, можно выделить следующие: добавление, смысловое развитие, описательный перевод, антонимический перевод, грамматическая замена, опущение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В. Теоретическая грамматика испанского языка: Морфология и синтаксис частей речи // М.: Высшая школа, 1972.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове // М.: Русский язык, 2001.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода: лингвистические аспекты // М.: Высш. шк, 1990.
4. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Проблемы перевода // М.: Международные отношения, 1976.
5. Села К.Х. [Camilo Jose Cela] Улей: Пер. с исп. Е. Лысенко // М.: Махаон, 2002.
6. Cela J.C. La Colmena // Argentina: Agro, 1951.
7. Di Tullio A. Gramática del español para maestros y profesores de Uruguay // Montevideo: ANEP PROLEE, 2012.
8. Gramática de la lengua Castellana, Del Verbo // Madrid: RAE. 1993.

© Палий Юлия Владимировна (julmay19@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИМПЛИКАТУРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И БЛОГАХ)

Петросян Гаяне Оганесовна
К.филол.н., Старший преподаватель, РУДН
11ga1978@mail.ru

CONVERSATIONALS IMPLICATURES OF THE RUSSIAN LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF COMMUNICATION IN SOCIAL NETWORKS AND BLOGS)

G. Petrosyan

Summary: This article examines the problem of discretionary influence of the conversational implicatures of the Russian language on the consciousness of virtual recipients who communicate in social networks and blogs. Popular blogs, accounts, and groups act as facilitators between users to whom a particular content is addressed, thereby aggregating new forms and types of postulates of speech communication. At the same time, modern communication in the Internet space is characterized by a desire to save speech resources, use conventional meanings of words and all their referents in order to make communication more transparent, which determined the appearance of various kinds of implicatures.

Keywords: conversational implicatures, social networks, blog, virtual communication, information and psychological warfare.

Аннотация: В данной статье исследуется проблематика дискреционного влияния коммуникативных импликатур русского языка на сознание виртуальных реципиентов, коммуницирующих в социальных сетях и блогах. Популярные блоги, аккаунты и группы выступают в роли фасилитаторов между пользователями, которым адресован тот или иной контент, агрегируя, тем самым новые формы и виды постулатов речевой коммуникации. При этом современное общение в Интернет-пространстве характеризуется стремлением к экономии речевых средств, использованию конвенциональных значений слов и всех их референтов с целью сделать коммуникацию более транспарентной, что детерминировало появление различного рода импликатур.

Ключевые слова: коммуникативная импликатура, социальные сети, блог, виртуальная коммуникация, информационно-психологическая война.

Многие пользователи обращаются к онлайн-платформам не только в целях виртуального взаимодействия информацией, но и для того, чтобы сагитировать людей на определенные действия, сформировать мнение реципиентов, скомпрометировать против кого-либо, «вложить в головы» адресатов конкретную концепцию и пр. Неформальный вид общения делает коммуникацию более простой и доступной для различных слоев населения и, как правило, вызывает больше доверия, чем информация из официальных источников: слухи и сплетни распространяются быстрее, их сложно опровергнуть из-за огромных просторов Интернет-пространства, а различные многофункциональные графические редакторы (*Photoshop, Gravit Designer, Vectr, Photo Pos Pro* и пр.) способны создавать иллюзию достоверности излагаемых «фактов». Таким образом, оппозиция и другие заинтересованные лица, и организации намеренно внедряют в социальные сети различные текстовые сообщения в собственных целях: от расширения читательской аудитории для монетизации ресурса, до увеличения количества потребителей товаров и услуг, от внедрения политических идей революционного плана до массового запугивания (например, в ситуации с коронавирусной инфекцией пандемией Covid-19).

Если в 2004 году появилась первая социальная сеть, позволяющая общаться вне профессиональных (в т.ч. военных) целей и насчитывала единицы реципиентов, то в настоящий момент (2020 год) охват россиян, имеющих активные аккаунты, достиг нескольких тысяч пользователей (см. рис. 1).

При этом существуют спецслужбы (модераторы контента), отслеживающие информацию деструктивного, компрометирующего, недостоверного характера с целью ее ликвидации. Это осуществляется преимущественно посредством хештегов и других инструментов. Поэтому для того, чтобы информация не была заблокированной или удаленной из сети, а стала доступной как можно большему числу пользователей, адресанты активно используют коммуникативные импликатуры, позволяя избегать эксплицитности высказывания и, тем самым, уклоняясь от наказаний со стороны компетентных служб.

Благодаря своей имплицитности, коммуникативные импликатуры являются эффективным методом общения, поэтому способны выступать в роли стратегического оружия в социальных сетях и блогах, призывая население к тем или иным действиям/бездействию, выполняя,

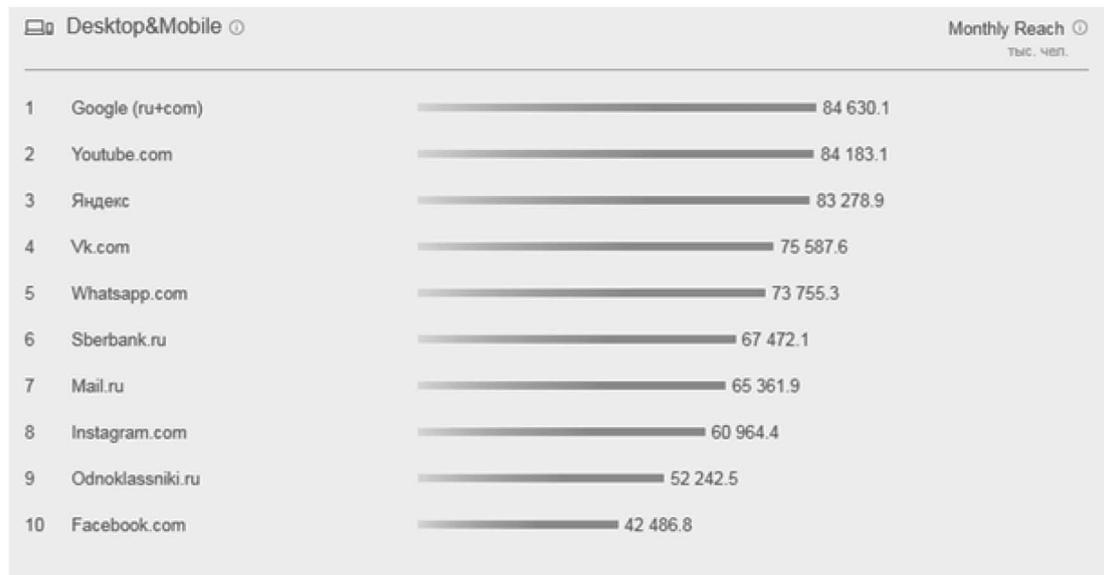

Рис. 1. Количество человек, заходящих хотя бы 1 раз за месяц в социальную сеть. Апрель, 2020 год [19]

тем самым, определенные задачи, обусловленные целеполаганием информационной войны.

Напомним, что одним из самых эффективных оружий в эпоху глобализации, технологизации и информатизации общества являются СМИ и Интернет-контент. Исходя из исследований Н.П. Араповой (2007), информационно-психологическая война является альтернативным способом «насильственного упорядочивания общественных взаимоотношений, вызванным проецированием традиционных военно-политических отношений на реалии информационного общественного устройства и, непосредственно, социума» [1, с. 37], «достижение психологического эффекта», – полагает А.А. Гостев (2017), – «ведётся посредством информационных/дезинформационных атак... на системы индивидуального, группового и общественного сознания..., и на поведение социальных общностей, включая целые народы и государства» [2, с. 56].

«Информационная Война (или кибервойна – прим. автора) – это коммуникационный социальный конфликт в информационном пространстве» [22, р. 1]. По мнению К. Giles (2015), каналы и методы кибервойны охватывают широкий спектр инструментов, включая компьютеры, смартфоны, реальные или придуманные средства массовой информации (далее – СМИ), заявления лидеров или знаменитостей, онлайн-кампании троллей, текстовые сообщения, *vox pops* заинтересованных граждан (т.е. мнения людей, их неофициально записанные разговоры в общественных местах), видео на *YouTube* или прямые подходы к отдельным «живым мишеням» [16, р. 4].

Имплицативная интенция адресанта вполне может быть ориентирована на решение более серьезных стратегических и тактических задач: формирование како-

го-либо мнения в отношении конкретного предмета / объекта посредством виртуальной коммуникации. Так, согласно концепции И.А. Шаронова (2008), «коммуникативные импликатуры, которые представляют из себя отклонения от предполагаемой оценки предмета речи ради соблюдения основных принципов общения, играют особую роль в мейотически маркированной коммуникации» [8, с. 219].

Грайс (*Paul Herbert Grice*) «выделяет два класса импликатур – конвенциональные и речевые, отличающиеся механизмами порождения» [4, с. 84]. Для коммуникативных импликатур (т.е. разговорных, англ. – *conversational implicatures*) характерен небуквальный смысл сказанного, часто, с имплицитным значением, интерпретируемым адресатом «на свое усмотрение», т.е. реципиент самостоятельно делает вывод относительно того, что адресант хотел до него донести тем или иным высказыванием.

Как отмечает в своих исследованиях Грайс, «исключительная интерпретация – это обобщенная коммуникативная импликатура» [18]. В то время как при прямой коммуникации общение происходит с использованием невербальных средств, включая мимику, жесты, интонацию и когнитивную базу того или иного национально-лингвокультурного сообщества (общие фоновые знания), выступающие в роли пресуппозиции текста, что делает общение более понятным и транспарентным, виртуальный дискурс в социальных сетях часто исключает данные презумпции, обеспечивая необходимый семантический компонент и наличие смысла в высказываниях посредством знания конвенциональных значений используемых слов и их референтов, контекста высказывания и эмоджи (англ. *emoji* – графического языка и пиктограмм, используемых в письменных текстах для

обозначения эмоций).

D. Wilson & D. Sperber (1981) полагают, что Грайс пытался создать рамки, в которые можно было бы вписать каждый аспект интерпретации высказывания. Учёный делал большой акцент на различии между тем, что сказано фактически, и тем, что подразумевается имплицитно, предполагая, что каждый аспект интерпретации может быть отнесен к той или иной категории. При этом *D. Wilson & D. Sperber* (1981) подчеркивают, следующее: что говорится (какую пропозицию высказывания необходимо выразить), в значительной степени определяется лингвистическим правилом, в то время как то, что подразумевается, преимущественно детерминируется социальными и другими максимами [23, с. 156].

По мнению *R. Carston & A. Hall* (2016), отличия дефиниций «экспликаатура» и «импликаатура» являются одним из проявлений различий между эксплицитным содержанием высказывания и его имплицитным значением. В некоторых «минималистских» подходах эксплицитное и имплицитное различия приравниваются к семантическому и прагматическому отличиям, т.е. к концепции Грайса. Однако понятие «экспликаатура», принадлежащее к прагматической структуре теории релевантности, имеет более тесные связи с широкой «контекстуальной» перспективой, согласно которой контекстно-зависимые прагматические процессы вносят гораздо больший вклад в эксплицитно передаваемое предложение, чем просто разрешение двусмысленностей и предоставление референтов для индексаций. Важно отметить, что существуют прагматические процессы обогащения и корректировки смысла, которые не имеют лингвистического мандата, но полностью мотивированы соображениями значимости коммуникативной. Итак, (1) эксплицитное содержание высказывания может включать компоненты, которые не артикулируются в лингвистической форме сообщения, и (2) некоторые импликации Грайса – компоненты эксплицитно сообщаемого содержания, обусловленного истиной [14, с. 1]. При этом З.К. Темиргазина (2015) акцентирует внимание на том, что «коммуникативные импликации не входят в собственно языковое эксплицитное (буквальное) содержание высказывания и могут иметь неконвенциональный характер» [9, с. 85].

В прагматике понятие «коммуникативная импликаатура» интерпретируется *R. Nordquist* (2020) как косвенный или имплицитный речевой акт: то, что подразумевается под высказыванием говорящего, которое не является частью того, что явно сказано. Данный термин также известен как «импликаатура» и выступает в роли антонима дефиниции «экспликаатура» (т.е. явно сообщаемого постулата) [20]. Согласно исследованиям *J. Moeschler* (2012), в последние 20 лет концепция имплицитных форм стала стержневой теорией нового прагматиче-

ского взгляда на смысл дискурса. При этом дефиниция «импликаатура» определяется учёным, как новый способ описания значения [19].

Коммуникативные импликации – это прагматические умозаключения, которые, в отличие от подтекстов и пресуппозиций, не привязаны к конкретным словам и фразам в высказывании, а возникают из контекстуальных факторов и понимания того, что в разговоре соблюдаются условности (*Gricean*, 2016) [17, с. 1]. Неограйсовская прагматика (*Neo-Gricean pragmatics*), – подчеркивает в своём исследовании *R. Rooy* (2003), – стремится свести максимы разговора Грайса к так называемым принципам *Q* и *I*, используемые для объяснения многих коммуникативных импликаций. *Q*-принцип (реализация первой максимы Грайса о количестве) «рекомендует» адресанту говорить столько, сколько он может, чтобы выполнить свои коммуникативные намерения, в то время как *I*-принцип (реализация второй максимы Грайса, за исключением качества) советует коммуниканту говорить не больше, чем он должен, чтобы выполнить эти цели. Оба принципа помогают усилить то, что сообщается в высказывании. *Q*-принцип подразумевает, что говорящий не намеревался сообщить противоположное и более сильное в информационном отношении высказывание. Данный принцип является метаязыковым и объясняет, как скалярные, так и клаузуальные импликации [21, р. 284]. Полагаем, *Q* и *I*-принципы часто используются при виртуальном общении.

Так как современное общество регулярно использует для общения Интернет, в настоящее время в виртуальном пространстве блогов и социальных сетей присутствует огромное количество коммуникативных импликаций, которые можно условно дифференцировать на: бытовые, политические, медицинские (эпидемиологические), педагогические, научные, развлекательные, оппозиционные, компрометирующие, социальные, «экологические», деструктивные (с целью завлечения в секту или деструктивные игры / группы смерти, например, «Синий кит»), хейтерские, религиозные, PR-компании и/или черный PR и пр., при этом их (коммуникативные импликации) также релевантно декомпозировать на благоприятно и неблагоприятно воздействующие на психоэмоциональный фон и умонастроения реципиентов, вплоть до когнитивных процессов пользователей. Нами создана схема, определяющая степень и алгоритм воздействия коммуникативных импликаций в социальных сетях и блогах на различные сферы общественной жизни (см. рисунок 2):

На данном рисунке представлены различные виды влияния коммуникативных импликаций, которые коррелируют между собой, а именно, как посредством «бытовой», так и при помощи «официальной» коммуникаций адресанты способны воздействовать на адресатов, об-

Влияние коммуникативных импликатур в социальных сетях и блогах на различные сферы общественной жизни

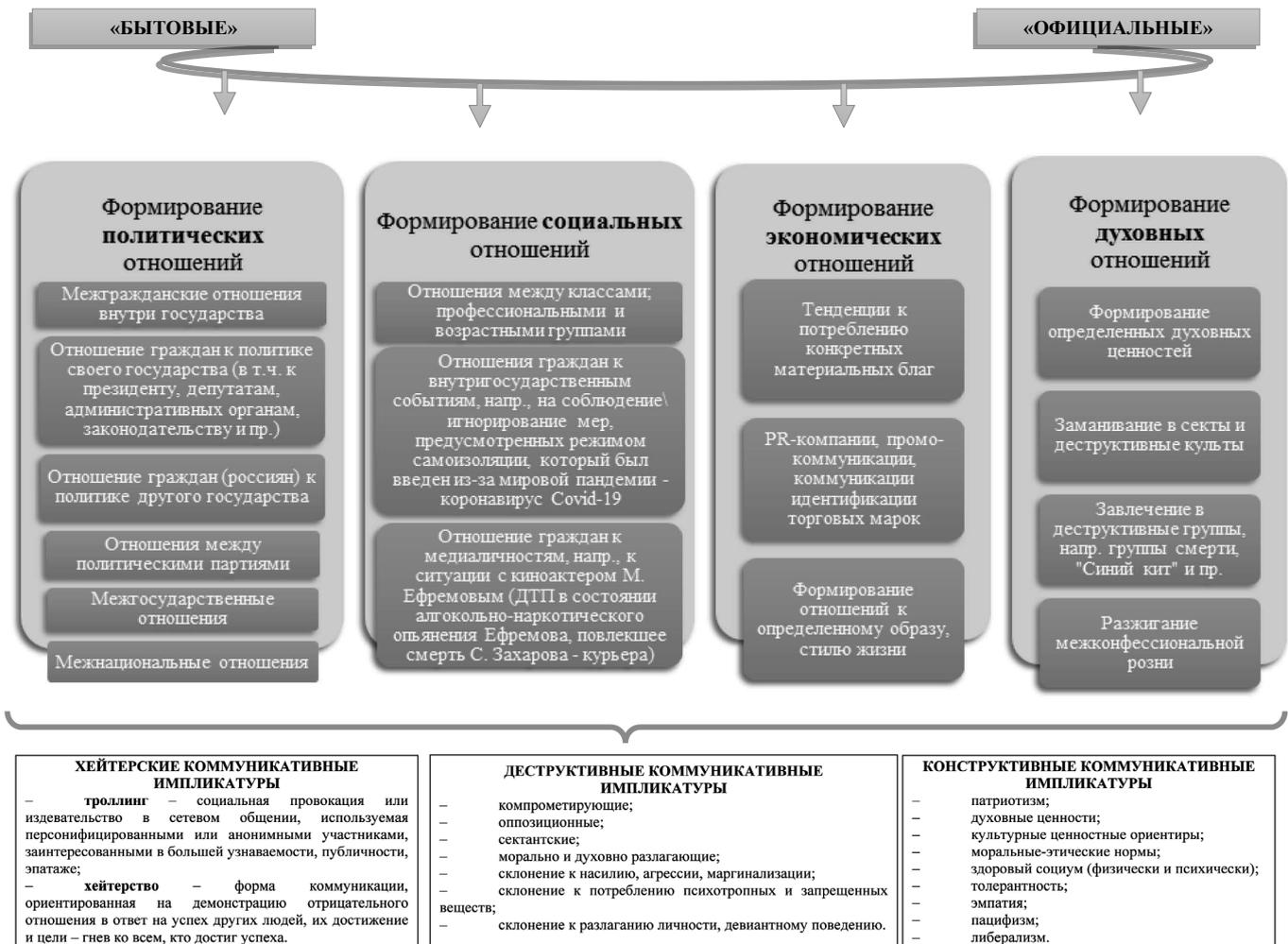

Рис. 2. Виды влияния коммуникативных импликатур в социальных сетях и блогах на различные сферы общественной жизни (рисунки автора)

ращаясь к различным типам отношений. Например, при формировании политических отношений, инициируются определенные тенденции касательно конкретного образа жизни, национальностей или взаимоотношений между конфессиями, при этом целеполагание сообщений адресантов может иметь как негативные, так и позитивные коннотации, а модели убеждающих импликатур при этом могут иметь как ложное, так и истинное значение.

Ярким примером служит эпидемиологическая ситуация с пандемией коронавируса Covid-19, которая спровоцировала массовые кривотолки, имеющие самые различные цели: от убеждения в целесообразности оптовых закупок антисептических средств и средств индивидуальной защиты (коммерческий интерес), до попыток спровоцировать массовую истерию и сыницировать компрометирующие действия граждан против правительства Российской Федерации (далее – РФ), а также призвать выступить против поправок к Конституции РФ [6], подписание которых всё же состоялось, на-

помним, 02 июля 2020 года.

Ввиду вирулентного воздействия на массовое сознание фейковой информации, активно распространяемой в социальных сетях и блогах, о ситуации с эпидемиологической обстановкой, на территории России введена уголовная и административная ответственность за распространение заведомо ложной информации о коронавирусе или «недостовверно общественно значимой информации» (ФЗ от 01.04.2020 №99-ФЗ ст. 6.3 КоАП РФ, ст. 13.15 КоАП РФ [11], и ФЗ от 01.04.2020 №100-ФЗ ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ [10]). Принятие данных поправок в Конституции РФ заставило адресантов-оппозиционеров обратиться к другой форме информационного оружия – убеждающим коммуникативным импликатурам с имплицитным контекстом.

Исходя из концепции И.Ю. Хандархаевой (2015), существуют определенные модели убеждающей коммуникации, агрегирующие в себе два основополагающих

момента: (1) как правило, **убеждение**, выступает в роли попытки социального воздействия, выражающее намерение адресанта или группы адресантов модифицировать или произвести какие-либо изменения мнения адресата / группы адресатов; (2) основным способом реализации данного намерения является **коммуникация**. «Главным же отличием убеждения от других форм социального воздействия является акцент на сообщении, содержащем аргументы» [13, с. 49]. Полагаем, в виртуальном общении могут быть использованы как эксплицитные (выражающиеся в прямых номинациях, оценочных суждениях и пр.), так и имплицитные коммуникативные имплицитур – в зависимости от целеполагания адресантов. Тем не менее, согласно психологическим аспектам, реципиент не приемлет прямые способы воздействия, тем более, от неизвестных ему адресантов, поэтому отправители обращаются к имплицитной семантике убеждения.

Рассмотрим информальную корреляцию коммуникативных имплицатур на конкретных примерах, отражающих, каким образом декомпозированные нами сферы

формирования отношений (см. рис. 2) влияют друг на друга в социальных сетях. Например, в настоящий момент (июль, 2020 год) в блогах и мессенджерах активно распространяется информация, провоцирующая граждан выступить против законопроекта, касающегося дистанционного обучения [12]. Однако, когда адресаты просят прокомментировать данную информацию, адресанты не способны привести логических доводов, аргументирующих оппозиционное мнение. Более того, при внимательном прочтении данного документа наблюдается отсутствие отсылок к тем изменениям, которые нанесут ущерб российской системе образования, новые идеи по развитию дистанционного образования в стране предусмотрены с сохранением традиционной формы обучения, что подчеркивает недостоверность распространяемых коммуникативных имплицатур. В качестве примера представим скриншоты двух разных групп в *WhatsApp*, где коммуниканты призывают проголосовать против инноваций:

Согласно сообщениям на рисунках 3 и 4, адресанты

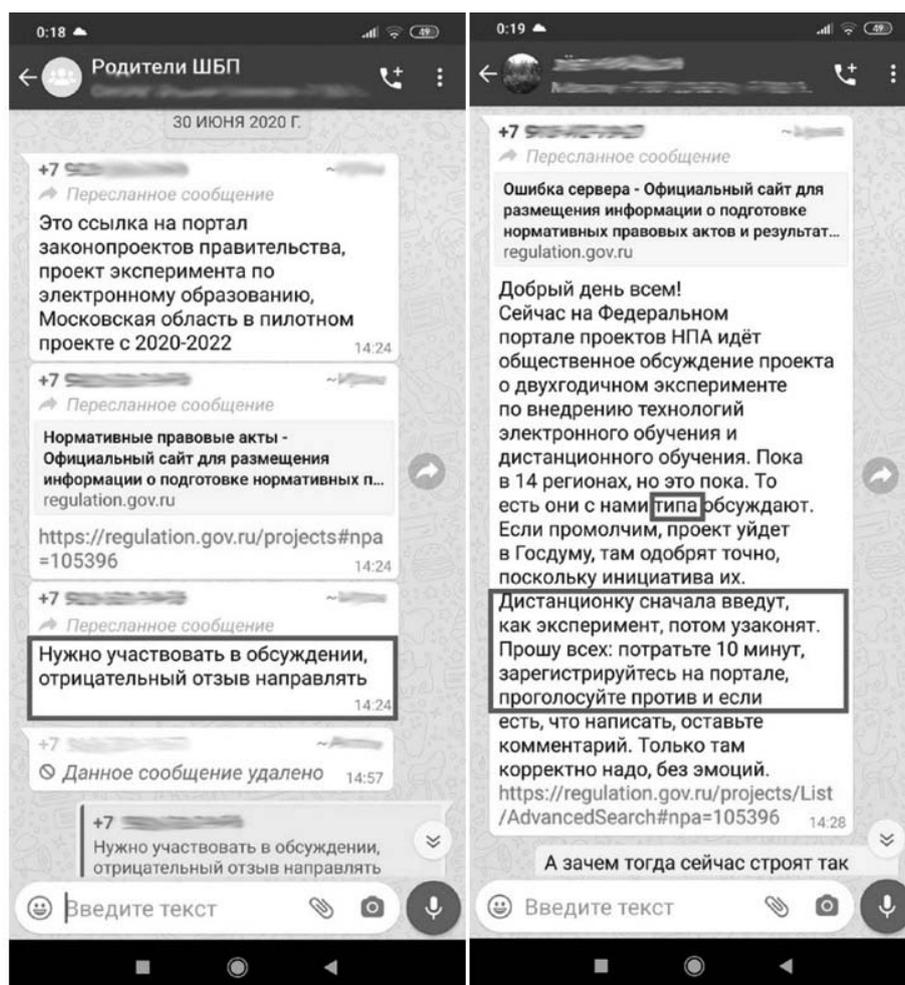

Рис. 3 и 4. Провокации, касающиеся принятия поправок в законе о реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий

просят выступить против поправок, не аргументировав своего мнения. Также видно, что это **пересланные** сообщения, соответственно, они имеют массовое распространение. Что характерно, в первой виртуальной группе 61 коммуникант, во второй – 39 участников, полагаем, среди них нашлись лица, которые бездумно выступили против поправок и переслали вышеупомянутые сообщения другим лицам. При этом при просьбе пояснить, в каком именно разделе данные адресанты увидели поправки, гласящие, что всё обучение станет дистанционным и будет реализовано на удаленной основе, отправители сообщения воздержались от комментариев, т.к. данная информация в ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ ст. 16 [12] отсутствует.

Таким образом, в коммуникативных импликатурах «Нужно участвовать в обсуждении, **отрицательный отзыв направить**» и «Дистанционку сначала введут, как эксперимент, потом узаконят... **проголосуйте против...**» можно проследить тенденции оппозиции против власти РФ (согласно рис. 2 речь идет о формировании политических отношений в переписке «бытового» характера), коррелирующие с формированием социальных аспектов, касающихся отношений граждан к внутригосударственным событиям (см. рис. 2).

Далее рассмотрим пример медицинской статьи о коронавирусе Covid-19 под заголовком «*Коронавирус Covid-19. Только актуальная и достоверная информация. Доказательная медицина для всех*» [7] (далее – «*Коронавирус Covid-19*»), в которой посредством коммуникативных импликатур адресанты пытаются в теме о пандемии призвать реципиентов не верить в эпидемиологическую обстановку в мире, выступить против принятия поправок в Конституции РФ [6], нарушать режим самоизоляции, пренебрегать мерами предосторожности и индивидуальной защитой, а также утверждают, что в рядах высшего коллегиального исполнительного органа государственного управления существует заговор против россиян, подчеркивают, что СМИ нагнетают обстановку и держат население в страхе ради выгоды (неизвестной этиологии), заявляют о вирулентности предпринимаемых карантинных мер и пр. Практически все дифференцированные нами отношения, формируемые посредством коммуникативных импликатур (политические, социальные, экономические – см. рис. 2) фигурируют в комментариях при обсуждении медицинской статьи о коронавирусе.

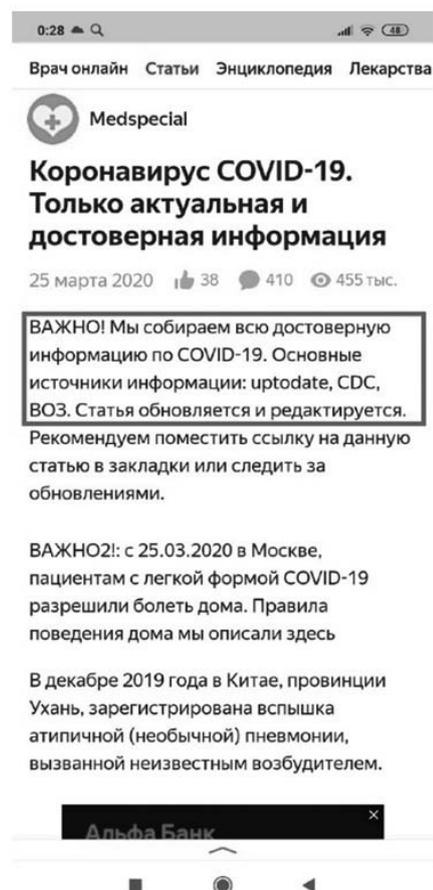

Рис. 5. Заявление редакции Medspecial.ru о том, что информационный контент достоверен

При исследовании официального сайта Medspecial.ru – «Доказательная медицина для всех», где информация проверяется врачами (об этом гласит первый абзац статьи на скриншоте), многие адресаты интуитивно начинают доверять написанному, в том числе, комментариям после статьи о пандемии. Однако профессионалами и модераторами проверяются на достоверность только сами статьи, но не комментарии читателей, которые, при соблюдении простых этических норм, могут писать любое свое мнение касательно вышесказанного.

В данном сообщении первый адресант заявляет о том, что пандемии не существует: «*Этой пандемии и не было!*», чем провоцирует читателей, не способных мыслить критически и обладающих конспирологическим сознанием, игнорировать предписания режима самоизоляции, не доверять медикам и мерам, предпринимаемым правительством РФ, связанным с мировой эпидемиологической обстановкой. Второй участник беседы нагнетает ситуацию посредством коммуникативной импликатуры: «*В Китае новая вспышка*», а именно, в то время, когда официальными источниками стала распространяться информация о том, что в Китае пандемия побеждена и, соответственно, в России также в ближайшем

времени наступит благоприятная эпидемиологическая обстановка, смысл данной коммуникативной имплицатуры заключается в том, что ситуация безысходна и население обречено болеть еще очень долго, т.к. даже в КНР поле долгой борьбы медиков и правительств, коронавирус Covid-19 вновь стал прогрессировать. Третье сообщение: «*кт облучение иммунитет стресс антибиотики могут убить*» на рис. 6 призывает население не делать КТ (компьютерную томографию органов грудной полости (КТ легких) – важное лабораторное исследование на Covid-19, результаты которого являются одними из самых достоверных показателей наличия / отсутствия заболевания), контекст высказывания ложно гласит, что КТ – это радиоактивное облучение организма, которое снижает и без того ослабленный коронавирусом иммунитет и нейтрализует действие лекарственных препаратов. Тем самым, адресант подвергает риску здоровье и жизни читателей.

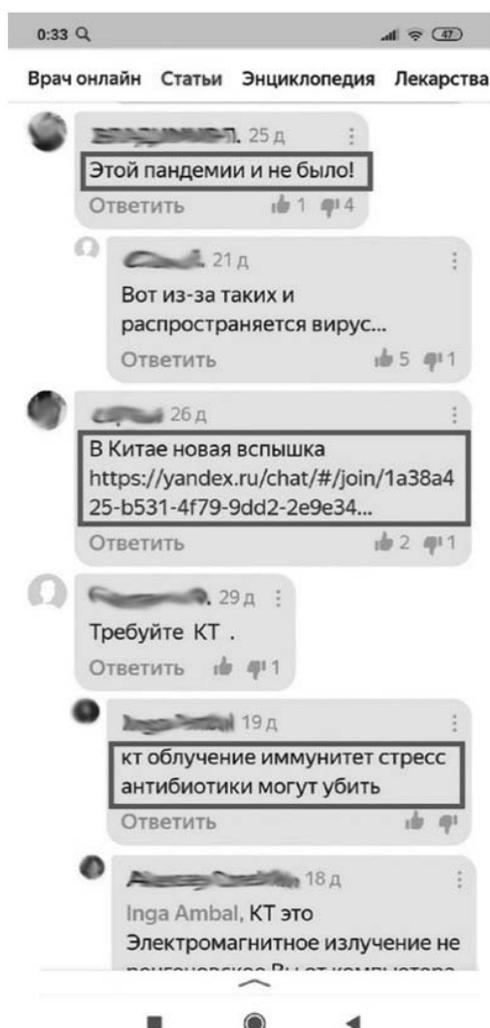

Рис. 6. Комментарии к статье «Коронавирус Covid-19»

Коммуникативная имплицатура: «Вирус, конечно есть, но не страшнее гриппа. Нам говорят, что много

умирают... Но среди моих знакомых нет зараженных...» говорит о том, что коронавирус Covid-19 болезнь неопасная, соответственно, власти обманывают россиян и зря вводят режим самоизоляции, при этом адресант аргументирует свой вывод тем, что у него «нет заболевших знакомых».

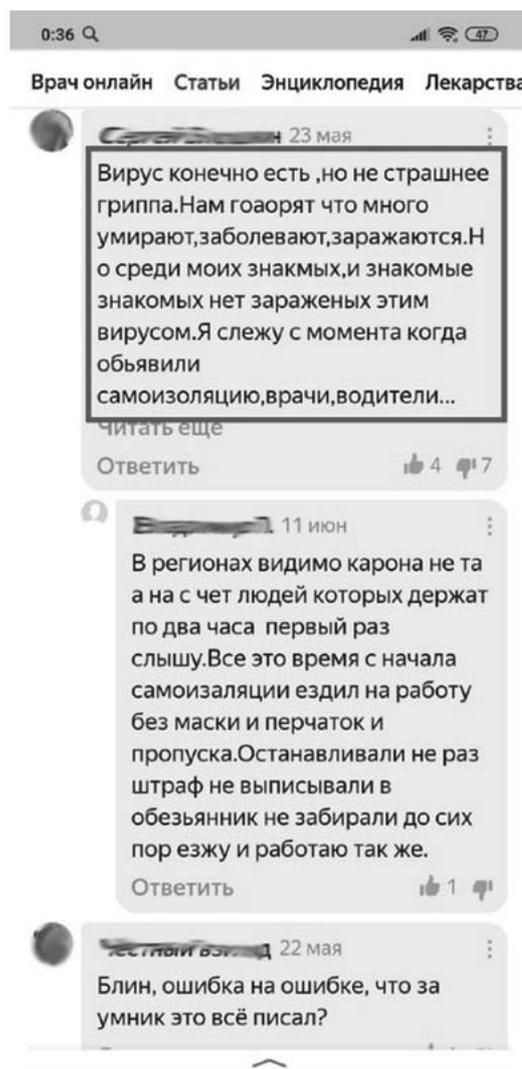

Рис. 7. Комментарии к статье «Коронавирус Covid-19»

На рисунке 8 коммуникант заявляет о недостоверности сведений, освещаемых официальными СМИ и, соответственно, о методах манипулирования общественностью: «СМИ постоянно нагнетают обстановку...». В данной коммуникативной имплицатуре прослеживается попытка формирования **социальных** отношений, а именно, деструктивного отношения граждан к внутригосударственным событиям.

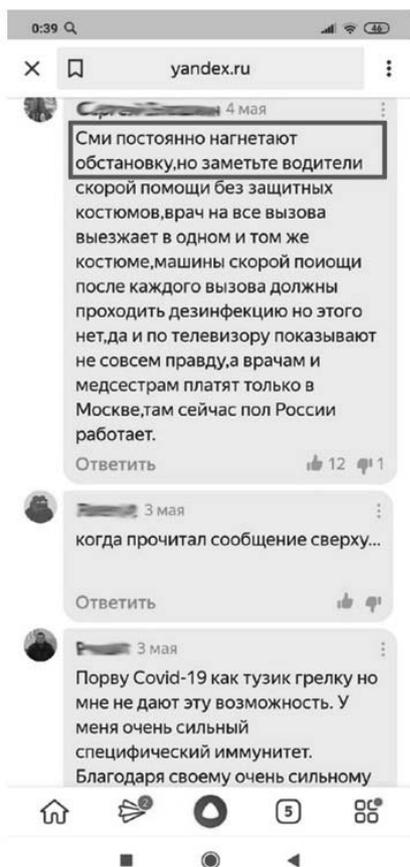

Рис. 8. Комментарии к статье «Коронавирус Covid-19»

Напомним о том, что ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения) призывает в обязательном порядке весь мир во время пандемии Covid-19 носить средства индивидуальной защиты (медицинские маски) [15]. Однако на рисунке 9 адресант подвергает под сомнение данную концепцию: «Написано же по-русски: «На сегодняшний день достоверных данных о влиянии масок на заболеваемость нет». Следующий участник беседы категорически опровергает актуальность ношения медицинских масок посредством импликатуры: «Сейчас маски – это мода и способ заработка», полагая, что данное индивидуальное средство защиты используется только в коммерческих целях (формирование экономических отношений – тенденции к потреблению конкретных материальных благ, см. рис. 2).

На следующем скриншоте (см. рис. 10) продолжается обсуждение целесообразности ношения медицинских масок для предотвращения распространения вируса. Коммуникативная импликатура «Во всем мире носят маски!» ориентирована на убеждение реципиентов в том, что данное средство защиты от Covid-19 актуально. Однако оппонент-провокатор пытается доказать свою правоту, ссылаясь на невнимательность коммуниканта посредством импликатуры: «Читаем между строк: масок нет, потому и эффективность не доказана». Далее

этот же адресант критически высказывается в адрес правительства и их неблагонадежности посредством коммуникативной импликатуры: «Масок нет... потому, что **доблестное** государство **не хочет их купить**», – здесь прилагательное «доблестное» имеет негативную коннотацию, тем самым, участник беседы подчеркивает не состоятельность правительственных структур, которые действуют таким образом «из вредности», а не по иным более серьезным причинам.

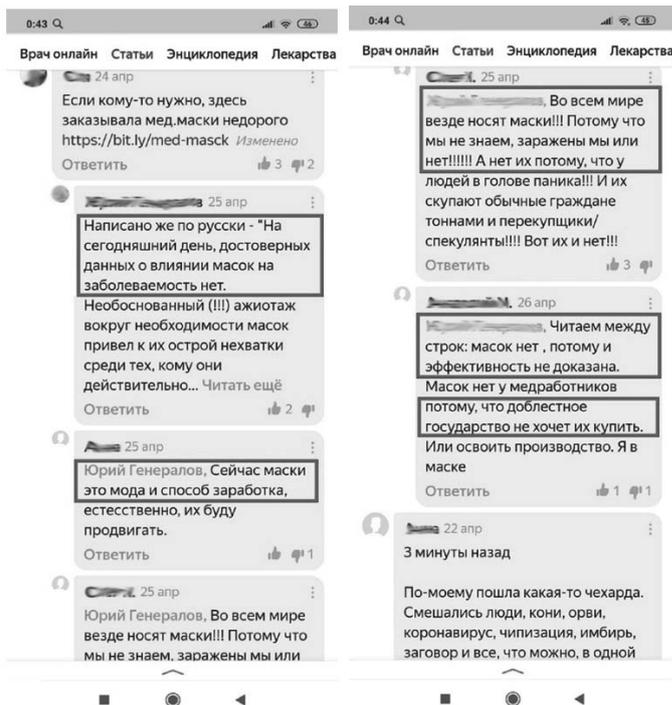

Рис. 9 и 10. Комментарии к статье «Коронавирус Covid-19»

Далее (см. рис. 11) идет продолжение той же беседы, которая отображена на рисунках 9 и 10. Комментарии к статье про коронавирус стали затрагивать поправки к Конституции РФ 2020 года [6]: «А потом пойдем как всегда дружными рядами проголосуем за Конституцию и обновление, и за Бог знает что еще», – согласно данному высказыванию, приближается момент принятия поправок в Конституции РФ которые, по мнению адресанта, способны нанести вред народонаселению России. Следующий адресант (рис. 11) пытается донести информацию о том, что руководство Министерства науки и высшего образования РФ и Министерства здравоохранения РФ не справились с задачей предугадать и предотвратить распространение пандемии Covid-19, тем самым, усугубив эпидемиологическую ситуацию в России, очевидно, сравнивая подход к науке и медицине вышестоящих инстанций с опытом прошлых лет, намекая, что в СССР врачи и ученые справились бы с данной ситуацией грамотнее и оперативнее.

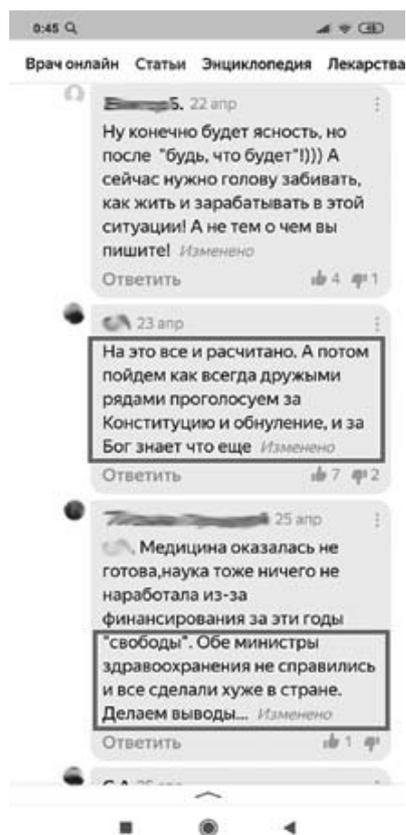

Рис. 11. Комментарии к статье «Коронавирус Covid-19»

На следующих рисунках №12, 13 и 14 представлены три скриншота, где производится попытка одного адресанта убедить участников блога в мировом заговоре против населения с целью запугать людей:

О том, что адресант (это один и тот же человек, вступивший в виртуальный полилог с разными участниками беседы) сообщает о «Теории заговора» свидетельствуют следующие коммуникативные импликатуры: (1) «Обычный грипп, которым болеют люди каждый год»¹ (умаление масштаба проблемы пандемии Covid-19); (2) «А в «африканских странах» и нет этого вируса, он есть там, где люди не довольны», (3) «А там (полагаем, в Африке – прим. автора) почему то и нет этого вируса, вирус есть там, где не доволен народ!» и (4) «Процент высок там, где недоволен народ!» – смысл данных высказываний заключается в том, что, по мнению оппозиционера, в Африканских странах нет коронавируса, так как, очевидно, там местные жители довольны своей жизнью, а в России Covid-19 «выдумало» или «внедрило» правительство РФ с целью снизить процент недовольных россиян, которых не устраивают действия административных органов; коммуникативной импликацией (4) «Процент высок там, где недоволен народ!», – адресант пытается сказать, что высокий процент заболеваемости коронавирусом Covid-19 фиксируется в тех странах, где граждане настроены против политики государства, намекая, в первую очередь, на Россию; (5) «И вы верите СМИ, очнитесь,

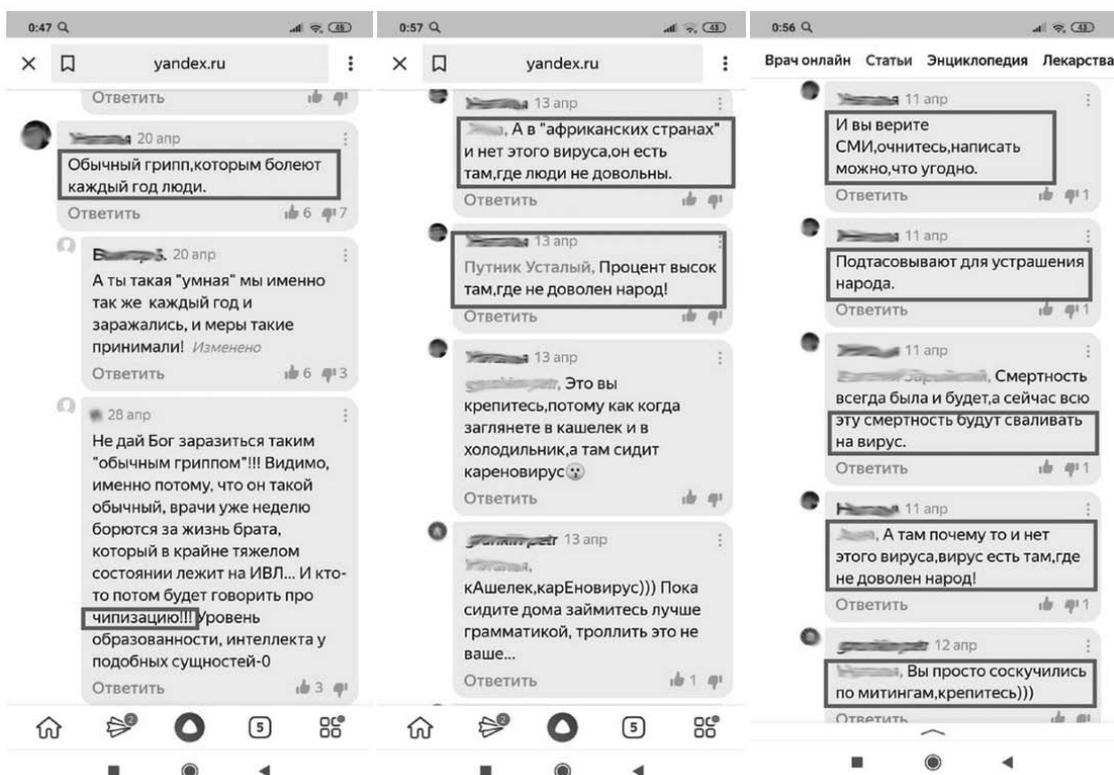

Рис. 12, 13 и 14. Комментарии к статье «Коронавирус Covid-19»

1 Орфография и пунктуация сохранена, как в первоисточнике.

написать можно, что угодно», – заявление о том, что СМИ бесконтрольно распространяет ложную информацию, которую не контролирует цензура; (6) «Подтасовывают для устрашения народа», – импликация говорит о том, что правительство пытается запугать своих граждан посредством подтасовок ложных данных о высоком риске и проценте заболеваемости коронавирусной инфекцией 2019-nCoV; (7) «Смертность была и будет, а сейчас эту смертность будут сваливать на вирус», – адресант полагает, что статистика смертности не выходит за рамки обычной, только правительство зачем-то пытается приписать ее негативному воздействию коронавируса Covid-19. Коммуникативная импликация другого адресанта «И кто-то потом будет говорить про чипизацию!!! Уровень образованности, интеллекта у подобных сущностей – 0» – это ответ коммуниканту-оппозиционеру, чьи высказывания мы рассмотрели выше. Говоря о чипизации, адресант имеет в виду «Теорию заговора», предполагающую посредством прививок от коронавируса Covid-19 ввести чипы в каждого гражданина, которые позволят отслеживать перемещение человека и, тем самым, вторгаться в его личную жизнь. Однако оппонент предыдущего адресанта настроен критично к мнению о чипизации, так как в тексте своего сообщения рассказывает о реальности коронавируса и тяжелом течении заболевания; также несогласие с «Теорией заговора» подчеркнуто коммуникативной импликацией «Уровень образованности, интеллекта у подобных сущностей – 0» – смысл данного высказывания заключается в том, что «Теория заговора» – это фейк, а те, кто в него верит – глупые и недалёковидные люди. Импликация: «Вы просто соскучились по митингам, крепитесь!!!» адресована участнику беседы, который заверял в ложности общественно значимой информации о Covid-19, методах работы государственных структур и данных, предоставляемых СМИ. ИмPLICИТНАЯ семантика насмешки данного высказывания (в совокупности с использованием эмоджи) говорит о том, что автор иронично относится к мнению оппонентки и причисляет ее к людям, кто склонен митинговать не ради справедливости и истины, а с целью развлечься, отдохнуть, повеселиться. Смысл слова «крепитесь» означает, что пандемия и, соответственно, режим самоизоляции вскоре закончатся и участница беседы сможет вернуться к своему привычному образу жизни, заключающемуся в бессмысленных митингах и восстаниях.

Стоит отметить, что нами намеренно сохранена в цитатах орфография и пунктуация, с целью продемонстрировать неграмотность адресанта-оппозиционера – чем человек менее образован, тем он менее способен думать критически, соответственно, относится к типу людей с конспирологическим типом мышления. Вернемся к рисунку 13, где коммуникативная импликация «Кашелек, карЕновирус!!! Пока сидите дома займитесь лучше грамматикой, троллить это не ваше...» также подчеркивает безграмотность адресанта-провокаатора.

Данное высказывание призывает участника беседы сосредоточиться на собственном самообразовании, пока введен режим самоизоляции и люди находятся продолжительное время дома, поэтому имеют возможность использовать свободное время более рационально, чем тратить его на троллинг.

Анализ представленных нами коммуникативных импликаций позволил прийти к двум заключениям: (1) виртуальные коммуникативные импликации отличны от тех, которые используются людьми при прямом общении; (2) нами выделено три типа адресантов, чьи коммуникативные импликации в социальных сетях и блогах выступают в роли инструмента психологически-информационной войны, а именно: (1) **суггесторы** – те, кто внушает заведомо ложную, общественно значимую информацию намеренно, с целью разрушить гражданственно-политические взаимоотношения внутри страны (России) по приказанию и инструкции внешнеполитических и/или внутривнутриполитических врагов; (2) **конспирологи** – люди с параноидальным расстройством личности или люди, не способные критически мыслить, предполагающие, что они являются жертвами мирового заговора и пытающиеся убедить в реальном существовании данного заговора других коммуникантов, чтобы их «спасти» от негативных последствий политических интриг – данный тип адресантов склонен более доверять фейковой информации, чем официальным источникам (СМИ, научным фактам, профессиональным изданиям и пр.); (3) **хейтеры (тролли)** – адресанты, получающие удовольствие от того, что вводят реципиентов в заблуждение, панику, провоцируют массовую истерию. Все три типа адресантов активно способствуют распространению ложной информации в социальных сетях и блогах.

Полагаем, что использование коммуникативных импликаций в психолого-информационной войне гораздо эффективнее других средств виртуальной убеждающей коммуникации, что обусловлено следующими аспектами:

- (1) **безнаказанность** – в то время как ложные новости и другая недостоверная общественно значимая информация благодаря работе компьютерных алгоритмов помогает найти первоисточник и привлечь к уголовной или административной ответственности автора, который прямым текстом искажал представления читателей о том или ином событии, коммуникативные импликации предельно проблематично интерпретировать конкретным образом ввиду их двусмысленного толкования и имплицитности, а также найти посредством хештегов, как в ситуации с фейковыми новостями.
- (2) **примитивность** – коммуникативные импликации ориентированы на «простоту общения», которое, в отличие от официальной информации, вселяет в сознание людей больше доверия. Читатели склонны верить фейковым данным, даже до-

ходящим до абсурда, из-за привычки не доверять официальным источникам. Данная тенденция обусловлена превалированием среди россиян ранее сформированными установками на недоверие и конспирологическим сознанием, онтология которых проистекает из-за гнёта репрессивных методик правления (преимущественно) Сталина. Ввиду вышеперечисленных факторов «люди неспособны мыслить критически... Кроме того в условиях кризиса и стресса в теории заговора начинают верить больше людей» [5]. Таким образом, пользователи полагают, что такой же «простой» гражданин, как и они, желает донести до общественности истину. В то время как официальные источники и СМИ (**по мнению многих граждан**), призваны публиковать материал под «диктовку» правительства, и делают из обывателей жертв политических интриг, «простой» адресант не работает на вышестоящие инстанции, а попросту делится достоверной информацией;

- (3) **отсутствие цензуры** – в социальных сетях и блогах достаточно сложно проследить все нарушения в содержании и распространении различного контента, тем более если коммуникация происходит в закрытых группах или в личной переписке, где имеют место также перепосты различных сообщений (спама или фейковой концепции). Если обсуждение происходит в открытом источнике, модераторы удаляют сообщения, эксплицитно оскорбляющие чью-либо личность, но не отвечают за достоверность высказываний.

На основании приведенных данных исследований можно сделать следующие выводы:

1. Если ранее коммуникация в социальных сетях и блогах имела примитивный характер и обеспечивала обмен информацией «бытового плана», то в настоящий момент она имеет более конструктивное значение и способна выступать в роли информационно-психологического оружия.
2. Коммуникативные импликации являются одним из стратегических и тактических инструментов психолого-информационного оружия, ориентированного на воздействие в виртуальном дискурсе на мнение пользователей и, преимущественно, сосредоточены на массовых социально ориентированных коммуникациях.
3. Существует различие между пропозицией, выраженной высказыванием, и передаваемыми коммуникативными импликациями. На первый взгляд коммуникативные импликации киберпространства характеризуются транспарентностью и конвенциональностью, однако, в то же время, среди множества проанализированных примеров определенно присутствует имплицитность высказываний.
4. Изначально теория Грайса строилась на концеп-

ции, что для того, чтобы знать, что говорящий на самом деле хотел выразить посредством конкретного высказывания, необходимы две вещи: во-первых, знание диапазона возможных смыслов высказывания и конкретного спектра его возможных референтов; во-вторых, понимание того, какой смысл и референцию говорящий намеревался заложить в данном случае. В настоящий момент при общении в Интернет-пространстве посредством блогов и социальных сетей данный лингвистический феномен стал приобретать новые черты, позволяющие понять задумку адресанта и по иным критериям. При виртуальной коммуникации среди пользователей могут быть как знакомые личности, так и люди, которые никогда в жизни друг друга не знали и не встретятся в будущем. Тем не менее, сетевые ресурсы наполнены общими темами, позволяющими понимать коммуникативные импликации, даже если они представлены не в тексте, посвященном конкретной проблематике. Например, при обсуждении статьи про пандемию Covid-19 коммуниканты обсуждали ложность представляемой информации СМИ, теорию мирового заговора, поправки в Конституции РФ 2020 года, неблагонадежность властей и пр. При этом все участники виртуальной беседы понимали, о чем идет речь в том или ином высказывании.

5. Определено влияние коммуникативных импликаций в Интернет-пространстве на различные сферы общественной жизни (политическую, социальную, экономическую и духовную) и дифференцированы типы влияний коммуникативных импликаций на реципиентов (хейтерские, деструктивные и конструктивные).
6. Авторами выделено три типа адресантов, чьи коммуникативные импликации выступают в роли инструментов психолого-информационной войны, дезинформирующих пользователей социальных сетей и блогов: (1) **суггесторы** – те, кто намеренно внушает заведомо ложную, общественно значимую информацию в военно-политических целях по приказанию внутривластных и внешнеполитических врагов российского государства; (2) **конспирологи** – люди с параноидальным расстройством личности или люди, не способные критически мыслить; (3) **хейтеры (тролли)** – адресанты, получающие удовольствие от создаваемых ими скандалов и интриг в виртуальном пространстве.
7. Эффективизация использования коммуникативных импликаций в психолого-информационной войне детерминирована тремя основополагающими факторами: (1) **безнаказанность** (доказать истинный смысл коммуникативной импликации, имеющей имплицитный характер, достаточно проблематично); (2) **примитивность** (фейковые

данные и новости достаточно большим количеством россиян воспринимаются как истина, в отличие от официальных источников, что обусловлено конспирологическим сознанием, недостатком информации, неразвитым критическим мышлением или его отсутствием многих граждан, ранее сформировавшимися установками на недоверие, что усугубляется в условиях кризиса и стресса); (3)

отсутствие цензуры (модераторы, как правило, проверяют информацию, в том числе, в блогах и в социальных сетях, на наличие оскорблений эксплицитного характера, а в некоторых случаях, даже допускают обсценную лексику, но не отвечают за достоверность высказываний виртуальных коммуникантов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арапова, Н.П. Социально-информациологический подход к теории информационных войн: [монография] / Н.П. Арапова; под общ. ред. А.В. Шевченко; Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации. – Москва: Изд-во РАГС, 2007. – 147 с.
2. Гостев, А.А. Глобальная психоманипуляция [Текст]: психологические и духовно-нравственные аспекты / А.А. Гостев; Институт психологии РАН. – Москва: Ин-т психологии РАН, 2017. – 466 с.
3. Гранов, А.Е. Ликвидация безграмотности в первые годы советской власти. Научные труды магистрантов Гуманитарного факультета [Текст] / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный педагогический ун-т». – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2015. – Вып. 7. – С. 6 – 11.
4. Драгалина-Черная, Е.Г. Следование правилу: рассуждение, разум, рациональность [Электронный ресурс]. – СПб.: Алетей, 2014. – 452 с.
5. Кекова, Ю. Психолог объяснила, почему люди верят фейкам. Комсомольская правда. Статья от 31.03.2020. URL: <https://www.kp.ru/online/news/3817975/>. Дата обращения: 14.07.2020.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
7. Коронавирус Covid-19. Только актуальная и достоверная информация. Доказательная медицина для всех. URL: https://medspecial.ru/for_patients/20/31260/. Дата обращения: 14.07.2020.
8. Скрытые смыслы в языке и коммуникации: сборник статей / [Российский гос. гуманитарный ун-т, Ин-т лингвистики; ред.-сост. И.А. Шаронов]. – Москва: [б. и.], 2008. – 246 с.
9. Темиргазина, З.К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике [Электронный ресурс]. – 2-е изд., стер. – Москва: Флинта, 2015. – 120 с.
10. Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
11. Федеральный закон от 01.04.2020 № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».
12. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2020). Статья 16. Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.
13. Хандархаева, И.Ю. Речевое воздействие в рекламе [Текст]: учебно-методическое пособие / И.Ю. Хандархаева; Министерство образования и науки Российской Федерации, Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2015. – 79 с.
14. Carston, R. (2012) Implicature and Explicature / R. Carston, A. Hall. URL: https://www.researchgate.net/publication/265483734_Implicature_and_Explicature. Date: 13.07.2020.
15. Coronavirus disease (COVID-19) advice for the public: When and how to use masks. World Health Organization. URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public/when-and-how-to-use-masks>. Date: 14.07.2020.
16. Giles, K. (2016) Handbook of Russian Information Warfare. NATO Defense College Collège de Défense de l'OTAN. – 90 p.
17. Gricean. Conversational Implicatures. LX 502 – Semantics I. Oct 2, 2008. – Pp. 1 – 7. URL: https://www.bu.edu/linguistics/UG/course/lx502/_pages/schedule.html.
18. Implicature (2005) Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/implicature/>. Date: 13.07.2020.
19. Moeschler, J. (2012) Conversational and conventional implicatures. URL: https://www.researchgate.net/publication/260319066_Conversational_and_conventional_implicatures.
20. Nordquist, R. (2020) Conversational Implicature Definition and Examples. ThoughtCo. URL: <https://www.thoughtco.com/conversational-implicature-speech-acts-1689922/> Date: 13.07.2020.
21. Rooy, R. (2003) Conversational Implicatures and Communication Theory. Text, Speech and Language Technology book series (TLTB, volume 22). – Pp. 283 – 284.
22. Smirnov, M., Malejacq R. (2015) Information War in the Internet. the Conflict Which Cannot Be Won. – 78 p.
23. Wilson, D., Sperber D. (1981) On Grice's theory of conversation. Conversation and Discourse, Edition: 1, Publisher: Croom Helm, Editors: Paul Werth, pp.155-178.

© Петросян Гаяне Оганесовна (11ga1978@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

THE SEMANTIC SPACE OF A WOMAN'S
IMAGE IN LINGUISTIC PICTURE OF
THE WORLD: OMPARATIVE ASPECT
(BASED ON RUSSIAN AND CHINESE
PHRASEOLOGY)

*A. Proskurina
M. Khrenovskaya*

Summary: This article covers the modeling of the semantic space of the image of a woman on the basis of Russian and Chinese phraseology. The object of study is a woman's image in Chinese and Russian linguistic picture of the world. The subject of study is the features of the semantic space of a woman's image, which plays an important role in the culture of both ethnic groups. The author provides a classification of the collected idioms, describes the results of the analysis of Chinese and Russian idioms.

Keywords: woman's image, linguistic picture of the world, phraseology, semantic space, Russian, Chinese.

Прокураина Анастасия Викторовна

*к.филол.н., доцент, Кемеровский
государственный университет
proskurina@yandex.ru*

Хреновская Мария Сергеевна

*Кемеровский государственный университет
mkhrenovskaya@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена моделированию семантического пространства образа женщины на материале фразеологии китайского и русского языков. Объектом исследования является образ женщины в языковой картине мира китайского и русского народа. Предметом исследования выступают особенности семантического пространства образа женщины, которому принадлежит ведущая роль в культуре обоих этносов. Авторами приводится классификация собранных фразеологических единиц, описываются результаты анализа китайских и русских фразеологизмов. Определяются перспективы исследования.

Ключевые слова: образ женщины, языковая картина мира, семантическое пространство, фразеология, русский язык, китайский язык.

В рамках антропоцентрической парадигмы современной лингвистики решаются вопросы взаимодействия языка, сознания и культуры народа. Со стороны ученых особое внимание уделяется рассмотрению языковой картины мира, под которой понимается «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [7, с. 54]. Роль женщины в разных культурах очевидна. Она заключается в сохранении семейного очага, воспитании детей и поддержке мужа, также немаловажной обязанностью жены является ведение хозяйства. Несмотря на то, что на плечах женщины лежит большое количество задач, ее принято считать слабее, чем есть мужчина, а в семье она занимает место правой руки мужа: это представлено во фразеологии, например, русского языка (*муж голова, а жена – шея*). Несмотря на нахождение женщины в тени своего супруга, она является самым главным человеком для своего ребёнка, что порождает вопросы о том, дей-

ствительно ли женщина является помощником мужчины или все-таки *муж – голова, жена – шея; куда захочет, туда и повернет?*

Фразеология уже достаточно продолжительное время привлекает внимание исследователей. Особенно усилился интерес к фразеологизмам в последнее десятилетие. Это связано с развитием идей лингвокультурологии – направления лингвистики, которое изучает проявление культуры народа, закрепившееся в языке с помощью его единиц. К числу культурноносных единиц относятся фразеологизмы, которые «прямо или опосредованно (через соотнесенность ассоциативно-образного основания с эталонами, символами, стереотипами национальной культуры) несут в себе культурную информацию о мире и социуме» [4, с. 45]. Так, В.Н. Телия отмечает: «Для полноты описания культурной значимости фразеологизмов необходимо выявить в их значении все имплицитные культурные смыслы, являющиеся тем звеном, которое служит посредником между языком и культурой, о чём свидетельствует та культурная окраска, которую привносят фразеологизмы в дискурсы разных типов» [9, с. 9].

Статья раскрывает образ женщины, который закрепился в языковой картине мира и стал частью семантического пространства носителей русского и китайского языков. Семантическое своеобразие и уникальность фразеологизмов определяют их роль в создании образа женщины в языке и раскрывают жизненный уклад и особенности мировидения носителей русского или китайского языков.

Материалом для исследования послужили китайские и русские фразеологические единицы (101), семантика которых участвует в формировании образа женщины и позволяет выявить отношение носителей языка к женщинам. Материал был получен путем сплошной выборки из китайско-русских словарей [2; 3], фразеологических словарей русского языка [1; 5; 6].

Выбор обозначенного материала обусловлен тем, что, во-первых, образ женщины оказывается универсальным, определяет своеобразие каждой культуры; во-вторых, наряду с общими ситуациями женщинам свойственны национально обусловленные ситуации, которые высвечивают особенности мировидения представителей разных этносов. Выявление ракурсов восприятия женщин со стороны носителей обозначенных языков представляет собой один из важнейших аспектов изучения языковой картины мира.

Семантико-структурный анализ собранных нами китайских фразеологизмов позволил разделить их на три группы, во главе каждой из которых стоит определенный признак, который объединяет единицы внутри. Были обнаружены следующие параметры: внешность, наличие или отсутствие замужества и качества характера.

В структуре китайских фразеологизмов первой группы мы обнаружили семантический компонент «**红**» (*Hóng*), обозначающий красный цвет и являющийся признаком привлекательности, живости, счастья; например «**红裙**» (*Hóngqún*) – красная юбка или «**红粉**» (*Hóngfěn*) – румяна да белила – оба варианта переводятся как «красивая девушка». Еще одной составляющей фразеологизмов, описывающих прекрасных женщин, является «**玉**» (*yù*) – яшма, полудрагоценный камень. Фразеологические единицы, содержащие в себе данный иероглиф, подчеркивают ценность и уникальность красивых женщин.

Однако тех, кто не соответствует стандартам красоты, называют, например, «**容貌丑陋之女**» (*Róngmào chǒulòuzhīnǚ*), где «**貌丑**» (*mào chǒu*) значит безобразный, отвратительный, а «**丑陋**» (*chǒulòu*) – уродливый, непривлекательный, гадкий, ужасный: экспрессия в данном фразеологизме достигается с помощью использования двух конструкций, которые показывают абсолютную непривлекательность определенной женщины.

Во фразеологических единицах второй группы особое внимание уделено женщинам, не имеющим мужа: «**老姑娘**» (*Lǎogūniáng*) и «**老处女**» (*lǎochǔnǚ*). Оба они переводятся как «старая дева». Их можно считать синонимами, поскольку отличие есть лишь в иероглифах, обозначающих женщину: «**姑娘**» (*gūniáng*) и «**处女**» (*chǔnǚ*), а «**老**» (*lǎo*) значит *старый*. Остаться без мужа – «**嫁不出去**» (*jiàbùchūqù*) – не успеть или не суметь выйти замуж.

Фразеологизмы последней группы содержат в себе иероглифы, обозначающие мифические существа или представителей потустороннего мира. Злых женщин в Китае называют «**泰妇**» (*Tàifù*) или «**罗刹女**» (*luóchànǚ*) – женщина-вампир, где «**罗刹**» (*luóchà*) из санскрита *ракшас* – это демон, пожирающий людей и несущий разрушения. В то время как истеричных женщин характеризуют как «**患癔病的女人**» (*Huànyìbìngdenǚrén*) – страдающая истерией. Здесь «**患**» (*huàn*) употребляется в значении *страдать*.

Проведя анализ собранных нами фразеологических единиц, мы обнаружили, что замужество для китайской женщины является единственным вариантом того, как можно прожить жизнь; иначе ее будут сопровождать одиночество и несчастье. Красивая женщина является святой, яркой, манящей, она счастлива сама и принесет счастье другим, а непривлекательная воспринимается в несколько раз хуже, чем она на самом деле есть, ее образ утрируется в глазах окружающих, она становится слишком некрасивой. Женщина, обладающая склочным характером, – к несчастью – она представляет собой демона, который поедает души людей. Таким образом, женщина в Китае должна быть красивой, иметь мужа и быть покладистой и послушной, иначе она обречена на одиночество, потому что, будучи непокорной и злой, она отдаляет людей от себя.

В результате семантико-структурного анализа фразеологизмы русского языка были разделены на семь групп на основе следующих параметров: возраст, социальная роль (мать), наличие или отсутствие брака или партнёра, внешние характеристики. Также важными критериями являются умственные способности женщины, род ее занятий в жизни, ситуации измен. Каждый из фразеологизмов выявляет отношение российского общества к женщине, её роль, предназначение.

Фразеологизмы первой группы характеризуют женщин в зависимости от возраста. Пожилым дамам даются названия *чертова перечница* или *старая вешалка*. Прилагательные в обоих фразеологизмах несут негативную оценку, что говорит об оценке двух качеств в совокупности: возраста и характера. Мы можем заметить негативную окраску фразеологических единиц. Однако фактором, влияющим на отрицательный смысл, является характер женщины преклонного возраста: склочный,

скверный, сложный. К этой характеристике имеет причастность наименование черт, упомянутое в первом фразеологизме, так или иначе олицетворяющий зло. О молодой женщине можно сказать *во цвете лет*, о женщине среднего возраста – *бальзаковский возраст*. Женщины среднего или бальзаковского возраста названы так по причине выхода романа «Тридцатилетние женщины» Оноре Бальзака. Данный фразеологизм не несёт в себе ни положительного, ни отрицательного смысла.

В составе следующей группы фразеологизмов обнаруживаются единицы, связанные с беременностью и материнством. Само по себе явление беременности принято называть *интересным положением*. Женщину, родившую ребенка, сравнивают с мученицей – *разрешаться от бремени* – употребляя существительное со значением тяжелой ноши, однако в то же время возносят ее до уровня творца – *произвести на свет* – при помощи глагола, который обозначает процесс создания чего-либо. Также беременную женщину называют *с бочиной, брюшонко вяжется, крепкая брюхом, с брюхом*, тем самым характеризуя женщину как «носителя» ребёнка.

Фразеологизмы третьей группы характеризуют женщину в ситуации брака. Она представляет собой самого близкого мужу человека, поскольку зовется *подругой жизни и дражайшей половиной*, она будет со своим мужчиной до скончания своих дней. Эти фразеологизмы характеризуют ее как верную, покорную и любящую женщину, она отдает свои руку и сердце одному единственному.

Четвертая группа объединила фразеологизмы, которые транслируют образ женщины, выступающей в роли матери. Он имеет место в бранных выражениях: *показывать кузькину мать, по матушке, к чертовой матери*. В данном случае раскрываются такие черты женщины, как матери: строгость, непреклонность. Здесь мы снова наблюдаем связь с чертом, это значит, что женщина в образе матери может быть свирепой, вспыльчивой, способной к наказанию.

Самой обширной группой фразеологизмов о женщине является группа, где параметром для характеристики является внешность. Привлекательных женщин называют *лакомым кусочком, картинкой, красной девицей*: они радуют глаз, заставляют любоваться ими, они приятны и на вкус, и на взгляд, их красота кричит и хочет, чтобы о ней знали, красный цвет в значении «красивый» говорит о женщине как об уверенной, яркой и страстной. Описание нагой женщины *как в костюме Евы* говорит нам о том, что женщина святая, однако в ней есть и доля грешности. Женщины с изъянами же воспринимаются утрировано – *бог посмотрел на её ноги и изобрёл колесо* (о женщине с кривыми ногами), *страшнее атомной войны* (о некрасивой женщине), а также они теряют свое

женское начало – *синий чулок* – когда они не являются привлекательными или обаятельными. Данные фразеологизмы показывают важность красоты как черты образа женщины: если женщина некрасива, значит, это не женщина, она из прекрасной, обольстительной и яркой особы превращается в ничто.

Следующая группа вобрала в себя фразеологизмы с описанием характера. Женщины обозначаются такими фразеологическими единицами, как *светская львица* – строптивная, «опасная» женщина. Сравнение с женской особью льва указывает на такие черты, как гордость, страсть, однако в то же время холод и рассудительность. Сильные, волевые женщины могут *держаться под каблучком мужчин*, а они, в свою очередь, *держатся за бабулю юбку*, т. е. женщина смотрит на таких свысока, показывая свой характер. «*Базарными торговками* называют тех», кто делает что-либо неподобающим образом – крикливые, наглые, беспардонные и скандальные женщины, обладающие склочным характером. *Не велика боярыня* – данный фразеологизм применяется к женщинам, думающим о себе как о представительнице привилегированных слоёв общества, которым следовало бы поступиться некоторыми своими привычками. К избалованным женщинам, которым многое позволяют и спускают с рук, применяется такой фразеологизм, как *маменькина дочка*. Им присущи инфантильность, ветреность и наивность, возможно, глупость. *Валять, строить, ломать дурочку* могут женщины, обладающие такими чертами характера, как инфантильность, игривость, также глупость, однако за ребячеством может скрываться ум и расчетливость.

Образ женщины также формируется через фразеологизмы, выражающие эмоциональное состояние, отношение. Женщинам может приписываться такое качество, как склонность к обману, мечтательности: *«бабыми сказками»* называют выдумки и небылицы. В выражении *«мать честная»*, которое является восклицанием, несущим в себе значение избытка каких-либо чувств, прилагательное *«честная»* означает уважаемая, почтенная. Это говорит о том, что образ матери для русского человека является святым, непоколебимым и занимающим особое место в жизни.

Исходя из того, состоит ли женщина в браке или нет, ее образ отражен в следующих фразеологизмах. Немолодую женщину, не состоявшую в браке, называют *старой девой* или *христовой невестой*, это значит, что она, будучи никому ненужной, неинтересной, непривлекательной, проведет остаток своих дней в одиночестве. Само же явление невыхода замуж обозначается такими фразеологическими единицами, как *в девках сидеть* и *остаться вековухею*. Данные фразеологизмы подчеркивают основное предназначение женщины, по мнению русского народа, выйти замуж, стать матерью, хранительницей домашнего очага.

Умственные способности женщины, как и красота, сильно утрированы во фразеологии, если женщина глупа или необразованна. *Бомба замедленного действия* – так говорят о женщине за рулем автомобиля, к которой складывается отношение, будто она вот-вот взорвется, принесет беду, несчастье и разрушения. Глупую женщину называют *бутылкой порозной* – пустой, с воздухом в голове вместо ума. Фразеологическую единицу *Алиса в стране чудес* применяют по отношению к глупой женщине, которой больше присущи наивность, ребячество и ветер в голове, нежели необразованность.

Ещё одна группа фразеологизмов сформировалась в связи с непристойным образом жизни женщины. Распутные женщины называются *авилонскими блудницами*, которые *ходят по рукам, треплют юбки или хвосты и наставляют рога*. В данных фразеологизмах женщина утрачивает свою ценность, поскольку становится не человеком, а чем-то бездушным, предметом обихода, который может быть использован не одним человеком, как перчатки.

Проанализировав фразеологизмы русского языка, мы можем сделать вывод о том, что образ женщины в языке русского народа предстает многоаспектным, семантически емким и разноплановым. Женщина являет собой покорную, кроткую хранительницу очага, которая, однако, может обладать волевым характером и силой. Истинной женщиной является красивая, молодая замужняя девушка, обладающая мудростью. Однако все

те, кто не соответствует стандартам красоты, чей характер не подобает истинной женщине, практически теряют свой образ. Порицается также и распутный образ жизни, который также отдаляет женщин от идеала. Их обезличивают, опуская до уровня предмета, не имеющего формы, пользы и т.п. Социально неодобряемыми оказываются такие черты характера, как сварливость, склочность, непокорность и инфантильность. Наличие изъянов во внешности гиперболизируется, что говорит о высоком уровне требовательности к женщинам. Однако мать, как одно из проявлений образа женщины, является недостижимой и святой. Она объединяет в себе образ творца и мученика одновременно, что возносит ее к лику святых. Матери дана безграничная сила, она строга, сурова, но справедлива.

Из вышеизложенного можно заключить, что образ женщины занимает важное место в языковой картине мира китайцев и русских, в сознании которых обнаруживается совокупность универсальных и национально обусловленных аспектов ее восприятия. Отношение к женщине определяет культуру поведения и мышления носителей китайского и русского языков в повседневной жизни, включенность ее в культурно значимый набор ситуаций. Перспективы исследования связаны с расширением анализируемого материала и описанием пропозиционально-фреймовой организации семантического пространства образа женщины в китайской и русской лингвокультурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой фразеологический словарь русского языка / авт.-сост. В.Н. Телия, М.Л. Ковшова. – Москва: АСТ-Пресс, 2010. – 784 с.
2. 大Большой китайско-русский словарь онлайн. Режим доступа: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 11.12.2019).
3. Готлиб М.О., Хуаин Му Китайско-русский фразеологический словарь / О.М. Готлиб, МуХуаин. 2-е изд., стереотип. – Иркутск: ИГУ, 2019. – 596 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
5. Мокиенко В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1026 с.
6. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков. – Москва: Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.
7. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
8. Попова З.Д. Язык и национальное сознание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. 3-е изд., перераб. и доп. – Воронеж: Истоки, 2007. – 61 с.
9. Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры / В.Н. Телия. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 337 с.

© Проскурина Анастасия Викторовна (proscurina@yandex.ru), Хреновская Мария Сергеевна (mkhrenovskaya@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «СЕМЕЙНЫЙ УКЛАД» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Рындина Юлия Валерьевна

*К.п.н., доцент, Ишимский педагогический институт
им. П.П. Ершова (филиал) ВГАОУ ВО
«Тюменский государственный университет»
y.v.ryndina@utmn.ru*

LEXICAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE CONCEPT OF «WAY OF FAMILY LIFE» IN ENGLISH LANGUAGE

Iu. Ryndina

Summary: The concept «way of family life» is one of the unique concepts in the English language picture of the world since it reflects the mental, cultural and behavioral characteristics of the English. This article is devoted to the description of the concept «way of family life» based on the material of English dictionaries. The main areas of research were: analytical (analysis of theoretical literature and factual material on the research topic), continuous sampling method, lexical and semantic analysis. The scientific novelty of the study is to supplement and deepen the existing ideas about the concept «way of family life» in the English language picture of the world on the material of explanatory dictionaries of the English language. The results of the study can be used in the practice of teaching lexicology and stylistics of the English language.

Keywords: concept, way of family life, representation of the concept, the lexico-semantic analysis, the language picture of the world.

Аннотация: Концепт «семейный уклад» мы относим к уникальным концептам английской языковой картины мира, поскольку в нем отражаются ментальные, культурные и поведенческие особенности англичан. Данная статья посвящена описанию концепта «семейный уклад» на материале словарей английского языка. Основными направлениями исследования послужили: аналитический (анализ теоретической литературы и фактического материала по теме исследования), метод сплошной выборки, лексико-семантический анализ. Научная новизна исследования заключается в дополнении и углублении существующих представлений о понятии «семейный уклад» в английской языковой картине мира на материале толковых словарей английского языка. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в практике преподавания лексикологии и стилистики английского языка.

Ключевые слова: концепт, семейный уклад, репрезентация концепта, лексико-семантический анализ, языковая картина мира.

Актуальность проведенного исследования

Концептосфера представляет собой одну из наиболее значимых сфер в системе знаний человека о языковой картине мира любого народа. Изучение различных концептов, связанных с укладом семьи, вносит существенный вклад в развитие таких отраслей научного знания как когнитивная лингвистика, лингвострановедение, лингвокультурология, межкультурная коммуникация.

Несмотря на то, что в теории и практике лингвистического образования накоплен определённый опыт концептологических исследований, концепт «семейный уклад» не подвергался ранее самостоятельному изучению. Мы считаем данный концепт ключевым элементом в понятийном аппарате человеческого сознания. Поэтому его изучение представляет для нас особый интерес, так как оно открывает широкие перспективы для раскрытия глубинной универсальности понятийного аппарата лингвистики.

Результаты проведенного исследования

Для более полного описания концепта «семейный уклад» мы посчитали важным выполнить теоретический

анализ данного понятия на основе педагогической, психологической, философской, экономической и лингвистической литературы.

Так, в современном толковом словаре русского языка мы находим следующие значения данной дефиниции: «установленный или установившийся порядок, сложившийся образ жизни кого-либо или чего-либо (человека, семьи, социальной группы и т.п.); экономическая форма, тип ведения хозяйства в рамках какой-либо общественно-экономической формации» [17, с. 864].

В философской литературе понятие «уклад» рассматривается с общественно-экономической точки зрения. Так, по мнению Ю.И. Семенова, уклад – это «более или менее сформированная совокупность производственных отношений, образующая самостоятельную, отличную от остальных систему общественного хозяйства» [16, с. 26].

Анализ этих определений показывает, что понятие «уклад» употребляется по отношению к человеку, группам людей и обществу в целом, предполагает совокупность общественных отношений, некое постоянство и порядок в функционировании общества и каждого человека в отдельности. В психолого-педагогических и лингвистических словарях этот термин нам не встретился.

Интересными в свете нашего исследования является труд Т.А. Берсеновой, в котором она рассматривает понятие «уклад жизни». По мнению ученого, это «установившийся порядок отношений, отраженный в образе жизни и включающий в себя сложившуюся систему духовно-нравственных ценностей, усвоенную предшествующими поколениями и направленную на закрепление в следующих поколениях идеалов, смыслов, норм и распорядка жизни» [4, с. 20]. Учёный подчеркивает важность изучения понятия «уклад жизни» как «гарантии сохранения этнического многообразия, социальной устойчивости и эффективной экономической политики государства» [4, с. 27].

В психологической литературе понятие «семейный уклад» рассматривалось в работах Т.В. Андреевой [1], В.М. Бехтерева [5], О.А. Карабановой [10] и др. Так, В.М. Бехтерев предложил концепцию возникновения семьи, согласно которой «ключевая причина формирования семей связана с наличием инстинкта размножения, стремлением человека выжить» [5, с. 60]. Само понятие автор рассматривал как «...совокупность условий совместной жизни...» [5, с. 60]. Т.В. Андреева под семейным укладом понимает «структуру власти в семье» [1, с. 68]. О.А. Карабанова трактует уклад семьи через «систему ценностей, семейное самосознание и распределение ролей в семье» [10, с. 34].

Ф.И. Кевля, А.А. Огаркова и Е.Н. Рыднина рассматривают понятие «семейный уклад» с концепции системного подхода. По мнению ученых, семейный уклад конкретной семьи проявляется «в установившемся порядке её жизни и стиле отношений друг с другом; в её установках, потребностях, интересах, традициях, ценностных ориентациях; в уровне психолого-педагогической культуры родителей; в здоровье всех членов семьи» [11, с. 40].

Итак, анализ психолого-педагогической литературы по проблеме исследования позволил сделать вывод об отсутствии единого подхода к категориальному статусу дефиниции «семейный уклад».

О.М. Потаповская выделяет следующие пять составляющих семейного уклада: обычаи; традиции; отношения; правила и привычки; распорядок дня, недели, года» [14, с. 20].

Р. Бернс в содержание понятия «семейный уклад» включает также «воспитательный стиль родителей, размеры семьи и старшинство среди детей» [3, с. 135].

По мнению В.Н. Куницыной и Е.А. Юмкиной, «для понимания особенностей семейного уклада необходимо рассмотреть и среду, в которой эти отношения развертываются» [13]. В смысловое содержание семейного уклада авторы включают «состав семьи, включая прародителей; иерархию внутри семьи; межличностные отно-

шения; ведение хозяйства, обустройство дома; контакты с ближайшим и дальним окружением; порядки внутри семьи, наличие семейного сценария» [13].

Проанализировав понятие «семейный уклад» с позиций различных наук мы пришли к выводу, что в смысловом содержании семейный уклад является интегральным понятием, включает в себя материальную, эмоциональную, интеллектуальную и нравственную составляющие жизни семьи. Он проявляется в составе семьи, системе взаимоотношений членов семьи друг с другом, быте, семейных традициях и порядках, а также в контактах семьи с близким и дальним окружением. Следует отметить, что все составляющие семейного уклада взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Концепт «семейный уклад» не был ранее предметом лингвистических исследований. Однако в языковедении имеется ряд работ, посвященных исследованию концептов, близких или пересекающихся по своему содержанию с концептом «семейный уклад». Такими концептами являются концепты «семья», «брак», «родственные отношения», «быт», «дом».

Так, Ю.В. Каменская рассматривает концепт «семья» с помощью фреймовой модели. Учёный выделяет в ней следующие терминалы: «нуклеарная семья (семья, состоящая из мужа, жены и детей, живущих под одной крышей), патриархальная семья (совместное проживание нескольких поколений родственников), жизнь семьи (знакомство будущих супругов, создание семьи, рождение и воспитание детей, жизнь супругов после того, как выросли дети)» [9, с. 80].

М.А. Терпак проанализировала концепт «родственные отношения» с помощью когнитивного анализа. По мнению исследователя, данный концепт отражает «представления народа о доме, семье, кровнородственных отношениях и родстве по супружеству» [18, с. 3]. В своем исследовании М.А. Терпак приходит к выводу о «значительном консерватизме и традиционализме семейного уклада в английской лингвокультуре» [18, с. 17].

По мнению Е.В. Добровольской, концепт «семья/family» можно трактовать как «совокупность живущих вместе родственников (семья – дом) или совокупность кровных родственников (семья – родные), связанных различными межличностными отношениями» [7, с. 6].

А. Биктагирова сопоставляет различные культурные коды концепта «семья» в английском, турецком и татарском языках. Ученый приходит к выводу о признании в данных лингвокультурах «мужской власти и женской зависимости в браке, святости только первого брака, положительном отношении к поздним бракам (английская лингвокультура)» [6, с. 110].

Н.Н. Занегина, рассматривая концепт «семья/family» как гиперконцепт, выделяет в нем такие компоненты как «семейство», «гнездо», «фамилия», «дом», «двор», «домочадцы», «династия», а также «формально чужих людей, если они воспринимают друг друга как родственников, и домашних животных» [8, с. 4].

Анализ толковых словарей английского языка позволил выделить следующие значения существительного «family»: «the unit consisting of parents and their children; nuclear family (*Twenty families live on our street.*); a group of people connected by blood or marriage; relatives (*My family is very large.*); children (*Have you any family?*); a group of individuals living under one roof and usually under one head; a group of people descended from a common progenitor; house, line, or clan (*Her mother's family had lived there for generations.*); *biol.* A group of related animals or plants, ranking below an order and above a genus (*Zebras, asses, and horses belong to the horse family.*); people you love and love you back, not necessarily blood or biological, but you trust them and they trust you, and they take care of you and you take care of them; a group of people or things with a common or related characteristic, function or origin; a class of languages sharing certain characteristics and seeming to have had a common origin (*The English language belongs to the Indo-European family.*); things that belong to a particular family (*Ben worked in the family business.*); things that are designed to be used or enjoyed by both parents and children (*a family car, family entertainment*)» [20, 23, 24, 25, 26].

Итак, под понятием «family» следует понимать группу лиц, связанных узами родства или брака и живущих вместе.

Понятие «уклад» относится к пласту безэквивалентной лексики, однако в английском языке его значение можно передать с помощью лексем *lifestyle, way of life, behavior, conduct, habits, style of living, way of acting*. На наш взгляд, более близкими по значению к понятию «уклад» являются лексемы *lifestyle* и *way of life*. Рассмотрим их подробно.

В словаре Merriam-Webster мы находим следующее толкование понятия «way of life»: «the habits, customs, and beliefs of a particular person or group of people; an important activity that affects all parts of someone's life» [21].

В словаре Dictionary.com мы находим следующее определение понятию «lifestyle»: «the habits, attitudes, tastes, moral standards, economic level that together constitute the mode of living of an individual or group» [22].

Словарь Vocabulary.com описывает понятие «lifestyle» следующим образом: «Your lifestyle is how you live, and it reflects who you are. You might try to look cool by adopting a rock star lifestyle of partying every night and sleeping all

day, but you'd probably get pretty tired. A lifestyle can also reflect your attitude or your personal values. For example, you might have a very conservative lifestyle, which means you don't spend money on anything trivial or unnecessary, and you don't engage in silly activities. A glamorous lifestyle means you indulge in upscale, high-profile pursuits and live luxuriously. If you have got some bad habits, your doctor might encourage you to adopt a healthier lifestyle, and get more exercise and eat more carefully» [27].

Merriam-Webster дает следующее определение понятию «family life»: «the kind of life a person normally leads when one is married and has children» [21].

Близкими к рассматриваемому нами концепту являются также *domestic life, family model, family patterns, household practices*, описывающие структуру семьи, взаимоотношения между ее членами, семейный быт и традиции.

Мы полагаем, что понятие «семейный уклад» является концептуально синонимичным понятию «дом». Следует отметить также диссертационное исследование Е.С. Баландиной, в котором учёный доказывает, что слово «семья» в русской, английской и американской лингвокультурах стало символически заменяться словом «родительский дом» [21, с. 20]. В английском языке понятие «дом» представлено лексемами «house» и «home». Рассмотрим их подробно.

Основные значения понятия «house» в толковых словарях английского языка представлены следующим образом: «one of the divisions of a school for sports competitions; a building made for people to live in, usually designed for one family; a building for a government assembly; a family or dynasty, the royal house of Tudors; a building or establishment for a special purpose (the opera house)» [20, 21, 23, 25, 26, 27].

По данным этих же словарей лексема «home» имеет следующие значения: «the place where you live; a place where those who need help are looked after; the place where you were born or where you feel you belong; the place where a child lived with his or her family; a house, apartment etc. considered as property which you can buy or sell; the country where you live, as opposed to foreign countries; the place where you feel comfortable, happy or confident, relaxed» [20, 21, 23, 25, 26, 27].

Анализ значений данных понятий позволил нам сделать вывод, что концепт «house» в английской языковой картине мира используется для обозначения строения. При этом часть концепта «home» характеризуется большей абстрактностью; оно служит для описания «особенной атмосферы внутри определенного дома, «своего» пространства, «средоточия семьи».

Итак, в английской языковой картине мира понятие «дом» воспринимается главным образом как конкретный объект, собственная территория, способная выразить индивидуальность своего владельца и подтвердить его положение в обществе.

Близким к исследуемому нами концепту является концепт «брак», который рассматривается Е.А. Кудиновой в контексте его лексической репрезентации в русском и немецком языках с точки зрения этнолингвистики. Ученый отмечает «этимологическое несоответствие и нетождественность данного концепта в сравниваемых языках, что связано со специфической представленностью его в языковом сознании русских и немцев» [12, с. 98].

Концепт «быт» является одной из малоизученных областей в современной лингвистической науке. Так, А.В. Рудакова выделяет шесть когнитивных слоев данного концепта: «домашнее хозяйство, предметы домашнего обихода; типичная бытовая деятельность, сложившийся порядок жизни, повседневная жизнь человека; семья, семейная, домашняя жизнь и характер взаимоотношений между людьми; жизнь, существование человека [15, с. 4]. Исследований, посвященных изучению концепта «быт» на материале английского языка мы не нашли.

Для нашего исследования мы считаем важным рассмотреть лексемы «household» и «housekeeping», характеризующие быт англичан и распределение семейных обязанностей.

Словарь Cambridge dictionary дает следующее толкование понятия «household»: «a group of people, often a family, who live together» [19].

Синонимический ряд данного понятия представлен лексемами extended family, home, house, ménage, domestic, familial.

В онлайн-словаре Dictionary.com мы находим следующие дефиниции слова «housekeeping»: «the maintenance of a house or domestic establishment; the management of household affairs; the management, care, and servicing of property and equipment of an industrial or commercial building or organization; the ongoing routine, procedures, operations, and management of a commercial enterprise, government, organization, or the like» [22].

Синонимический ряд данного понятия представлен лексемами housework, housewifery, domestic science,

home economy.

Сравнительный анализ понятий «household» и «housekeeping» позволил сделать вывод о существенном различии между данными лексемами. Понятие «household» – это совокупность всех людей, живущих в конкретном доме; семья, включая прислугу и т.д.; домашнее хозяйство или семейное учреждение, в то время как «housekeeping» – это работа по поддержанию дома как места жительства в чистоте (например, уборка). Как прилагательное «household» – это принадлежность к одному и тому же дому и семье.

Семейный уклад представлен также семейными порядками и правилами. В английском языке это слово «house rule», которое можно определить как «a rule or regulation that applies among a family members at home» [21].

Итак, анализ значений словарных дефиниций позволил дать авторское определение концепта «семейный уклад» на английском языке: way of family life is the established way of life of a particular family, which includes common rules of behavior, beliefs, interests, traditions, activities and relationships.

Мы полагаем, что основные рассуждения о способах языковой репрезентации рассматриваемого нами концепта могут быть сведены к трем основным логемам. Первая логема подразумевает семейные традиции и быт конкретной семьи, т.е. ее привычные формы поведения, переходящие из поколения в поколение. Вторая логема отражает взаимоотношения между членами семьи, структуру семьи, воспитательный стиль родителей. Третья логема отражает правила, нормы поведения, привычки (распорядок дня, недели, года). Предлагаемое нами описание структуры концепта «семейный уклад» не является окончательным исследованием, а представляет собой результаты начального этапа нашей исследовательской работы.

В заключение подчеркнем, что настоящее исследование не исчерпывает всего содержания рассматриваемой проблемы. Накопленный теоретический и фактический материал требует развития и уточнения. Тем не менее в нашей работе были освещены существенные аспекты исследования концепта «семейный уклад» на материале словарей английского языка. Перспективу дальнейшего изучения данной проблемы мы видим в описании структуры лексико-семантического поля концепта «семейный уклад» на материале художественных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Т.В. Семейная психология: учеб. пособие. СПб.: Речь, 2004. 224 с.
2. Баландина Е.С. Динамика образа семьи в языковом сознании носителей разных культур: автореферат дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19 Екатеринбург, 2013. 22 с

3. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание: пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. 421 с.
4. Берсенева Т.А. Духовно-нравственные основания традиционного уклада жизни как социально-педагогическая проблема: дис. ... д-ра пед. наук. Курск, 2008. 432 с.
5. Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994. 400 с.
6. Биктагирова З.А. Лингвокультурологические особенности паремий о семье (на материале английского, турецкого и татарского языков) // Вестник ЧГУ. 2006. №5. С. 107-112
7. Добровольская Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Том. гос. ун-т. – Томск, 2005. 24 с.
8. Занегина Н.Н. Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания: автореферат дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01. Москва, 2011. 25 с.
9. Каменская Ю.В. Фрейм «семья» в диалектной картине мира // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. Ч. 2. №8 (15). С. 79-82.
10. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2005. 320 с.
11. Кевля Ф.И., Рындина Е.Н., Черствая О.Е. Семья и семейный уклад в России: монография. М.: «Русь», 2006. 137 с.
12. Кудинова Е.А. Лексическая репрезентация концепта «брак» в русском и немецком языках // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. ч. 2. №8 (15). С. 97-98.
13. Куницына В.Н., Юмкина В.Н. Семейный уклад в социально-психологическом аспекте // Современные проблемы науки и образования. – 2012. № 4. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6696>
14. Потаповская О.М. Педагогическое сопровождение семьи в вопросах духовно-нравственного воспитания детей. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Планета 2003. 64 с.
15. Рудакова А.В. Объективация концепта «быт» в лексико-фразеологической системе русского языка: автореферат дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.01 / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2003. 22 с.

© Рындина Юлия Валерьевна (y.v.ryndina@utmn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал)
ВГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

ПРЕДИКАТИВНОЕ ОБОСОБЛЕНИЕ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ

Топорков Пётр Евгеньевич

К.филол.н., доцент, КГУ им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

ptoporkovnewnew@yandex.ru

PREDICATIVE SEPARATION OF PREPOSITIONAL-CASE FORMS

P. Toporkov

Summary: The article dwells on the issues of semantic and grammatical separation of case and prepositional-case forms in the context of the formation of a predicative as a special lexical and grammatical class of words. The author considers the problems of qualitative increment in the semantics of a case or prepositional-case word form in relation to the original form of a nominative case, including semantic-grammatical transformation (the so-called verb-derived predicatives), the implementation of connotative meanings in the process of semantic-grammatical isolation of the prepositional-case forms, as well as features of the considered lexical and grammatical processes in the framework of the comparative analysis of Slavic languages. The paper contains a classification of models for the formation of phraseological prepositional-case meanings based on lexical-semantic and grammatical factors. The author discusses the role of connotative meanings and metaphors in phraseologization of word forms. The paper also discusses the relations of the predicative semantics of prepositional-case forms with the grammatical semantics of a verb, category of state, as well as the problem of perfective predicative semantics of different parts of speech.

Keywords: predicative, case, prepositional-case form, phraseologization, connotation, statal semantics, appraisal.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы семантико-грамматического обособления падежных и предложно-падежных форм в контексте формирования предикатива как особого лексико-грамматического класса слов. Приведены основные аспекты взаимосвязи теории падежных значений, функционального синтаксиса словоформ и проблем формирования предикативных значений. Проанализированы особенности качественного приращения семантики падежной либо предложно-падежной словоформы по отношению к исходной форме И.п., в том числе случаи семантико-грамматической трансформации (т.н. отглагольные предикативы), реализация коннотативных значений в процессе семантико-грамматического обособления предложно-падежной формы, а также особенности рассмотренных лексико-грамматических процессов в рамках сопоставительного анализа славянских языков. В результате проведённого исследования дана базовая классификация моделей формирования фразеологизованных предложно-падежных значений с учётом лексико-семантических и грамматических факторов. Рассмотрена взаимосвязь грамматической семантики предикативных словоформ с грамматической семантикой глагола, статива, а также проблема формирования совершенных предикативных значений в языке на материале словоформ разных частей речи.

Ключевые слова: предикатив, падеж, предложно-падежная форма, фразеологизация, коннотация, состояние, оценка.

В настоящей работе рассматриваются два основных вопроса:

1. Является ли развитие фразеологизованных предикативных значений следствием процессов на уровне лексической семантики (например, реализация коннотативных значений) и если да, то в какой мере?
2. В какой мере такое изменение значения исходного слова сопровождается грамматическими изменениями (морфологическими и синтаксическими)?

О. Есперсен в работе «Философия грамматики» указывал, что «падеж представляет собой одну из наименее рациональных частей языка в целом» [1]. Суждение это автор связывает с проводимым разделением грамматических категорий на преимущественно лексические (для которых характерна «высокая степень изоморфизма между устройством языковой действительности... и способом её представления в языке» [4: 13]) и преиму-

щественно синтаксические («в падеже существительного главным является синтаксический компонент, т.е. указание на «отношения между словами» в предложении [4: 13-14]). В классификации Е. Куриловича падежи подразделены на «синтаксические» и «семантические», см. [5].

При этом предикативное обособление характерно для тех предложно-падежных форм, в которых отмечается и относительно «семантическая» реализация категории, напр. русский П.п. со значением места, ср. большой объём предикативов – предложно-падежных форм на основе П.п. имени: *в ходу, на ходу* и пр.).

В отечественной лингвистике предпринимались попытки решения проблем падежных значений в синтаксическом ключе, см. работы Г.А. Золотовой, напр. [3], [4], ряд работ Н.Ю. Шведовой. Так, в 1971 году Н.Ю. Шведова опубликовала статью с показательным заголовком «О синтаксических потенциях формы слова», в которой указывала: «Значение формы слова как синтаксической

категории образуется на основе её употреблений и абстрагируется от этих употреблений. В результате этого абстрагирования первично выделяются три круга значений: присловные, уровня предложений и опирающиеся на первые два значения номинативные» [13: 26]. В ряду форм «уровня предложения» Шведова отмечает единицы типа Наши окна – *на набережную*; Это пальто – *на мальчика*; Вся надежда – *на урожай* [13: 31]. При этом в подобном ряду оказываются формы с разной степенью фразеологичности семантики: если примеры типа 1 и 3 предполагают эллипсис в разной мере (окна *выходят* на набережную, надежда *возлагается* на урожай), то пример 2 такого эллипсиса не предполагает (сомнителен вариант подстановки *Пальто надевают* на мальчика), так же как другие фразеологизованные предикативные формы с предлогом на (*на вырост*).

Идея, которая отчасти связана с таким синтаксическим подходом, заключается в том, что в языке отмечается перечень устойчивых синтаксических моделей предложений, предполагающих ограниченный набор предложно-падежных форм для их реализации.

Ср.: Праздник *не в праздник*, Радость *не в радость* и др., при этом возможно толкование *не в радость* как фразеологизованной предикативной единицы, форма *не в праздник* отмечается только в составе фразеологизованной конструкции *Праздник не в праздник*.

Проблема заключается не только и не столько в обособлении падежного значения при сохранении семантики имени существительного, сколько в том, что семантическая связь таких предложно-падежных форм с формой И.п. ослаблена: корреляция И.п. – косв.п. может быть только формальной (ср. как следствие такого ослабления возможность появления форм типа *подшофе*)

При этом словообразовательно такие предикативные единицы часто связаны с глаголами и синтаксическими дериватами, свободное употребление которых весьма ограничено (см. обширный класс отглагольных предикативов – предложно-падежных форм, рассмотренный нами в статье [10]).

Сопоставительные исследования, в частности, на материале финно-угорских языков, отмечают тяготение в рамках некоторых грамматических частей речи/ классов слов к классу имён. Так, в венгерском языке отмечено образование наречий от падежных форм (ср. русск. *зимой* – *дома, домой*), а также совпадение форм имён и признаков слов.

Ср. в венгерском: *rókább a rókanál* ‘хитрее лисы’, досл. ‘*лисее лисы*’ [7: 215].

Отмеченные в подобных исследованиях формы связа-

ны с реализацией обстоятельственных значений, а также количественной характеристикой признака (*лисее лисы*).

В ряде случаев оценочные имена приобретают некоторые черты, свойственные прилагательным, в частности, возможность сочетания с интенсификаторами и даже показателями степеней сравнения.

В.Э. Филиппов отмечал, что «...оценочность — определенная сторона денотации, а не коннотации. Оценочный оттенок — это прагматический вес любого понятия, не отделимый от него и не являющийся, вероятно, отдельной значимостью» [12: 61], т.е. оценочные созначения относятся к денотативной сфере и являются относительно устойчивыми семантическими приращениями. При этом семантические коннотативные приращения в значительно большей степени характерны для И.п. имени – формы, которую с трудом можно причислить к «семантическим» или «лексическим» падежам.

Достаточно давнюю историю имеет спор о происхождении наречий от предложно-падежных форм в древнерусском языке, см. дискуссионную работу [6].

Возникает вопрос: проявляет ли себя в русском языке падежная форма как элемент, дающий качественную семантическую трансформацию?

В ряде случаев словоформа косвенного падежа имеет тенденцию к раскрытию коннотативной семы слова.

Ср.: душа – *широкая* душа, *поганая*, *низкая* и т.д.

Но при этом фразеологизованные (предикатные) предложно-падежные формы с *душой*, *без души* опираются на коннотации ‘доброта’, ‘сострадание’ и др.

Ср. также т.н. *frazy przymiotnikowe* в польском языке, в числе которых словари отмечают обособленные предложно-падежные формы типа *bez głowy*, *bez serca*, *bez życia*, опирающиеся на коннотативные семы исходных существительных.

В результате анализа вышеизложенного теоретического и практического материала нами выделены две основные модели формирования предикативов – фразеологизованных предложно-падежных форм:

1. Семантическая модель

А. Коннотативные семантические трансформации

Такие предложно-падежные формы опираются на коннотативную сему, реализуемую, как правило, в одном (предикативном) употреблении. При этом употребление других падежных форм может быть ограничено.

Ср. *не сахар, не мёд* – *сахар, мёд* (значительно ограничено в употреблении, менее частотно):

Конечно, жизнь рабочих в тогдашней заводской слободке далеко *не мед* и *не сахар*. [Сергей Баймухаметов. Кто погубил прежнюю Россию? Нация самоубийц? // «Вестник США», 2003.11.12]

Думаешь, у меня жизнь — *сахар*? Ха-ха! Знал бы ты про мою жизнь, своя бы казалась раем. [Анатолий Кириллин. С собой не возьму // «Сибирские огни», 2012].

Возможны синтаксические маркеры обособления таких падежных форм

Ср.: Вот *идиот!* Ну и *дура!* польск. *Ale kwas!*

Оценочные коннотативные имена лиц (*осёл, медведь, свинья, дуб*), как правило, реализуют коннотативное значение в рамках предикативного или цитатного употреблений, см. [11].

По наблюдениям В.Н. Телия, «Деривационная опосредованность и косвенная отнесённость к обозначаемым отличает такие наименования (типа *ворона – П.Т.*) от оценочных значений слов типа *разиня, забияка* и т.п., которые способны обозначать объект, к которому они прилагаются, и в других синтаксических позициях (ср. *Я не люблю разинь – *Я не люблю ворон*)» [9: 152].

Ср. также: *по барабану, чума, не в себе/вне себя* и т.д.

В некоторых случаях оценочная коннотация именного предикатива поддерживается словообразовательно, ср. случаи типа *содом ↔ содомно*.

Б. Метафорическая трансформация

В данном случае фразеологизованное значение формируется на основе метафорического переосмысления падежной/ предложно-падежной формы.

Коннотативное значение в ряде таких случаев охватывает все грамматические формы слова

Ср.: *нет сердца, с тараканами* (предикативное употребление) ↔ *сердце болит за кого-л., у каждого свои тараканы* (преимущественно свободное употребление).

Переносные употребления падежных форм формируются по двум базовым моделям переноса:

а) значение места → состояние; поддерживается предлогом с пространственным значением.

Ср.: *в ярости, не в себе*; также польск. *na suki, na fazie,*

na relaxie и др.

Gdyby pił, myślałabym, że *jest na cyku* [Krystyna Kurczab-Redlich. *Głową o mur Kremla* (2007)], тж. *na fazie*

A z rodzinami *będziemy na łączach* [<https://plus.express-bydgoski.pl/zamiast-trenowac-przed-igrzyskami-na-nowo-poznaja-wielkanocne-zwyczajy/ar/c2-14905897>] – ср. русск. *на связи*

jest na relaxie:) super kawalek sie jara przynim :)) [<https://www.youtube.com/watch?v=0kvDDd2TrDo&lc=Ugxtljk42ZWABZTw3yh4AaABAQ>] – ср. синонимические ряды в русск. сленге с семантикой 'состояние наркотического опьянения'

Wolisz *wrażliwe, ona taka jest na stówę* [<https://www.songtexte.com/songtext/skazani-na-sukcezz/mniam-mniam-3377dc69.html>]

Ср. также: *To nie jest na sztywno* [<https://www.youtube.com/watch?v=vPXTD2EuZAQ>] – ср. *стону́дово*

No, ale chyba obaj się zgodzimy, że ta jaina del mes z rozkładówki *jest na wypasie*. [Paul Beatty. *Białocharny* (2018)] – общая положительная оценка.

Ср. также: *do dupy, do kitu, do rzici, na czasie, na fali, na miejscu*.

б) обладание/ отсутствие признака → состояние/ качество

Ср.: *с прибабахом, без понятия*.

Во многих разговорных и жаргонных предикативах связь с семантикой корня ослаблена, и в качестве основы формирования значения выступает предлог, реализующий значение ассоциативно.

Ср. модель *по + Д.п.*: *по барабану, по сараю, до лампы, до лампы, до лампы*.

2. Словообразовательно-грамматическая модель. Основная часть предикативов в рамках этой модели – отглагольные предикативы, в т.ч. охватывающие нелитературную сферу языка.

Ср.: *в ходу, на плаву, в завязке, в нажоре*

К этой модели в диахронии примыкают предикативы типа *невпопад, невмочь, невдомек, невмоготу*.

Функционирование отглагольных предикативов связано с проблемой взаимосвязи атрибутивных и предикативных отношений. На материале славянских языков эта проблема тесно связана с вопросом возникновения сла-

вянского перфекта и развития в современном русском языке перфектной семантики как семантики состояния (в стативах типа *накурено, подметено*); эта проблема поднималась и при анализе предикативной синтагмы в тюркских языках (ср. в работе [1: 7] уподоблены формы перфекта типа др.-рус. *писал есмь* формам азербайджанского *билирэм* 'я знаю', *билирсэн* 'ты знаешь', имеющие ранее значение 'знающий есмь, знающий еси'. При этом отглагольные предикативы, не сводимые к перфектной семантике (ср. *в ходу, на плаву*), реализуют синкретичную семантику действия-состояния, исторически не регистрируемую словарями (при этом, вполне возможно, присутствующую). В любом

случае, частотность таких конструкций значительно возрастает уже в XX веке, что подтверждается данными Национального корпуса русского языка.

Таким образом, предикативное обособление падежных форм носит системный и диахронный характер. В процессе обособления свою роль играют как семантические, так и грамматические процессы, что отражено в базовой классификации моделей формирования предикативных значений. Указанные процессы отражают активную тенденцию формирования предикатива как класса слов как в современном русском, так и в ряде других языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. М., 1986. 283, [1] с.
2. Есперсен О. Философия грамматики (электронный ресурс: <http://www.helpforlinguist.narod.ru/Jespersen0/Jespersen0.pdf>, дата обращения 13.11.2020)
3. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса современного русского языка. — М., 1973. — 351 с.
4. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — М., 2006. — 440 с.
5. Курилович Е. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. М., 1962. С.175-203.
6. Мазанько И.Ф. Заметки об образовании наречий в древнерусском языке // Вопросы языкознания, 1976, №5. С.111-125.
7. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974. — 464 с.
8. Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М.: «Наука», 1973. — 264 с.
9. Телия В.Н. Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. С.129-222.
10. Топорков П.Е. Отглагольные предикативы в современном русском языке // Казанская наука, 2018, №11. С. 184-186.
11. Топорков П.Е. Цитатное употребление предикатива в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 187-189.
12. Филиппов А.В. К проблеме лексической коннотации // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1978. № 1. С. 57-63.
13. Шведова Н.Ю. О синтаксических потенциях формы слова // Вопросы языкознания, 1971, №4. С.25-35.

© Топорков Пётр Евгеньевич (ptoporkovnewnew@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ИСПАНСКИХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Топоркова Юлия Александровна

*К.п.н., доцент, ФГАОУ ВО «Севастопольский
государственный университет»
yulia.toporkova2014@yandex.ru*

FOREIGN-LANGUAGE ELEMENTS IN SPANISH ADVERTISING TEXTS

Yu. Toporkova

Summary: The article focuses on the problem of translation of foreign-language elements in Spanish advertising texts. The peculiarities of functioning of foreign inclusions in the advertisements of Spanish fashion goods are investigated. The foreign-language elements in Spanish advertising texts are singled out: English and French inclusions, barbarisms, intertextual units, allusions. The Spanish advertisements and their translations are analyzed. It's found out that the main translation techniques used to translate foreign-language elements are direct translation, approximate translation, pragmatic adaptation, loose translation.

Keywords: foreign-language elements; barbarism; allusion; direct translation; approximate translation; loose translation; pragmatic adaptation.

Аннотация: В статье рассматривается проблема перевода иноязычных вкраплений в испанских рекламных текстах. Исследованы особенности функционирования иноязычных вкраплений в рекламе товаров испанской модной индустрии. Выяснено, что иноязычная лексика в испанских рекламных объявлениях представлена английскими и французскими вкраплениями, варваризмами, интертекстуальными отсылками, аллюзиями. Проанализированы тексты испанских рекламных сообщений и их переводы. Установлено, что основными приемами перевода иноязычных вкраплений являются: прямой перевод, приближенный перевод, прагматическая адаптация, объяснительный перевод.

Ключевые слова: иноязычное вкрапление; варваризм; аллюзия; прямой перевод; приближенный перевод; объяснительный перевод; прагматическая адаптация.

Любой рекламный текст обладает прагматической направленностью: его главная коммуникативная цель заключается в побуждении реципиента к приобретению продукции [5].

Поэтому в процессе перевода рекламы для реализации данной коммуникативно-прагматической задачи, прежде всего, необходимо обращать внимание на сохранение апеллятивной функции текста в целевой культуре [1, с. 2].

При этом заложенная в рекламе скрытая идеология и социокультурный подтекст значительно затрудняют работу переводчика. Прежде чем воспроизвести рекламное сообщение на другом языке необходимо обнаружить это идеологическое содержание и решить, каким образом передать его в переводе, если это сохранение обоснованно. Таким образом, текст перевода может способствовать искоренению или, напротив, укреплению социально-культурных стереотипов [11, с. 62].

В этом аспекте перевод рекламных объявлений неразрывно связан с проблемой передачи иноязычных вкраплений. По словам С.В. Коломиец, иноязычные вкрапления – это языковые единицы, не ассимилированные или частично ассимилированные к системе заимствующего языка, представляющие код гостевого языка. Появление иноязычных вкраплений в тексте рекламных

объявлений продиктовано как экстралингвистическими факторами (политические, экономические, культурные связи между народами-носителями языков), так и лингвистическими, которые связаны с реализацией их номинативной, прагматической, компрессирующей, аттрактивной функций [2, с. 270].

И.Ю. Мигдаль подчеркивает, что такие слова имеют эквиваленты в составе лексики переводящего языка, но стилистически от них отличаются: они закреплены в той или иной сфере общения как специальные наименования или используются как выразительное средство, придающее речи особую экспрессию [3, с. 32].

Цель данной работы – рассмотреть иноязычные вкрапления в текстах испанской рекламы и их воспроизведение в переводе. Исследуем особенности функционирования данной лексики в рекламе товаров модной индустрии. Ведь мода – это именно та сфера, где важно учитывать эстетические предпочтения, а также психологические и социально-культурные характеристики целевой аудитории. Поэтому при выходе рекламы на новый рынок важно тщательно изучить традиции, взгляды и вкусы местного населения; а переводчику, в свою очередь, приходится решать как языковые, стилистические, так и социолингвистические проблемы перевода, адаптируя рекламное сообщение к реалиям другой страны.

Анализ рекламных объявлений официальных сайтов испанских брендов, прежде всего, позволил выявить наличие большого количества английских и французских вкраплений, а также варваризмов. Приведем примеры перевода англоязычных элементов в текстах испанской рекламы:

Think pink. Las posibilidades a la hora de combinar esta gargantilla son infinitas. Imaginación al poder y looks nuevos en un instante [10]. – *Фантазируй. Перед тобой открыты безграничные возможности комбинирования колье-чокера. Дай волю фантазии, и новые образы будут готовы в одно мгновение* [13]. В данной рекламе розового колье из серебра фигурирует слоган «*Think pink*» – «*Думай розовому!*», содержащий рифму и отсылку к цвету самого изделия. Было бы нецелесообразным оставить данное словосочетание в переводе, так как русскоговорящим потребителям, не владеющим английским языком, оно было бы непонятно. Фраза была переведена нейтрально как «*Фантазируй*», причем переводчик не стал прибегать к стилистической компенсации для передачи стилистического потенциала иноязычного вкрапления. Кроме того, такой вариант перевода привел к возникновению в рекламном сообщении корневого повтора, поскольку в последнем предложении присутствует слово «*фантазия*»: «*Дай волю фантазии, и новые образы будут готовы в одно мгновение*». Тем не менее, такое совпадение, на наш взгляд, нельзя назвать неудачным.

В ходе изучения испанских рекламных текстов выяснено, что иноязычные вкрапления могут сопровождаться графическими стилистическими средствами, например: *Incorpora una joya *minimal* para subrayar tu *outfit** [10]. – *Добавьте *минималистский* аксессуар, чтобы подчеркнуть свой *наряд** [13]. *Déjate llevar por la *fashion shopping* y regálale este reloj en código *black** [10]. – *Позвольте себе модный шопинг и подарите себе эти часы с кодом *черный** [13].

В приведенных выше примерах для реализации аттрактивной функции, исследуемые лексические единицы выделяются астерисками. В русскоязычной версии рекламных сообщений данные знаки также сохранены переводчиком для привлечения внимания целевой аудитории.

Таким образом, сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода рассматриваемых рекламных сообщений показал, что в русских вариантах англоязычные вкрапления встречаются гораздо реже. Более того, переводчики избегают больших скоплений данных лексем в пределах одного русскоязычного текста: это затрудняет восприятие информации рецептором рекламного сообщения и может произвести обратный эффект – оттолкнуть потенциального потребителя.

Однако иногда переводчики сами вводят в текст перевода широко известные варваризмы, которых не

было в оригинале, как, например, это было сделано при переводе рекламы футболок и топов от Mango:

Las camisetas y tops son ideales para cualquier ocasión. Tenemos camisetas de manga corta y manga larga, camisetas de tirantes y tops, camisetas básicas y estampadas en todos los estilos. Un básico en tu armario fácil de combinar para conseguir el look más acertado [12]. – *Футболка или топ – идеальный вариант для любого случая. У нас Вы найдете футболки с коротким и с длинным рукавом, топы на бретелях, базовые модели, различные принты и расцветки. Must-have в Вашем гардеробе, который легко сочетать для создания любого образа* [4]. В рассматриваемом переводе нейтральное испанское слово «*básico*» («*базовый*») заменяется англицизмом «*must-have*». Эта лексическая единица значительно распространена в сфере моды в разных языках, и постоянно встречается на страницах женских журналов. Вероятность того, что она будет непонятна русскоговорящим покупателям, очень мала. К тому же, за счет данной замены высказывание стало более экспрессивным.

Проанализируем переводы французских вкраплений. *Cuando un anillo tiene mil caras te permite jugar a combinarlo con diferentes tendencias y estilos. Será como abrir una puerta a un universo de nuevas combinaciones, aportará aire fresco a tu armario añadiéndole el famosísimo «je ne sais quoi»* [10]. – *Когда у кольца столько облиций, оно отлично вписывается в любые тренды и стили. Этот аксессуар – пропуск в мир стильных комбинаций. Он вдохнет новую жизнь в ваш гардероб – и привнесет в ваш образ нечто неуловимо прекрасное* [13]. Французская фраза «*je ne sais quoi*» буквально переводится как «Я не знаю что». В XVIII веке она была распространена в сфере искусства и обозначала красоту, которую невозможно выразить словами. На русский она обычно переводилась как «неизъяснимый». Сейчас фраза известна, но уже не так, как раньше, и будет понятна ограниченному числу российских потребителей, и потому в переводе стоит отказать, что и было сделано. В русском рекламном сообщении это иноязычное вкрапление было переведено с французского как «*нечто неуловимо прекрасное*».

Однако стоит отметить, что случаи сохранения французского вкрапления в переводе на русский все же встречаются. Обратимся к соответствующему примеру: *La naturaleza y el romanticismo combinan de manera magistral en esta exquisita pieza de edición limitada, inspirada por la exuberante elegancia del pavo real. Una joya fantástica en la que diseño y calidad se aúnan expresando el «savoir-faire», personalidad y estilo único del que Magerit imbuje a todas sus creaciones* [7]. – *Природа и романтика мастерски объединены в этом, с ограниченным тиражом изделия, вдохновленном пышной элегантностью павлина. Фантастические жемчужины, дизайн и качество которых воплощают «savoir-faire», личность и уникальный стиль, который наполняет все творения Magerit* [6]. Лексическая единица «*savoir-faire*» – варваризм французского

происхождения, точнее галлицизм. Ее русскими эквивалентами являются «*ноу-хау*», «*умение*», «*опыт*», однако в данном контексте подобный вариант перевода не соответствовал бы стилистической окрашенности объявления с рекламой изысканного ювелирного украшения. Следовательно, первоначальная форма вкрапления сохранена при переводе, во-первых, потому что данная фраза все же функционирует в современном русском языке и знакома, хотя и не всем, но многим его носителям; во-вторых, с ее помощью переводчику удастся передать колорит и образность оригинального текста.

Приведенный выше пример перевода иноязычного вкрапления позволяет также говорить о том, что эффективность воздействия данного рекламного объявления обусловлена приемом «интертекстуальности» – намеренного введения в текст перевода отсылок на другие тексты или жанры, содержащие известные факты, клишированные фразы или цитаты с целью привлечения потенциального потребителя [1, с. 10-11].

В ходе изучения лексики испаноязычных рекламных текстов нами было выявлено значительное количество подобных интертекстуальных, аллюзивных отсылок к неким универсалиям, общеизвестным историческим, литературным фактам, прецедентным текстам. Безусловно, подобные аллюзивные вкрапления делают образ продукта более ярким, выразительным и узнаваемым, что облегчает процесс его передачи при переводе. Так, например, в рекламе коллекции Polynesia от Giverola содержится историческая аллюзия: *Una de las islas más famosas de la Polinesia Francesa es la isla de Bora Bora. Gracias a su hermosa laguna de perlas, es considerada el lugar más romántico de la Tierra. Incluso James Cook, el primer europeo que visitó esta isla exótica, no pudo resistir su belleza y la llamó «la perla del Océano Pacífico»* [8]. – *Один из самых известных островов Французской Полинезии – остров Бора-Бора. Благодаря своей красивейшей перламутровой лагуне, он по праву считается самым романтическим местом на Земле. Даже Джеймс Кук, первый европеец, который посетил этот экзотический остров, не устоял перед его красотой и прозвал его «жемчужиной Тихого океана»* [9]. В данном рекламном сообщении упоминается Джеймс Кук и его экспедиция в Тихий океан. Его личность и его открытия известны во всем мире, так что сохранение аллюзии при переводе полностью оправданно.

Обратимся к переводу рекламы ювелирного украшения, где содержится мифологическая аллюзия на Медузу: *Los mitos y leyendas de la Antigua Grecia han servido de inspiración para muchas creaciones. La colección «Mythology» se centra en la poderosa figura de Medusa, quien, entrelazada con uno de los animales de más simbolismo en la mitología, la serpiente, muestra el verdadero significado de «belleza mortal»* [7]. – *Мифы и легенды Древней Греции служили вдохновением для многих творений. Коллекция «Mythology»*

сфокусирована на могучей фигуре Медузы, которая переплетается с одним из самых символических животных – змеей, показывая, что это действительно «смертельная красота» [6]. Как видим, в тексте оригинала данного рекламного объявления присутствует определенная степень метафоричности, которая сохранена переводчиком, в том числе путем прямой передачи данной аллюзии. Таким образом, сохранение аллюзий при переводе стилистически-окрашенных рекламных объявлений является целесообразным: это, с одной стороны, позволяет ярко и точно передать экспрессивность оригинального текста, а с другой, апеллировать к общечеловеческим культурным ценностям и воздействовать на эмоциональное восприятие реципиента, а значит, оказывать должный эффект на потенциального покупателя.

Рассмотрим еще один пример на основе текста рекламы кольца коллекции Manta Ray от Giverola и его перевода: *Para la tribu maorí, Manta Ray era un poderoso talismán. Este habitante del océano velaba por los aventureros libres y valientes y su energía sagrada los ayudaba a adaptarse a cualquier situación y los protegía de las emociones negativas de otras personas. El anillo «Manta Ray» le protegerá y le mostrará la mejor manera de evitar cualquier trampa* [8]. – *Для маорийцев скат Manta Ray был могущественным оберегом. Опасный житель океана был символом свободных и отважных искателей приключений, его сакральная энергия помогла им адаптироваться к любой ситуации и ограждала от негативных эмоций окружающих людей. Кольцо Manta Ray будет надежно вас оберегать и научит обходить подводные камни стороной* [9]. Сама по себе фраза «Manta Ray» – иноязычное вкрапление даже для испанского текста. В данном случае эта аллюзия отражает название коллекции и является ее лейтмотивом, поэтому ее появление в тексте перевода целесообразно. Однако, чтобы избежать неправильного понимания данной лексической единицы, переводчик вводит пояснение – помещает перед ней слово «скат», поскольку «Manta Ray» – разновидность ската. По-испански он называется «Manta Raya». Таким образом, при переводе применяется прагматическая адаптация. Данный переводческий прием направлен на преодоление социокультурных различий, препятствующих правильному восприятию рекламы русскоязычной аудиторией.

На основании исследования иноязычных вкраплений в рекламных текстах товаров испанской модной индустрии и их переводов можно сформулировать следующие выводы. Иноязычные вкрапления представлены в испанской рекламе, главным образом, английскими и французскими элементами (словами, фразами, слогами), варваризмами, лексемами интертекстуального характера, аллюзиями. Выяснено, что выбор способа и приема перевода иноязычных вкраплений обусловлен рядом факторов, связанных как с характером самой лексической единицы (известность, узнаваемость), так и со

стилистическими и смысловыми особенностями исходного рекламного текста. Установлено, что малоизвестные русскоязычному реципиенту лексемы, как правило, не сохраняются при переводе, равно как не допускается избыточное употребление иностранных слов в рамках одного переводного текста. В таких случаях применяется прямой или приближенный перевод иноязычного вкрапления. В случае перевода аллюзий их первоначальная форма обычно сохраняется; или применяется прием прагматической адаптации, а также объяснительный перевод. С другой стороны, появление неизмен-

ного иностранного вкрапления в тексте перевода может быть продиктовано стилистической необходимостью, когда заимствованная лексема подчинена единому создаваемому рекламой образу, или когда рекламируемый товар предназначен для конкретной целевой аудитории и призван вызвать необходимые ассоциации у реципиента. Таким образом, адекватная передача иноязычных вкраплений при переводе испанской рекламы модных товаров способствует реализации основной, аппеллятивной функции рекламного текста: заинтересовать и привлечь потенциального покупателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борнякова И.В. Специфика языка рекламных сообщений и их перевода в рамках межкультурной коммуникации (на материале немецкой и русской журнальной рекламы): автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Москва, 2007. 23 с.
2. Коломиец С.В. Иноязычные вкрапления в текстах русских рекламных сообщений // Вестник КемГУ. 2012. №4 (52) Т. 3. С. 268-272.
3. Мигдаль И.Ю. Культурная маркированность иноязычных вкраплений художественного текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. №4. С. 31-36.
4. Официальный сайт Mango: электронный ресурс. Режим доступа URL: <https://shop.mango.com/ru/> (дата обращения: 01.12.2020)
5. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Либроком, 2012. 216 с.
6. Ювелирная коллекция - Magerit: электронный ресурс. Режим доступа URL: <https://www.mageritjoyas.com/collection.php?col=all&lang=RU> (дата обращения: 01.12.2020)
7. Colecciones - Magerit Joyas: электронный ресурс. Режим доступа URL: <https://www.mageritjoyas.com/collection.php?col=all&lang=ES> (дата обращения: 01.12.2020)
8. Giverola Jewelry Store Online: электронный ресурс. Режим доступа URL: <https://giverola.net/es/> (дата обращения: 01.12.2020)
9. Jewelry Store Online - Giverola: электронный ресурс. Режим доступа URL: <https://giverola.net/ru/> (дата обращения: 01.12.2020)
10. Joyería Online Tous, Joyeros desde 1920: электронный ресурс. Режим доступа URL: <https://www.tous.com/es-es/> (дата обращения: 01.12.2020)
11. Rodríguez Arcos, I. Publicidad y estereotipos femeninos: el potencial del traductor contra la violencia simbólica de Bourdieu // Asparkia. 2016. N 27. P. 51-63.
12. Mango España. Moda online: электронный ресурс. Режим доступа URL: <https://shop.mango.com/es> (дата обращения: 01.12.2020)
13. Tous, ювелиры с 1920 года: электронный ресурс. Режим доступа URL: <https://www.tous.ru> (дата обращения: 01.12.2020)

© Топоркова Юлия Александровна (yulia.toporkova2014@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМ ОБРАЩЕНИЙ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ В XX-XXI ВВ.

Хуан Шаофэй

*Аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
elisa666shaofei@yandex.ru*

CHANGES IN THE FORMS OF SALUTATIONS IN RUSSIAN AND CHINESE IN THE XX-XXI CENTURIES

Huang Shaofei

Summary: This article examines the changes in the forms of Russian and Chinese salutations used in the dialogue between strangers, in the historical aspect (from the XX century to the present day) and the identification of factors that affect the changes in salutations in Russia and China. Analyzing the factors that influence changes in the forms of salutations, the author came to the conclusion that the evolution of salutations is closely related to the economic, cultural and political changes taking place in society and country.

Keywords: salutations, change, social change.

Аннотация: В данной статье рассматриваются изменения форм русских и китайских обращений, используемых в диалоге между незнакомыми людьми, в историческом аспекте (в период с XX в. до наших дней) и выявление факторов, влияющих на изменения обращений в России и Китае. Анализируя факторы, которые влияют на изменения форм обращений, автор пришёл к выводу, что эволюция обращений тесно связана с экономическими, культурными и политическими изменениями, происходящими в обществе и государстве.

Ключевые слова: обращение, изменение, социальные перемены.

Обращение - это слово (или сочетание слов), называющее того, к кому (чему) обращаются с речью. Оно имеет форму именительного падежа и произносится с особой звательной интонацией [11]. Обращение, как лексический компонент коммуникативного акта, в процессе исторической изменчивости мира претерпело множество изменений, оставив нетронутым естественный процесс изменчивости лексики. Следовательно, социальные изменения оказывают влияние на язык. Как было отмечено американскими учеными, что язык, как социальное явление, сильно меняется по мере того, как социальная жизнь прогрессирует, когда происходит градиент или возбуждение социальной жизни.

Российско-китайские отношения характеризуются высокой динамикой развития и активными связями на всех уровнях, и теперь все больше и больше китайцев начинают изучать русский язык. Кроме того, в России китайский язык также указан в качестве одного из экзаменов по иностранному языку при поступлении в высшие учебные заведения. Язык является мостом общения между людьми, и обращение, как предвестник общения, занимает очень важное место в межкультурной коммуникации. Поэтому в данной работе будут рассмотрены изменения форм обращений в русском и китайском языках в XX-XXI вв. и будут выявлены факторы, влияющие на изменение форм обращений в русском и китайском языках. Это поможет учащимся, изучающим иностранные языки, понять культуру страны, в которой они изучают язык, чтобы лучше овладеть языком и достичь хороших коммуникативных целей в межкультурном взаимодействии.

Россия

XX век для России стал довольно насыщенным на события: Октябрьская революция 1917 года, которая привела к созданию нового государства; распад Советского Союза также привел к становлению нового государственного строя. Под влиянием таких серьезных социальных перемен обращение, как лексический компонент коммуникативного акта, также пережило существенные изменения.

1. Октябрьская революция 1917 года

В царской России вопрос с обращениями обстоял довольно просто. Существовали обращения «господин» и «госпожа», различающиеся лишь по гендерной принадлежности, которые принято было применять при общении с людьми с высоким социальным статусом: выходцы высших сословий, богатые помещики и прочие обеспеченные люди. Помимо этого, существовали обращения «сударь» и «сударыня», а также «ваше превосходительство», «ваше благородие» и т.д. Использование данных обращений было признаком выражения уважения к представителям высшего класса.

После Октябрьской революции 1917 года в новой, социалистической России были уничтожены дворянство и помещичий класс. Особым законом отменяются все звания и чины. Исчезают обращения «сударь» и «сударыня» - все они были признаны унижающими достоинство человека. Обращение «господин» и «госпожа» пере-

стали использоваться и, более того, осуждались новым равным обществом. Примером тому может послужить отрывок из повести М.А. Булгакова «Собачье сердце». События повести происходят в 20-е годы после Октябрьской революции. Главный герой, профессор хирургии, Преображенский в одной из неприятных бесед со своим «творением» Шариковым, сказал: «Я и доктор Борменталь будем называть вас «господин Шариков».

На что Шариков ему ответил: «Я не господин, все господа в Париже!».

В обиход граждан Советской России вошло обращение «товарищ», не имеющее цели гендерного или социального разграничения людей. Оно было введено с целью устранения разницы между мужчиной и женщиной, укоренения всеобщего равенства.

То есть в контексте социального развития и исторических перемен, идеология, представленная обращениями, также сильно изменяется. С ростом революционного движения в России в начале 20-го века слово «товарищ», как в свое время слово «гражданин», приобретает новый общественно-политический смысл: единомышленник, борющийся за интересы своего народа.

2. Период СССР

Интересным представляется тот факт, что с момента становления России как Страны Советов, процесс преобразования обращений так и не был завершен, хотя и претерпел существенные изменения. Причина в основном в том, что идеология, которую представляют старые и новые обращения, сильно отличается. Как было сказано выше, обращение «господин» было исключено из лексики советских граждан. Борцы за новую страну, ярые коммунисты, считали тех, кто использовал по отношению к ним обращение «господа», врагами. В противовес этому, представители бывших высших сословий считали оскорбительным по отношению к себе обращение «товарищ», направленное на уравнивание всех.

Однако, со временем, обращение «товарищ» полностью вытеснило обращение «господин» из речи граждан Советского Союза. Это была страна товарищей.

3. После распада Советского Союза

В 1990-х гг. распад Советского Союза привел к значительным изменениям в российском обществе и его влияние на российский народ было беспрецедентным. Снова новое государство, новый строй, новые общественные устои. В таких условиях обращение снова претерпевает существенные изменения.

Советская культура и система обращений стали те-

рять свои позиции. Начиная с конца 80-х гг. в деловом общении стали возрождаться такие обращения как «сударь», «сударыня», «господин», «госпожа». Снова столкнулись лицом к лицу обращения «господин» и «товарищ». Обращение «товарищ» понемногу стало выходить из обиходной речи людей. Его продолжают употреблять военные, члены партий коммунистического направления и люди для обозначения своих приятельских отношений.

Сфера применения обращения «господин» вновь стала расширяться. В последнее время данное обращение воспринимается как норма на заседаниях Государственной Думы ФС РФ, по телевидению, в деловой среде.

Интересное мнение касательно обращения «господин» выразил лингвист М. Кронгауз. Он отметил, что «обращение «господин» имеет разные характеристики использования в разные периоды:

1. В настоящее время «господин» можно использовать в сочетании со словами, обозначающими профессии, такие как «господин контролер», «господин проводник», «господин судья». До Октябрьской революции «господин» часто использовался с фамилиями, но не со словами, обозначающими род занятий. Например, «господин профессор, господин посол».
2. Сегодняшнее «господа» (множественное число) иногда может относиться не только к мужчинам, но и к присутствующим женщинам.
3. Раньше «господин» использовался как в письменной, так и в устной речи, а в настоящее время он обычно используется в письменной речи. В устной речи его употребление вызывает эффект отчуждения и может иметь даже негативный оттенок». [Кронгауз: 108-110]

Поэтому неуместно называть возвращение слова «господин» в сегодняшнем русском языке «возвращением», потому что сегодняшний «господин» не «господин» до Октябрьской революции, это просто видоизмененный товарищ. А мы, в свою очередь, перестав быть товарищами, так и не господами. [Кронгауз: 143].

В деловой сфере, в особенности среди преподавателей и юристов, распространенным стало обращение «коллега». Например, «Дорогие коллеги», «Уважаемые коллеги».

С распадом Советского Союза в обращения вернулась некая гендерность. Половая принадлежность стала снова очень важна. По отношению к незнакомым молодым девушкам стало широко использоваться выражение «барышня». Как правило, данное обращение относится к «девочкам в приличных и элегантных платьях в возрасте от пятнадцати до шести лет», и используется

представителями пожилого возраста. Распространенными как среди молодежи, так и среди людей среднего и пожилого возраста стали обращения «ребята», «девчата», «девчонки». Например: «Не стесняйтесь вы меня, девчата, правду говорите, ради Христа. Не прощу себе, если покалечитесь». (Б.Л.Васильев)

По отношению к мужчинам и женщинам среднего и пожилого возраста обращения практически не изменились: «мужчина», «женщина», «гражданин», «гражданка». Однако, по мнению многих, обращения «мужчина» и «женщина» является нарушением речевого этикета и проявлением невоспитанности. Они могут восприниматься адресатом как неуважение к нему, даже оскорбление. В таком случае предпочтительнее начинать разговор без обращений, используя обезличенные формы: «Будьте добры...», «Простите...», «Вы не скажете...», «Скажите, пожалуйста...», «извините», «будьте добры» и другие.

Китай

Для Китая XX век стал не менее насыщенным на исторические события, чем для России: Создание Китайской Народной Республики, Культурная революция, проведение политики реформ и открытости. Под влиянием таких серьезных исторических и социальных перемен китайский язык также прошел три периода изменений и обращения, в рамках речевого этикета, не стали исключением.

1. Становление Китайской Народной Республики

В 1949 было провозглашено о создании Китайской Народной Республики. Основой нового государства стало построение коммунизма и всеобщее равенство. Итогом таких государственных преобразований стало введение в качестве обращения слова «同志» [тонджи] - «товарищ». Обращение «同志» [тонджи] - «товарищ» берёт свое начало из Советского Союза, ставшего единомышленником КНР в первые годы её становления. В результате интеграционного влияния идеологии правящей партии, с одной стороны, уменьшилась дифференциация между различными группами общества, быстро установились общечеловеческие «товарищеские» отношения, а с другой стороны, стали применяться политические средства для очищения идеологической культуры от влияния феодализма и капитализма. Целью нового государства явилось желание сделать культуру члена нового коммунистического общества высоко идеологизированной социалистической культурой.

В Китае обращение «同志» [тонджи]-«товарищ» с явным политическим оттенком распространилось среди широких масс и между людьми исчезли классовые и гендерные различия. При встрече, не только солдаты, рабочие, фермеры, интеллектуалы, но и незнакомцы на-

зывали друг друга «товарищами».

Помимо обращения «同志» «товарищ», широко распространено было обращение «师傅» [шифу] - «мастер», которое, в основном, употреблялось при обращении к представителям физического труда. Обращение «同志» «товарищ» стало широко употребляемым и могло использоваться и при обращении к представителям физического труда (продавцы, водители и владельцы лавок), и при обращении к интеллектуальным и общественным лидерам.

2. Период Культурной революции

1960-70-е гг. в Китае ознаменованы свершением Культурной революции. Данное событие повлекло существенные изменения в речевом этикете, в том числе в обращениях. Своего рода опале подверглось обращение «товарищ» в политическом смысле. В различных материалах СМИ (газеты, журналы) любое лицо, называемое «товарищем», объектом осуждения и объявляется практически врагом. Использовать обращение «товарищ» стало небезопасно, в отличие от обращения «师傅» «мастер», которое стало широко использоваться, заменив «товарища».

3. Период политики реформ и открытости

С 1978 г. в Китае начал свой старт политики реформ и открытости. В процессе всеобщей глобализации отношения между странами стали весьма тесными и открытыми. Это повлияло на прежние культурные традиции и ценности Китая. В обиходную речь стали возвращаться забытые обращения, что разнообразило набор социальных обращений. На смену устаревшим «товарищ» и «мастер» пришли такие обращения, как «先生» [сяньшэн] - «господин», «女士» [ньюши] - «дама», «小姐» [сяоцзе] - «мисс». Обрели популярность такие обращения, как «老板» [лаобань] - «босс», «经理» [цзинли] - «менеджер», «董事长» [доншичжан] - «президент», «主席» [чжуси] - «председатель» и т. д.;

Новые политические веяния стали отправной точкой для создания новых обращений, отражающих некоторые внешние качества человека. Появились такие выражения, как «美女» [мэйнюй] - «красивая женщина», «帅哥» [шуйгэ] - «красивый парень», «靓女» [ляннюй] - «красивая девушка», «大叔» [дашу] - «мужчина средних лет». Следует отметить, что «красивая девушка» не обязательно красива, а «красивый парень» не обязательно красив, а «красивая девушка» не обязательно красива, а «красивый парень» не обязательно красив, а «красивый парень» не имеют комплиментарного характера. Их цель – сократить дистанцию при общении.

Популярностью пользуются и обращения, отражающие симпатию и любезность по отношению к молодым

людям, которых мы считаем красивыми, например: “小哥哥”[сяогэгэ] - «младший брат», “小姐姐”[сяоцзецзе] - «младшая сестра».

По мере развития общества некоторые общепринятые обращения постепенно приобретают новые значения. Например, термин “同志” также означает «гомосексуализм». Многие гомосексуалисты привыкли называть «товарищами». Использование данного обращения среди представителей нетрадиционной сексуальной ориентации популяризировалось в конце 1980-х годов в Гонконге, а в середине и конце 1990-х годов постепенно распространилось на внутренний континент через провинцию Гуандун.

Однако обращение “同志” «товарищ», в традиционном понимании, по-прежнему используется в определенной области. Фактически, данное обращение по-прежнему используется среди граждан (особенно пожилых людей). Например, в автобусах молодые люди часто называют водителей “叔叔” «дядей», “师傅” «мастером» и т. д., в то время как пожилые люди, в особенности рожденные в 50-х гг. XX в. по привычке называют водителей “同志” «товарищами».

В современном китайском письменном языке слово “同志” «товарищ» также часто используется в качестве обращения в традиционном смысле. Например, в ходе проведения ежегодной государственной китайской конференции «Две конференции» обращение «товарищ» по-прежнему пользуется популярностью в ходе общения между участниками.

Но стоит отметить, что в Китае, как и в России, в рамках современного речевого этикета, предпочтительнее использование обезличенных обращений “麻烦问一下”、“请问”, в целях соблюдения нейтральности речи и выражения уважения к собеседнику.

Из приведенного выше анализа можно сделать следующие выводы:

1. Влияние экономической среды на обращение

Экономический фактор как фундаментальный стимул социального развития имеет решающее значение для изменения семантики обращений. В разные годы в связи с социальными, историческими и экономическими изменениями, возникают новые социальные отношения. Это приводит к появлению новых смыслов в общепринятых обращениях, что позволяет нам косвенно отследить процесс этих изменений.

После проведения политики реформ и открытости китайская социально-экономическая жизнь стала стремительно меняться. Отношения между людьми посте-

пенно диверсифицировались, обращения претерпели изменения. “同志” [тонджи]-«товарищ» был заменен обращениями “小姐”[сяоцзе]-«мисс» и “先生”[сяньшэн]-«мистер» на всей территории Китая и больше в обиходе не используется.

Данные изменения в системе обращений отражают социальные изменения, происходящие в обществе в связи со стремительным развитием экономики.

2. Влияние культурной среды на обращение

Культура играет важную роль в процессе эволюции обращений. И любая культура проходит процесс взаимодействия с иными культурами, что влечет некоторые поглощения культурных традиций, их изменения.

Примером тому служит тот факт, что в последнее время в китайском языке появилось очень много заимствованных слов, в том числе и среди обращений. В процессе глобализации в китайском языке отмечается большое количество заимствований, в том числе и среди обращений. Например: “白领”[байлин] «белый воротничок», CEO «генеральный директор».

Интерес представляет история слова “同志” «товарищ». Слово “同志” «товарищ» в китайском языке существует уже 2 тысяч лет. Но обращение “同志” «товарищ», касательно представителей нетрадиционной сексуальной ориентации, не имеет исторической подоплёки. Изначально, обращение “同志” «товарищ» касательно гомосексуалистов стало популярным в Гонконге. После возвращения Гонконга в состав Китайской Народной Республики, культурный обмен между этими двумя территориями продолжал углубляться, и эта социальная проблема, которая уже очень распространена на Западе, официально вошла в наше видение Китая. Отсюда видно, что эволюция значения обращения “同志” «товарищ» отражает коммуникативную конвергенцию различных культурных форм общества.

3. Влияние политической среды на обращения

На протяжении всей истории влияние политического фактора на выражение обращения, как лексический компонент коммуникативного акта, было минимальным. Но в определенные периоды политическая жизнь сыграла решающую роль в преобразовании обращений. Типичным примером является обращение “同志” «товарищи» в период культурной революции, когда данное обращение имело политическую окраску. В современном китайском обществе слово “同志” «товарищ», как традиционное обращение, по-прежнему широко используется в Китае, что также связано с политическим фактором в Китае. Пропаганда использования слова “同志” «товарищ» в партии не по званию, является хорошей традицией

Коммунистической партии Китая. На сегодняшний день в ведущих отечественных СМИ, на официальных встречах, обращение “同志” «товарищ» по-прежнему остается довольно популярным.

В русском языке обращение «товарищ» изначально применялось к людям, исполняющими одно дело, связанных общими условиями жизни и обстоятельствами. Лишь в XX веке, в период революционных волнений, слово товарищ получило политическую окраску, распространившись в качестве обращения

в среде коммунистов, социалистов и т. д. Использование обращения «товарищ» призвано подчеркнуть солидарность и взаимное доверие идеологических единомышленников.

Проведенное исследование показало, что социальные изменения оказывают влияние на язык и речевой этикет, неотъемлемой частью которого являются обращения. Эволюция обращений тесно связана с экономическими, культурными и политическими изменениями общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хуан Бижон. Анализ мотивов и причин изменения на употребление обращений. -Пекин: 2009.
2. Лю Гуанчжунь. Восприятие перемена общества сквозь призму изменения фразеологии. -Пекин: 2001 (4).
3. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. -М.: Языки славянской культуры, 2008.
4. Балакай А.Г. О русских обращениях [J]. Русская речь, 2005 (6).
5. Формановская Н.М. Русский речевой этикет: лингвистический и методические аспекты [М]. М.:Изд. ЛКИ, 2008.
6. 钟尹, 汉语称谓语的变化及其语用特点[M], 北京, 新华出版社, 2005. (Чжун Инь. Изменение китайских обращений и их прагматические особенности. -Пекин: Синьхуа, 2005.).
7. 李树新, 现代汉语称谓词与中国传统文化[M], 北京, 北京大学出版社, 1990. (Ли Шусинь. современное китайское название и традиционная китайская культура. -Пекин: Пекинского университета, 1990.).
8. 杨永林, 《社会语言学研究: 功能? 称谓? 性别篇》, 上海, 上海外语教育出, 2004. (Ян Юнлинь. Социолингвистические исследования: функции? Обращение? Пол? «. -Шанхай: Образование иностранных языков в Шанхае, 2004.).
9. 王枫, 李树新, 同志称谓的历史嬗变及其语义特征内蒙古大学学报 (人文·社会科学版), 2005. (Ван Фэн, Ли Шусинь. Историческая трансмутация и семантические особенности обращения “同志”. -Внутренняя Монголия: журнал Внутренней Монголии (издание гуманитарных и социальных наук), 2005.).
10. 金采薇, 党内应该称“同志”, 《人民日报》, 1998年9月4日. (Цзинь Цайвэй. В партии должен обращаться на “同志”. - Жэньминь жибао, 4 сентября 1998 года.).
11. Русская грамматика. Том II. Синтаксис. М.: «Наука», 1980

© Хуан Шаофэй (elisa666shaofei@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЫРАЖЕНИЕ ТЕМПОРАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Цюй Жуй

Аспирант, Пекинский университет иностранных языков,
(г. Пекин, КНР)
qurui@yandex.ru

EXPRESSION OF TEMPORAL DEIXIS IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Qu Rui

Summary: The article is devoted to studying expression of temporal deixis in the Russian and Chinese languages. The research aims to identifying peculiarities of expressing temporal deixis in the languages under study. Scientific originality of the study lies in dividing the expression of temporal deixis into direct and indirect. As a result of the study, the linguistic means of expressing temporal deixis were established and systematized, and the differences in the expression of temporal deixis in the Russian and Chinese languages were determined.

Keywords: Russian language, Chinese language, temporal deixis, direct expression, indirect expression, linguistic means.

Аннотация: Статья посвящена исследованию выражения темпорального дейксиса в русском и китайском языках. **Цель** исследования заключается в выявлении особенностей выражения темпорального дейксиса в двух языках. **Научная новизна** исследования обнаруживается в разделении выражения темпорального дейксиса на непосредственное и косвенное. **В результате** исследования были установлены и систематизированы языковые средства выражения темпорального дейксиса, определены различия выражения темпорального дейксиса в двух языках.

Ключевые слова: русский язык, китайский язык, темпоральный дейксис, непосредственное выражение, косвенное выражение, языковые средства.

Под дейксисом подразумевается указание на такие элементы акта речи, как говорящий, собеседник, время и место, а также на все то, что непосредственно относится к речи [4, с. 9]. Ч. Филлмор и С. Левинсон разделяют дейксис на личный, пространственный, темпоральный, социальный и дискурсный [10, с. 42]. Данная классификация теперь считается общепринятой.

Среди всех видов дейксиса темпоральный дейксис занимает важное место. Он имеет большое значение для речевой коммуникации. В зависимости от сложности категории времени выражение темпорального дейксиса представляет собой сложную проблему. Надо подчеркнуть, что темпоральный дейксис выражается формальными языковыми средствами разных уровней языковой системы.

Преыдушие исследования по выражении темпорального дейксиса опираются на анализ материала английского языка, их результаты не совершенно соответствуют особенностям употребления русского и китайского языков. Наше исследование стремится именно к раскрытию специфики выражения темпорального дейксиса в русском и китайском языках.

Актуальность нашего исследования определяется тем, во-первых, от выражения темпорального дейксиса в большой степени зависит эффект коммуникации. Во-вторых, при понимании выражения русского темпорального дейксиса носителями китайского языка существуют языковые и когнитивные барьеры. В-третьих, выраже-

ние темпорального дейксиса недостаточно исследовано и систематизировано.

Для достижения цели исследования поставлена задача установить и классифицировать языковые средства выражения темпорального дейксиса на основе анализа материала русского и китайского языков. В качестве теоретической базы исследования выбраны работы С. Рахимова [4], Хэ Цзыжэня (何自然) и Жэнь Юнпина (冉永平) [8].

Темпоральный дейксис является основным типом дейксиса, указывающим на грамматическое время и временные отношения. Подобно другим дейксисам, темпоральный дейксис характеризуется ситуативностью, эгоцентризмом, субъективностью, мгновенностью и эфемерностью актуального значения [2, с. 5-6]. С. Рахимов отмечает, что выражение дейксиса разделяется на имплицитное и эксплицитное [4, с. 5]. По его мнению, эксплицитное выражение темпорального дейксиса осуществляется морфологическим и лексическим средствами. Что касается имплицитного выражения, то это синтаксическое выражение темпорального дейксиса, в нем важную роль играет предложное сочетание. Мы придерживаемся данного мнения С. Рахимова. Он создал то, что выражение дейксиса характеризуется иерархичностью.

Во внимание приняли данную характеристику и китайские лингвисты. Опираясь на анализ материала китайского языка, Хэ Цзыжэнь и Жэнь Юнпин предлагают понятие «прагматический темпоральный дейксис». Они указывают, что некоторые устойчивые выражения и фра-

зеологизмы, метафорически выражающие длительность времени и возраст, относятся к темпоральному дейксису, хотя они буквально не имеют связи с выражением значения времени. Например, 不惑 [бу хо] 'без колебаний' обозначает 40 лет. На наш взгляд, данные средства должны быть рассмотрены как средства имплицитного или косвенного выражения темпорального дейксиса.

С учетом иерархичности выражения темпорального дейксиса и особенностей употребления русского и китайского языков мы разделяем выражение темпорального дейксиса на непосредственное и косвенное.

1. Непосредственное выражение темпорального дейксиса

Цель употребления темпорального дейксиса заключается в осуществлении выражения грамматического времени и временных отношений. В русском и китайском языках грамматическое время соответственно понимается как темпоральность и фактор времени. Темпоральность отражает «восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета» [1, с. 5]. Она обнаруживается в временных формах глаголов, употребляемых для выражения настоящего, прошедшего и будущего времени.

- 1) *Однажды он **готовил** концерт Брамса в Мюнхене* (Спивакова С. Не все. 2002. НКРЯ) [3] (прошедшее время).
- 2) *Иванов **сидит** за столом и **читает** книгу* (Катаев В. Б. Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники. 2004. НКРЯ) [Там же] (настоящее время).
- 3) *Он **приедет** во вторник* (Токарева В. Своя правда // «Новый Мир». 2002. НКРЯ) [Там же] (будущее время).

Фактор времени понимается как время действия и относительное положение действия от момента речи или иного момента на временной оси [6, с. 417]. Он отражается временными вспомогательными словами (着 [чжэ] 'быть в процессе какого-либо действия', 了 [лэ], 过 [го] 'близки по значению к суффиксам глаголов в прошедшем времени'), временными существительными (未来 [вэй лай] 'будущее', 今天 [цзинь тянь] 'сегодняшний день') и временными наречиями (正在 [чжэн цзай] 'находиться в стадии осуществления', 刚才 [ган цай] 'только что') [9, с. 300-326]. Например:

- 1) *古典音乐**正在**被更多的人接受。* (人民日报. 人民日报出版社, 1987.10.06 'Газета Жэньминьжибо. Изд-во «Газета Жэньминьжибо». 06.10.1987') [7] (настоящее время). / [zu дянь инь юе чжэн цзай бэй гэн до дэ жэнь цзе шоу] 'Классическую музыку принимают все больше людей' (здесь и далее перевод автора статьи. – Ц. Ж.).
- 2) *王惠莹从小就爱上了体操。* (天津日报. 天津日报社, 1987.11.27 'Тэньцзинь Дейли. Изд-во «Тэньцзинь Дейли». 27.11.1987') [Там же] (прошедшее время). /

[ван хуэй ин цун сяо цзю ай шан лэ ти цао]

'С детства Ван Хуэйин влюбился в гимнастику.'

3) *一场大雨**即将**来临。* (河北日报. 河北日报社, 1991.10.26 'Хэбэйский ежедневник. Изд-во «Хэбэйский ежедневник». 26.10.1991') [Там же] (будущее время). /

[и чан да юй цзи цзян лай линь]

'Надвигается сильный дождь.'

В русском и китайском языках, выражение временных отношений преимущественно осуществляется с помощью временных наречий, выражающих точку времени, отрезок времени, частотность и порядок времени. Среди них дейктическую функцию выполняют временные указательные наречия, которые употребляются и понимаются в зависимости от конкретной конситуации речи. Например, *недавно, днем, часто,夜里* [е ли] 'ночью', *有时* [ю ши] 'иногда', *然后* [жань хоу] 'потом'. Они отличаются от слов, выражающих номинативное время (*понедельник, 2020 год, 星期五* [син ци у] 'пятница'), семантика которых независима и абсолютна. В языке выражение значения времени разделяется на дейктическое и недейктическое. Основой недейктического выражения является номинативное время, при его употреблении и понимании точкой отсчета не является момент речи говорящего [8, с. 35].

Опираясь на наблюдение за индоевропейскими языками, С. Рахимов отмечает, что предлог является важным и особым языковым средством при осуществлении временной либо пространственной координации объектов внешней действительности. А.А. Закарян указывает, что при осуществлении пространственной ориентации объектов предлоги способны обозначать статическую или динамическую локализацию объектов. По мнению Рахимова, данная классификация тоже подходит предлогам, употребляемые для выражения временной локализации объектов. Временные предлоги, выполняющие функцию статистической локализации, соотносят действие с определенным моментом на временной шкале (*в 2 часа*) или со временем совершения другого действия (*перед обедом*). Временные предлоги, употребляемые для реализации динамической локальности, соотносят действие с периодом времени (*до его возвращения*). В китайском языке существуют аналогичные средства выражения, например: *在八点* [цзай ба дянь] 'в 8 часов', *从那天起* [цун на тянь ци] 'с того дня'.

Надо подчеркнуть, что вышеуказанное предложное сочетание, выражающее временное значения должно быть разделено на сочетание предлога со словами, имеющими временную семантику, т.е. временными словами и сочетание предлога со словами, обладающими временным атрибутом. Безусловно, что сами слова, обозначающие момент и период времени могут быть рассмотрены как собственное время, а слова, выражающие значение действия не относятся к временным словам.

Последние слова обладают не временной семантикой, а временным атрибутом. Временная семантика и временный атрибут различаются. Слова со временной семантикой могут самостоятельно выражать значение времени, а слова со временным атрибутом не могут. Мы считаем, что сочетание предлога со временными словами относится к средствам непосредственного выражения темпорального дейксиса, другой вид сочетания – средствам косвенного выражения темпорального дейксиса. О косвенном выражении мы будем рассуждать во второй части статьи.

Одним словом, что к средствам непосредственного выражения темпорального дейксиса относятся временные формы глаголов (русский язык: спряжение глаголов; китайский язык: сочетание глаголов со служебными словами), временные указательные наречия, сочетание предлога со временными словами.

2. Косвенное выражение темпорального дейксиса

Не подлежит сомнению, что помимо непосредственного выражения темпорального дейксиса существует и косвенное выражение. В русском и китайском языках косвенное выражение темпорального дейксиса в первую очередь осуществляется посредством производных временных слов, которые состоят из слов со временным атрибутом и маркировок.

Мы отметили, что временной атрибут и временная семантика различаются. Под временным атрибутом понимается как темпоральные семантические характеристики, существующие имплицитно в семантическом компоненте языковой единицы. Он рассматривается как потенциальную семантику языковой единицы. Например, «окончание университета» представляет собой не время, а событие. Но это событие обладает временной соотносительностью, т.е. оно происходит в определенное время. Именно данная характеристика считается временным атрибутом данного словосочетания.

Временной атрибут может превращаться в заметную временную семантику с помощью маркировочных средств. Например, **до** окончания университета, **после** окончания университета. Данные выражения принадлежат к темпоральным дейксисам. Маркировочные средства аналогичны вспомогательным словам, только в сочетании со словами со временными атрибутами могут быть рассмотрены как темпоральный дейксис и выражают полное временное значение. В русском языке к маркировочным средствам относятся существительные, предлоги и наречия, а в китайском языке – существительные, предлоги и союзы. Вообще говоря, маркировочные средства разделяются на следующие виды:

1) маркировка наименования: **эпоха** феодализма, **Бронзовый век**, **ученический период** [сюе шэн ши ци] 'школьные

годы', **каменный век**; [ши ци ши дай]

2) маркировка временной ориентации: **перед** революцией, **за** обедом, **после** окончания университета, **после** ужина; [да сюе би е хоу]

3) маркировка начала, конца и течения времени: **с** Отечественной войны, **до** его возвращения, **с** последней встречи с вами; [цзы цун шан цы цзянь дао ни]

Кроме вышеуказанного, косвенное выражение темпорального дейксиса может быть осуществлено при употреблении выражений, связанных с понятием движения, что объясняется тем, что суть течения времени понимается как вечное движение. Движение, обладающее временной ориентированностью, включает в себя астрономическое, фенологическое и человеческое.

Астрономическое движение отражает смену времени дня и времен года. Оно разделяется на движение планет и метеорологическое явление.

1) Ну, Лизок, **луна восходит** и нам время в парк (Андреев Л.Н. Екатерина Ивановна. Пьеса в четырех действиях. 1912) [3] (луна восходит – символ вечера).

2) На улице очень холодно и неприятно: второй день метет **метель** (Рязанова И. Отит // «Здоровье». 1999.03.15. НКРЯ) [Там же] (метель – символ зимы).

3) **Каждый день на рассвете старые клиенты стоят у дверей в ожидании открытия.** (人民日报. 人民日报出版社, 1996.03.28 'Газета Жэньминьжибо. Изд-во «Газета Жэньминьжибо». 28.03.1996') [5] (**鱼肚白** [юй ду бай] 'предраассветный цвет неба' – символ рассвета). /

[мэй тянь ган лу юй ду бай, лао чжу гу мэнь цзю чжань цзай мэнь вай дэн чжэ кай е]

'Каждый день на рассвете старые клиенты стоят у дверей в ожидании открытия.'

4) **Несмотря на сильный северный ветер, на рынке по-прежнему нескончаемый поток покупателей.** (人民日报. 人民日报出版社, 1960.01.28 'Газета Жэньминьжибо. Изд-во «Газета Жэньминьжибо». 28.01.1960') [7] (**朔风** [шо фэн] 'северный ветер' – символы зимнего сезона). /

[цзинь гуань шо фэн линь ле, ши чан ли гу кэ жэн жань ло и бу цзюе]

'Несмотря на сильный северный ветер, на рынке по-прежнему нескончаемый поток покупателей.'

С астрономическим движением тесно связывается фенологическое движение, имеющее в виду регулярные сезонные явления природы. Данными движениями отражается смена времен года.

Давно **стоял снег**, вокруг совсем тепло (Членов А.Ф. Как Алешка жил на Севере. 1978) [3].

В этом предложении выражение «стоял снег» символизирует наступление весны.

Функцию временной ориентации выполняют выражения о личных жизненных привычках, графике работы, стиле одежды, праздничных обычаях народа и развлекательных деятельности. Например:

1) **Шуба** Ольги на месте, и **санки** наши стоят, *значит, здесь* (Букша К. ана. 2002) [3].

2) *他正坐在树荫下和几位朋友乘凉、聊天。* (人民日报. 人民日报出版社, 2017.06.22 'Газета Жэньминьжибо. Изд-во «Газета Жэньминьжибо». 22.06.2017') [5]. /

[*та чжэн цзо цзай шу инь ся хэ цзи вэй пэн ю чэн лян ляо тянь*]

'Сидя в тени под деревом, они с несколькими друзьями наслаждаются прохладой и разговаривают.'

В примерах слова «шуба» и «санки» символизирует зиму, а действия «сидеть в тени под деревом» и «наслаждаться прохладой» – лето, чем определен временной фон описательных сцен.

Таким образом, для осуществления косвенного выражения темпорального дейксиса могут быть употребляемы такие средства, как производные временные слова, состоящие из слов с временным атрибутом и маркиро-

вок, а также слова, косвенно или имплицитно выражающие значение времени.

Опираясь на установленные и классифицированные языковые средства выражения темпорального дейксиса в русском и китайском языках, мы пришли к следующим **выводам**.

1) Выражение темпорального дейксиса разделяется на непосредственное и косвенное, что соответствует иерархичности выражения дейксиса.

2) При непосредственном выражении темпорального дейксиса в русском языке имеются более богатые языковые средства, охватывающие морфологический и лексический уровни, а в китайском языке темпоральный дейксис выражается лексическими средствами.

3) Как в русском, так и в китайском языке косвенное выражение темпорального дейксиса осуществляется такими универсальными средствами, как производные временные слова и выражения, имплицитно обладающие временной ориентированностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 264 с.
2. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.: Едиториал УРСС, 2011. 112с.
3. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 04.12.2020).
4. Рахимов С. Речевая коммуникация и проблема дейксиса в разносистемных языках. Ташкент: Изд-во «ФАН» УзССР, 1989. 90 с.
5. 北京语言大学: ВСС语料库 (Пекинский университет языка и культуры: Корпус китайского языка ВСС) [Электронный ресурс]. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: 04.12.2020).
6. 陈平. 论现代汉语时间系统的三元结构. 中国语文. 1988. 第6期, 第401-422页 (Чэнь Пин. О тройной структуре системы времени в современном китайском языке // Китайский язык. 1988. № 6. С. 401-422).
7. 国家语委现代汉语语料库 (Корпус современного китайского языка Государственного комитета по работе в области языка и письменности) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnccorpus.org/> (дата обращения: 25.10.2020).
8. 何自然, 冉永平. 新编语用学概论. 北京: 北京大学出版社. 2010, 379页 (Хэ Цзыжань, Жэнь Юнпин. Общее введение в прагматику. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2010. 379 с.).
9. 吕叔湘. 中国文法要略. 北京: 商务印书馆. 2018, 681页 (Люй Шусян. Очерк грамматики китайского языка. Пекин: Изд-во Коммерческое, 2018. 681 с.).
10. 索振羽. 语用学教程. 北京: 北京大学出版社. 2000, 223页 (Со Чжэньюй. Учебное пособие по прагматике. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2000. 223 с.).
11. 俞东明. 什么是语用学. 上海: 上海外语教育出版社. 2011, 247页 (Юй Дунмин. Что такое прагматика. Шанхай: Шанхайское изд-во обучения иностранным языкам, 2011. 247 с.).

© Цюй Жуй (qurui@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Our authors

Arkhipova I. – Ph. D (Philology), Professor, Novosibirsk State Pedagogical University

Astashchenko E. – Candidate of Philology, Senior Lecturer, National Research Moscow State University of Civil Engineering

Syrova M. – Lecturer, National Research Moscow State University of Civil Engineering

Balkanov I. – Cand. Sc. (Linguistics), Associate Professor, Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow

Belyaev A. – Senior lecturer, TSU named after G. R. Derzhavin

Belyaeva I. – Senior lecturer, TSU named after G. R. Derzhavin

Wang Dihan – Aspirant, Lomonosov Moscow State University

Gong Jingsong – Ph.D. of Philology, Associate Professor, Guizhou Education University (Guiyang)

Drugoveiko N. – docent, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow

Kondratev P. – Senior Lecturer, St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Li Xiaotong – PhD student, Beijing Normal University

Maevskiy V. – assistant, applicant, Peoples Friendship University of Russia

Palii Yu. – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Sevastopol State University

Petrosyan G. – Ph.D., Senior Lecturer, RUDN

Proskurina A. – candidate of Philology, associate Professor, Kemerovo State University

Khrenovskaya M. – Kemerovo State University

Rzhanov A. – postgraduate student at the Irkutsk National Research Technical University; volleyball coach at the Municipal Budgetary Institution Sports School of Olympics "ANGARA", Angarsk

Shishlyannikova O. – the teacher, Irkutsk National Research Technical University

Matrosova E. – Senior Lecturer, Irkutsk National Research Technical University

Poshvenchuk B. – Senior Lecturer, Irkutsk State Medical University

Roslova G. – Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI)

Ryndina Iu. – Ph. D. (Pedagogics), Associate Professor, P.P. Yershov Ishim Pedagogical Institute (branch) of Tyumen State University

Tikhonova L. – Applicant, Far Eastern Federal University

Toporkov P. – PhD, Docent, Tsiolkovsky Kaluga State University

Toporkova Yu. – candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, Sevastopol State University

Fomina S. – candidate of pedagogical sciences, Associate Professor, The Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg)

Frolova O. – Candidate of pedagogical sciences, Teacher of a foreign language, Secondary General Educational School № 54 in Voronezh

Ivanova L. – Teacher of a foreign language, Municipal State General Education Institution Aleynikovskiy Main General Educational School of the Rossoshansky District of the Voronezh Region

Huang Shaofei – PhD Student, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Qu Rui – PhD student, Beijing Foreign Studies University (Beijing, China)

Shibnev A. – Graduate student, Moscow State Pedagogical University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).